

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 2 (54)

Москва

2024

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

- Малюга Е.Н.*, академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллеруп Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)**

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Издательство, 2024
© Коллектив авторов, 2024

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 2 (54)

Moscow

2024

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association”
created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.
(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar,
Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples’ Friendship University of
Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

© Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Publishing house, 2024

© Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>АНИСИМОВ В.Е.</i>	7
Особенности применения когнитивно-эвристической модели перевода при локализации кинозаголовка (на материале французского и русского кинодискурса)	
<i>ЗУБКОВА О. С., ЛОГВИНА С. А.</i>	31
Лингво-культурная обусловленность функционирования эвфемизма: прикладной аспект	
<i>ЛЕБЕДЕВА И. С., ИВАНОВА М.В.</i>	62
Персуазивность, хеджирование и вежливость как элементы конструирования репрезентативной картины события в ходе судебного заседания	
<i>ТИХОМИРОВ Д. П., АХРЕНОВА Н.А.</i>	89
Маркеры агрессии при коммуникации в киберспортивном пространстве	
<i>ГОРОЖАНОВ А.И., КРАСИКОВА Е.А.</i>	115
Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ)	
<i>ФОМИН А. Г., ХАКИК А. Х.</i>	139
Лингвистические средства метафоризации концептосферы как способ репрезентации категории оценочности	

CONTENTS

Scientific articles

<i>ANISIMOV V.E.</i> Cognitive-heuristic model of translation application in the localization of the film title (based on the material of the French- and Russian-language film discourse)	7
<i>ZUBKOVA O. S., LOGVINA S. A.</i> Linguo-cultural specificity of euphemia: applied aspect	31
<i>LEBEDEVA I. S., IVANOVA M.V.</i> Persuasion, hedging and politeness in discourse construction in courtroom	62
<i>TIKHOMIROV D. P., AKHRENOVA N.A.</i> Markers of aggression in communication in the esports space	89
<i>GOROZHANOV A.I., KRASIKOVA E.A.</i> Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media)	115
<i>FOMIN A. G., HAQIQ A. H.</i> Linguistic means of metaphorization of the conceptsphere as a way of representing the category of evaluativeness	139

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.01>

В.Е. Анисимов¹

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КИНОЗАГОЛОВКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО КИНОДИСКУРСА)

В статье впервые рассматривается применимость когнитивно-эвристической модели перевода, предложенной отечественным лингвистом А.Г. Минченковым, в процессе локализации заголовков французских кинофильмов в русскоязычном лингвокультурном пространстве. Важную роль в грамотной локализации кинозаголовка как малоформатного текста кинодискурса в иной культуре играет сохранение или трансформация концептов, функционирующих в оригинальном кинозаголовке. Предметом исследования являются лингвокультурные концепты, функционирующие в кинозаголовках французских кинофильмов. Основными задачами исследования являлись анализ концептов, функционирующих в исходных кинозаголовках, рассмотрение способов их передачи в процессе локализации заголовков французских кинофильмов в русской лингвокультуре, а также правомерность тех или иных приемов и способов локализации. В результате проведенного анализа нами было установлено, что наиболее удачным в процессе локализации кинозаголовка фильма (локализованный текст – ЛТ) может быть

¹ © Анисимов В.Е. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

признан вариант, в котором полностью или частично сохранен концепт, заложенный авторами при создании исходного названия (исходный текст – ИТ), что, в свою очередь, позволит наилучшим образом реализовать прагматический потенциал локализованного кинозаголовка и интертекстуальные связи названия кинофильма с его жанровой составляющей или сюжетом произведения, тем самым существенно повысив кассовые сборы кинофильма и его успех в прокате другой страны.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст, малоформатный текст, концепт, локализация, когнитивно-эвристическая модель перевода

UDC 811

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.01>

V.E. Anisimov

MGIMO University

**COGNITIVE-HEURISTIC MODEL OF TRANSLATION
APPLICATION IN THE LOCALIZATION OF THE FILM
TITLE (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH- AND
RUSSIAN-LANGUAGE FILM DISCOURSE)**

The article examines the applicability of the cognitive heuristic translation model proposed by the Russian linguist A.G. Minchenkov in the process of the titles of French films localization of in the Russian-speaking linguistic and cultural space. An important role in the film title competent localization as a film discourse small-format text in another culture is devoted to the preservation or transformation of concepts functioning in the original film title. The subject of the study is the linguistic and cultural concepts that function in the film titles of French films. The main objectives of the study were to analyze the concepts functioning in the original film titles, to consider ways of their transmission in the process of French films titles localization in Russian linguistic culture, as well as the legality of certain localization techniques and methods. As a result of the analysis, we found that the most successful in the process of localization of the film's title (localized target text – LT) can be recognized as a variant in which the concept laid down by the authors when creating the original title (source text) is fully or partially preserved, which, in turn, makes it possible to best realize

the localized film title pragmatic potential and the intertextual links of the film title with its genre component or its plot, thereby significantly increasing the box office of the film in another country.

Keywords: film discourse, film text, small-format text, concept, localization, cognitive heuristic model of translation

Введение

На сегодняшний день кинематограф прочно занимает нишу одного из основных видов досуга населения в большинстве стран мира. Появление и активное распространение онлайн-сервисов, позволяющих потребителям знакомиться с новинками кинопроката и смотреть кинофильмы вне мест, специально отведенных для просмотра (кинотеатры, киноклубы, видеотеки и др.). Традиционная популярность кинематографа во Франции обеспечивается высоким интересом французов к новинкам национального и зарубежного кино: согласно данным Национального центра кино и мультипликации Франции (Centre national du cinéma et de l'image animée), посещаемость французских кинотеатров достигла 181 миллион зрителей, что на 18,9% опережает показатель 2022 года и является близким значением к рекордным 2017-2019 годам (Centre national du cinéma, www). Кинематограф остается популярным и у российского зрителя: несмотря на существенное сокращение иностранных кинокартин в российском прокате, совокупные сборы российских кинотеатров в 2023 году составили свыше 40 млрд. рублей, большинство из которых, составили кинофильмы отечественного производства (Фонд кино, www).

Популярность кинематографа, несомненно, влечет за собой распространение кинопродукции за пределы страны производства. В этой связи, необходимым становится грамотная локализация кинотекста в культуре страны-реципиента. Цель статьи заключается в выявлении особенностей локализации в российском прокате лингвокультурных концептов, функционирующих в кинозаголовках французских кинофильмов. Для достижения поставленной цели автор проанализировал концепты, репрезентирующиеся в заголовках французских кинофильмов, рассмотрел способы их передачи в процессе локализации французских кинофильмов в русской лингвокультуре и

правомерность различных приемов и способов локализации концептов, функционирующих в кинозаголовках французских кинофильмов, в русской лингвокультуре. В качестве предмета исследования выступают лингвокультурные концепты, функционирующие в кинозаголовках французских кинофильмов.

Актуальность выбранной тематики заключается в важности уточнения понятий *локализация* и *перевод* применительно к кинодискурсу и его малоформатным текстам, а также необходимостью рассмотрения вопроса грамотной локализации лингвокультурных концептов, функционирующих в малоформатных текстах, в ином лингвокультурном пространстве.

Научная новизна исследования состоит в комплексном осмыслении способов локализации лингвокультурных концептов, репрезентирующихся в кинозаголовках французских кинофильмов, в русской лингвокультуре при выходе французского кинофильма в российском прокате.

Теоретическая значимость исследования заключается в применении когнитивно-эвристической модели А.Г. Минченков относительно феномена локализации кинотекста, в том числе малоформатных текстов кинодискурса.

Практическая значимость исследования состоит в анализе адекватной локализации концептосферы французского кинодискурса в реалиях русской лингвокультуры.

Принимая во внимание мнение исследователей о феномене локализации как всего лишь одной из разновидностей перевода, а не его отдельным видом (Sdobnikov, 2018), мы, тем не менее, рассматриваем локализацию как отдельный вид трансформации исходного текста в новый текст, обладающий схожим с ИТ воздействием на реципиента. Справедливом в данном контексте нам представляется мнение Е.Е. Сухаревой и О.В. Шурлиной о том, что «локализация подразумевает не только перевод текстовых компонентов, но и адаптацию продукта к конкретной культуре через изменение такой информации, как например, звук, цвет, изображение» (Сухарева, Шурлина, 2013, с. 167), а также появлению работ зарубежных исследователей, делающих упор именно на локализацию кинодискурса (Chen, Li, Hou, Huang, 2023). К сказанному выше позволим себе добавить, что в процессе локализации продукта, в особенности, кино- и рекламного

дискурсов, в процесс адаптации текста (в широком смысле) помимо собственно переводчика оказываются вовлечены и другие специалисты, оказывающие свое влияние на преобразование текста. В случае с кинодискурсом и, соответственно, кинотекстом, в процесс локализации продукции может быть вовлечена прокатная/дистрибьюторская кинокомпания, осуществляющая предпрокатную рекламу киноленты и зачастую преследующая по большому счету коммерческие задачи (Анисимов, Борисова, Консон, 2019). Всех вышеперечисленных участников процесса локализации, участвующих в создании локализованного кинотекста, уместно обозначить термином «локализаторы кинопродукции». Под локализацией кинопродукции автором понимается *процесс адаптации кинопроизведения и его основных частей (в т.ч. кинотекста) к условиям иного социо- и лингвокультурного пространства с целью успешного продвижения кинофильма в прокате другой страны*. Грамотная локализация кинотекста и его отдельных составляющих позволяет преодолеть процесс затруднения межкультурного общения, способствуя успешному принятию кинофильма зрителем-представителем иного лингвокультурного пространства.

Рассматривая процесс локализации в ином лингвокультурном пространстве малоформатных текстов, являющихся предметом рассмотрения данной статьи, отметим, что в данном случае одной из основных задач, стоящих перед локализаторами, является создание минимальных различий в вариативности понимания реципиентами-потенциальными зрителями локализованных текстов, в связи с их важной прагматической направленностью.

Материалы и методы

В процессе анализа мы опирались на актуальный лингвистический материал, составивший 500 кинозаголовков французских кинофильмов, вышедших на экраны в период 2010-2023 гг. Выбор методов исследования обусловлен целью исследования: в работе использовались методы контекстуального и лингвопрагматического анализа, метод лексико-семантического описания лексики, описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ теоретических положений с его основным приемом обобщения, метод сплошной выборки.

Обсуждение и результаты

Процесс локализации кинотекста в иной лингвокультуре является особенно важным в свете рекламы нового кинофильма как продукта киноиндустрии, т.е. на предпросмотровом этапе – этапе знакомства аудитории с кинопроизведением. Особая роль в рекламной кампании кинофильма отводится малоформатным текстам (МФТ) кинодискурса, побуждающим потенциального зрителя сделать выбор в пользу просмотра конкретного кинофильма – кинозаголовков, синопсис, слоган, постер кинофильма. В силу выполняемых функций, основными из которых являются прагматическая, аттрактивная, информативная и концептуально-содержательная, данные МФТ объединяются нами в единый класс функционально-прагматических единиц кинотекста, функционирующих на лингвистическом и прагматическом уровнях (Анисимов, 2021, с. 139; Malyuga, Shvets & Tikhomirov, 2016).

Когнитивно-эвристическая модель перевода, предложенная отечественным лингвистом А.Г. Минченковым, отличается от традиционных переводческих моделей, основанных на эквивалентности и межязыковых соответствиях, тем, что перевод воспринимается в качестве сложного мыслительного процесса, протекающего в сознании переводчика и включающего в себя как действия, направленные на восприятие и понимание исходного текста, так и действия, целью которых является воплощение мысли, заданной исходным текстом, в виде нового текста на другом языке (Минченков, 2008). С опорой на труды зарубежных исследователей (Aitchison, 2003, Katan, 2004, Talmy, 2001), А.Г. Минченков рассматривает деятельность переводчика в ходе подбора функционального эквивалента, особо отмечая, что во многих случаях «переводчику приходится выполнять мыслительные операции с концептами, входящими в смыслы, заданные исходным текстом» (Минченков, 2007, с. 215). Таким образом, процесс трансформации ИТ в ЛТ происходит уже на уровне мысли, «единого мыслительного представления ситуации» (там же, с. 215), а смысл выступает в качестве своеобразной точкой соприкосновения языков в процессе перевода.

Применимость когнитивно-эвристической модели перевода к рассматриваемым нами МФТ кинодискурса связана, прежде всего, с тем, что в ходе локализации продукции, направленной на

массовое потребление, переводчик зачастую сталкивается с необходимостью передачи заложенных в ИТ лингвокультурных концептов, зачастую адаптируя их под нужды аудитории культуры-реципиента. Концепт, в свою очередь, определяется как «объект идеального мира, который имеет имя, определяется набором семантических данных и отражает культурное представление о действительности» (Вежицкая, 1999). В современных зарубежных исследованиях феномены концепта и концептосферы рассматриваются в работах Т. Bekolay, P. Blouw, S. Citraro, R. Jabeen, B.J. Kröger, G. Rossetti, K. Shahzad, K.M. Stille, M. Stella, L. Ukanga, G. Yimini, M. Zock (Jabeen, Shahzad, 2023; Stille, Bekolay, Blouw, Kröger, 2020; Stella, Citraro, Rossetti, 2024; Ukanga, Yimini, 2023; Zock, 2023). Отметим, что в рамках данного исследования концепт рассматривается нами как лингвокультурный феномен, обладающий рядом этноспецифических черт. На наш взгляд, в том случае, когда перевод не является дословным, при локализации МФТ кинодискурса переводчик и иные локализаторы, принимающие участие в адаптации МФТ, также выходят на уровень мысли, осуществляя подбор функционально-прагматического эквивалента, который будет соответствовать всем условиям для потенциального зрителя иного лингвокультурного пространства. При этом, наиболее успешной при локализации МФТ кинодискурса будет ориентация на фоновые знания реципиентов-потенциальных зрителей, что, прежде всего, позволит привлечь к просмотру кинофильма конкретную целевую аудиторию, обеспечив киноленте успешные кассовые сборы.

Уместно также подчеркнуть, что подобный подбор функционально-прагматического эквивалента, который будет отличать локализацию МФТ кинодискурса от собственно перевода, соответствует утверждению А.Д. Швейцера о том, что достижение семантической эквивалентности достигается именно на уровне смыслов (Швейцер, 1988, с. 117).

В рамках данной статьи мы ограничим анализ МФТ кинодискурса только рассмотрением локализации кинозаголовка, поскольку именно кинозаголовки являются основной функционально-прагматической единицей кинотекста, т.к. являются первой единицей семиотического пространства кинофильма, с которой знакомится автор, и играет ключевую роль в привлечении

к просмотру кинофильма потенциального зрителя (Анисимов, 2021, с. 127). Все вышеперечисленные характеристики кинозаголовка позволяют наиболее ярко проиллюстрировать сохранение, трансформацию и замену концепта (концептов), функционирующего в ИТ в процессе его локализации.

В ходе проведенного исследования нами были выявлены основные способы локализации кинозаголовка как МФТ кинодискурса с точки зрения сохранения или преобразования заложенных в исходных кинозаголовках французских кинофильмов концептов за период 2010-2023:

- дословный перевод кинозаголовка – сохранение исходного концепта;
- частичная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта;
- полная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта;
- дословный перевод кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта;
- частичная трансформация кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта;
- полная трансформация кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта;
- дословный перевод кинозаголовка – полная трансформация концепта;
- частичная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта;
- полная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта

Рассмотрим каждый из приведенных способов локализации кинозаголовков французских кинофильмов с учетом сохранения/трансформации заложенных в них концептов. Отметим, что в несмотря на то, что в качестве примера МФТ кинодискурса нами были выбраны кинозаголовки, обладающие определенной автономией от сюжета кинофильма (Горшкова, 2014), большинство приведенных примеров исходных и локализованных кинозаголовков были подвергнуты анализу с опорой на сюжет кинофильма, поскольку кинозаголовков

функционирует в едином семиотическом пространстве кинодискурса, а заложенный в нем концепт отражает основные жанровые или сюжетные составляющие кинопроизведения.

Дословный перевод кинозаголовка – сохранение исходного концепта.

Одним из наиболее распространённых способов локализации является отсутствие применения каких-либо переводческих трансформаций при локализации исходного кинозаголовка. Отметим, что при дословном переводе/локализации названия кинофильма, логично предположить, что переводчик старается сохранить исходный концепт, заложенный в названии. В локализации применение данной стратегии может быть обусловлено достаточной броскостью, аттрактивностью и информативностью исходного кинозаголовка для потенциального зрителя культуры-реципиента. В качестве примера, наиболее ярко иллюстрирующего вышесказанное положение, уместным будет привести локализацию заголовка кинофильма *L'esprit de famille* (2019). Локализованное для российского проката название «Дух семьи» полностью сохраняет заложенный в исходном кинозаголовке концепты (СЕМЬЯ, ДУХ/ПРИЗРАК). Подчеркнем, что в рассматриваемом кинофильме исходный кинозаголовок выполняет отсылку к сюжету кинофильма, в центре которого оказывается привидение – дух умершего отца главного героя. Французская лексема *esprit*, имеющее значения «дух», «сознание», а также «привидение», позволяет создать в названии языковую игру, которая также очень удачно сохраняется переводчиком при локализации кинозаголовка в российском прокате.

Аналогичное сохранение исходного концепта можно наблюдать в локализованных заголовках кинофильма *Un peu, beaucoup, aveuglement!* (2015) – «Мало, много, слепо» (концепты МНОЖЕСТВО, СЛЕПОТА) и мультфильма *Belle et Sébastien, l'aventure continue* (2015) – «Белль и Себастьян: Приключения продолжаются» (AVENTURE – ПРИКЛЮЧЕНИЕ).

Частичная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта

Менее частотным является способ локализации кинозаголовка путем частичной трансформации исходного названия с помощью различных переводческих трансформаций при сохранении

исходного концепта. Так, при локализации заголовка кинофильма *10 jours encore sans tatan* (здесь и далее – возможный дословный перевод автора – «Снова десять дней без мамы», 2023), применены трансформации «добавление» (появляется лексема, уточняющее место действия кинофильма – Куршевель) и «опущение» (опускается лексема *encore* – «еще»): «10 дней без мамы в Куршевеле». Локализованный кинозаголовок сохраняет апелляцию к исходным концептам СЕМЬЯ, ДОМ за счет употребления в обоих языковых вариантах лексемы *мама-tatan*, несмотря на применение различных переводческих трансформаций.

Сохранение исходного концепта, заложенного в оригинальном кинозаголовке, при частичной трансформации кинозаголовка также можно наблюдать в названиях французских кинофильмов *L'école buissonnière* (возможный дословный вариант перевода – «Прогул уроков», 2017) – «Как прогулять школу с пользой» (концепт ШКОЛА) и *Les gardiennes de la planète* («Стражи планеты», 2023) – «Киты: Стражи планеты» (концепт ЗАЩИТА).

Полная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта.

Достаточно частотными также являются случаи полной трансформации исходного кинозаголовка при сохранении заложенного в нем концепта. Так, заголовок французского кинофильма *L'Intervention* (дословный перевод – «Вмешательство/Начало боевых действий», 2019) претерпел полную трансформацию для российского проката: отечественный зритель увидел кинофильм под заголовком «Пятнадцать минут войны». В данном случае происходит замена лексем *intervention-война*, номинирующих основной концепт ВОЙНА. В случае с локализацией названия кинофильма *La ch'tite famille* (дословный перевод – «Семья шти», 2018), повествующего о талантливом, но заносчивом архитекторе, скрывающем свое происхождение с севера Франции (что в исходном кинозаголовке потенциальному зрителю подсказывает лексема *ch'tite*, происходящая от *ch'ti* – название диалекта севера страны), переводчик и иные лица, участвовавшие в локализации произведения, выбирают более броский, информативный и понятный для российского зрителя вариант «От семьи не убежишь». В приведенном примере мы также можем отметить

сохранение исходного концепта СЕМЬЯ за счет сохранения основной номинирующей лексемы *семья-famille*.

Дословный перевод кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта

При локализации кинозаголовка в ином лингвокультурном пространстве также существуют случаи частичной трансформации исходного концепта при сохранении оригинального названия при переводе. Например, в локализованном кинозаголовке французского кинофильма *100% Bio* («100% натуральный», 2020), с которым лента выходит в российский прокат – «Стопроцентная органика» – происходит частичная трансформация исходного концепта. Функционирующая во французском кинозаголовке лексема *bio* обозначает натуральный продукт, не содержащий удобрений и синтетических пестицидов (Lagousse, www), в то время как лексема *органика*, используемая переводчиком, в русском языке имеет основное значение «Органические удобрения» (Ожегов, Шведова 1996, с. 615). Таким образом, представляется возможным сделать вывод о потере основных семантических составляющих («натуральность», «натуральные продукты») в поле исходного концепта.

Частичная трансформация кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта

Исходный концепт также может подвергаться процессу трансформации в процессе частичной трансформации самого кинозаголовка при локализации МФТ кинодискурса в пространстве культуры-реципиента. Характерным примером подобной одновременной частичной трансформации названия и заложенного в нем исходного концепта может служить локализация заголовка кинофильма *Un prince (presque) charmant* («(Почти) прекрасный принц», 2013). В российский прокат кинолента выходит с заголовком «(Не)жданный принц», в котором теряется уточняющая номинация концепта ПРИНЦ (*charmant*-прекрасный) и приобретаетая иная номинация, первоначально не свойственная данному концепту ((не)жданный – ожидание). Отметим, что французское название кинофильма содержит в себе одно из основных средств эмотивности текста в современном французском языке – вольное использование знаков текстовой разметки (Нелюбова, Калининкова, Говорова, 2021, с. 70) – лексема *presque*

взята в скобки, что позволяет графически выделить ее, сместив необходимые акценты. Достаточно удачно при локализации кинозаголовка поступает и переводчик, сохраняя данный графический элемент.

В качестве дополнительного примера представляется возможным привести трансформацию концепта (ГЛУПОСТЬ) в названии французского кинофильма *Le dindon* («Дурак/Глупец», 2019), локализованного в российском прокате как «Игра в дурака». При помощи французской лексемы *dindon* человека можно охарактеризовать как тщеславного, глупого и легко поддающегося обману (Larousse, www), в то время как русская лексема «дурак» характеризует человека как глупого, и, соответственно, несообразительного и бестолкового (Ожегов, Шведова 1996, с. 27). Таким образом, при локализации кинозаголовка сохраняется только одна номинативная составляющая номинативного поля концепта ГЛУПОСТЬ (глупый – в значении *неумный*), в то время как две остальные составляющие, характерные для французской лингвокультуры (тщеславный, легко поддающийся обману человек) не подвергаются локализации.

Полная трансформация кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта

Частичная трансформация исходного концепта является более частотной в случае полной трансформации оригинального кинозаголовка при локализации МФТ кинодискурса. Проследить данное явление представляется возможным на примере локализации названия кинофильма *Aïlo: Une odyssée en Laponie* (дословный перевод – «Айло: одиссея в Лапландии», 2018), вышедшем в российский прокат под заголовком «Приключение олененка». Вследствие замены лексемы *odyssée-одиссея*, означающей во французской и русской лингвокультурах насыщенное событиями (приключениями, происшествиями) путешествие (Larousse, www; Ожегов, Шведова 1996, с. 631), на лексему *приключение*, остается только одна из составляющих номинативного поля концепта ПУТЕШЕСТВИЕ (лексема *приключение*), что ведет к частичной утрате исходного концепта. Отметим, что локализаторам удается сохранить связь с исходным названием, а ИТ и ЛТ находятся между собой в гипогиперонимических отношениях, где в качестве гипонима выступает

локализованный кинозаголовок «Приключение олененка», а роль гиперонима отводится исходному названию кинофильма «Aïlo: Une *odyssée en Laponie*».

Частичная трансформация концепта при полной замене названия также прослеживается на примере локализации кинофильма *La dégustation* («Дегустация», 2022) – «Вкус любви», где исходный концепт ВКУС обладает номинацией пробы, знакомства, тогда как локализованный концепт имеет уточняющую номинацию любви.

Дословный перевод кинозаголовка – полная трансформация концепта.

Наименьшее число вариантов локализации МФТ кинодискурса, в том числе кинозаголовка, осуществляется при помощи дословного перевода названия кинофильма при полной трансформации или замене исходного концепта. Характерным примером полной трансформации концепта является локализация заголовка кинофильма *La proie* (дословный перевод – «Жертва», 2011), локализованного в российском прокате как «Добыча». Исходный концепт ЖЕРТВА, репрезентирующий во французской лингвокультуре человека, над которым осуществляется некий вид насилия или господства (Larousse, www), трансформируется в концепт ДОБЫЧА, который имеет некоторую связь с исходным концептом, но не принадлежит к числу взаимозаменяемых. Отметим, что на наш взгляд, оба рассматриваемых концепта являются составными частями номинативного поля более крупного концепта ОХОТА, на чем также может быть основан выбор переводчиком подходящей лексемы для локализованного названия. Полную трансформацию исходного концепта можно также проследить на примере заголовка кинофильма *Maestro(s)* (2022), локализованного в российском прокате как «Маэстро». В данном случае наблюдается потеря концепта МНОЖЕСТВЕННОСТЬ, которая во французском кинозаголовке выражена при помощи окончания *-s*, означающего множественное число существительного. Учитывая, что в русском языке для лексемы *маэстро* отсутствует множественное число, переводчик не сможет избежать потери исходного концепта при осуществлении дословного перевода рассматриваемого кинозаголовка.

Частичная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта.

Достаточно частотными при локализации МФТ кинодискурса являются случаи частичной трансформации кинозаголовка и полной трансформации функционирующего в нем исходного концепта. Так, при локализации названия кинофильма *Rémi sans famille* (дословный перевод – «Реми без семьи», 2018), в российском прокате – «Приключение Реми», происходит замена исходного концепта СЕМЬЯ на концепт ПРИКЛЮЧЕНИЕ. В свою очередь, произведенная переводчиком трансформация кинозаголовка *Gainsbourg (Vie héroïque)* (дословный перевод – «Генсбур. Героическая жизнь», 2010), локализованный вариант которого для российского зрителя звучит как «Генсбур. Любовь хулигана», способствует замене исходного концепта ЖИЗНЬ на концепт ЛЮБОВЬ.

Полная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта

Наиболее частотным при локализации заголовков французских кинофильмов в российском прокате является способ полной трансформации кинозаголовка и полной трансформацией исходного концепта. Позволим себе привести ряд примеров, наиболее ярко иллюстрирующих данное положение.

Локализация заголовка кинофильма *Zodi & Tehu, frères du desert* (дословный перевод – «Зоди и Теу, братья пустыни», 2023), повествующем о дружбе мальчика и верблюда, в российском прокате как «Принц пустыни», повлекла за собой замену исходного концепта FRATERNITÉ, представляющего особую важность для французской лингвокультуры (Borgetto 1997), на концепт ПРИНЦ. В локализованном кинозаголовке фильма *Un bonheur n'arrive jamais seul* (дословный перевод – «Счастье не приходит одно», 2012) – «Любовь с препятствиями» исходный концепт СЧАСТЬЕ заменяется на концепт ЛЮБОВЬ. Заголовок кинофильма *La chance de ma vie* (дословный перевод – «Шанс (всей) моей жизни», 2010), локализуется переводчиком как «Любовь с риском для жизни», что влечет за собой трансформацию исходного концепта УДАЧА в концепт ЛЮБОВЬ, функционирующий в локализованном варианте кинозаголовка.

Рассмотренные способы локализации сгруппированы нами в таблицу:

Способ локализации	ИТ	ЛТ
Дословный перевод кинозаголовка – сохранение исходного концепта	Belle et Sébastien, l'aventure continue	Белль и Себастьян: Приключения продолжаются
	Un peu, beaucoup, aveuglément!	Мало, много, слепо
	L'esprit de famille	Дух семьи
Частичная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта	Donne-moi des ailes	Расправь крылья
	L'école buissonnière	Как прогулять школу с пользой
	10 jours encore sans maman	10 дней без мамы в Куршевеле
	Les gardiennes de la planète	Киты: Стражи планеты
Полная трансформация кинозаголовка – сохранение исходного концепта	L'Intervention	Пятнадцать минут войны
	La ch'tite famille	От семьи не убежишь
Дословный перевод кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта	100% Bio	Стопроцентная органика
	Délicieux	Восхитительно
Частичная трансформация кинозаголовка – частичная	Un prince (presque) charmant	(Не)жданный принц (2013)
	La famille Bélier	Голос семьи Белье

трансформация исходного концепта	L'homme parfait	Мистер Идеальность
	Le dindon	Игра в дурака
Полная трансформация кинозаголовка – частичная трансформация исходного концепта	Voleuses	Подельницы
	La dégustation	Вкус любви
	Aïlo: Une odyssée en Laponie	Приключения олenenка
Дословный перевод кинозаголовка – полная трансформация концепта	Maestro(s)	Маэстро
	La proie	Добыча
Частичная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта	Rémi sans famille	Приключения Реми
	Gainsbourg (Vie héroïque)	Генсбур. Любовь хулигана
	Incroyable mais vrai	Невероятно, но факт
	Une comédie romantique	Романтик
Полная трансформация кинозаголовка – полная трансформация исходного концепта	Zodi & Tehu, frères du desert	Принц пустыни
	L'incroyable histoire du facteur Cheval	Идеальный дворец Фердинанда Шеваля
	Un bonheur n'arrive jamais seul	Любовь с препятствиями

	Le tourbillon de la vie	Путешественница во времени
	La chance de ma vie	Любовь с риском для жизни
	Énorme	Хочу ребёнка

Табл. 1. Способы локализации кинозаголовков и функционирующих в них лингвокультурных концептов

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов, основанных на возможности использования когнитивно-эвристической модели перевода и описании различных способов применения локализации в русскоязычном лингвокультурном пространстве кинозаголовков французских кинофильмов и функционирующих в них концептах.

Использование когнитивно-эвристической модели перевода (в интерпретации А.Г. Минченкова) позволяет игнорировать прагматическую составляющую переводимого текста, ориентируясь на целостность передачи мысли, что является достаточно важным для МФТ кинодискурса, изначально являющихся прагматически-ориентированными. Направленность когнитивно-эвристического перевода на выполнение функции по передаче культурно-информационного кода при помощи верной трансляции исходной концептуальной составляющей текста.

Сохранение исходных концептов позволяет привлечь к просмотру кинофильма в России ту же целевую аудиторию, которая придет в кинозалы во Франции, и на которую рассчитан сам кинофильм в силу своей жанровой и иных составляющих. Подобный подход позволит обеспечить кинофильму высокие сборы в российском прокате. Частичная потеря концепта при локализации кинозаголовка в ином лингвокультурном пространстве может привести в замешательство потенциального зрителя, в связи с чем он может отказаться от просмотра конкретного кинофильма или сделать ошибочный вывод о содержании кинопроизведения, впоследствии пожалев о просмотре. Все перечисленные факторы могут оказать существенное влияние на сборы кинофильма в прокате.

Применение различных трансформаций в процессе локализации МФТ кинодискурса, в т.ч. кинозаголовка, позволяет переводчику сохранить исходный концепт и адаптировать название кинофильма к требованиям представителей иного лингвокультурного пространства. Подобная адаптация может носить множественный характер: подбор более броской, аттрактивно-привлекательной и/или информативной для потенциального зрителя кинофильма в культуре-реципиенте лексемы или синтаксической конструкции, избегание табуированных тем и т.п.

Отметим, что наиболее частотными способами локализации кинозаголовков французских фильмов в российском прокате оказались дословный перевод названия при сохранении исходного концепта и полная трансформация кинозаголовка при полной трансформации/замене исходного концепта. Выбор первой из приведенных стратегий обусловлен возможностью сохранения ориентации кинофильма на ту же целевую аудиторию в иной культуре, а также сохранению возможных апелляционных связей между кинозаголовком и сюжетом кинофильма. В свою очередь, прибегая к полной трансформации кинозаголовка, переводчик и иные специалисты, участвующие в локализации кинозаголовка, стремятся к подбору более броского и/или информативного названия, что в большинстве случаев влечет за собой потерю исходного концепта. Подчеркнем, что полная трансформация/замена исходного концепта в локализованном названии кинофильма может сказаться на прагматическом потенциале кинозаголовка, направленном на привлечение к просмотру кинофильма как можно большего числа потенциальных зрителей, в связи с чем сборы кинофильма в прокате могут быть существенно ниже ожидаемых.

Наименее частотным оказался способ локализации кинозаголовка при помощи дословного перевода с полной трансформацией исходного концепта, что связано прежде всего с тем, что жанровая составляющая кинофильма, а также ориентация кинопроизведения на определенную целевую аудиторию (возрастную, социальную) включает в себя основной концепт, который, в подавляющем большинстве случаев будет соответствовать концепту с идентичным или схожим номинативным полем в ином лингвокультурном пространстве.

Полная трансформация исходного концепта при дословном переводе названия кинофильма в процессе локализации кинозаголовка, также, как и в ранее обозначенном способе, может повлечь за собой потерю кассовых сборов кинофильма в прокате, поскольку название не сможет привлечь к просмотру конкретную целевую аудиторию кинофильма, что также скажется на отзывах аудитории. Следовательно, прибегать к подобному приему в процессе локализации необходимо с осторожностью, когда выгода от заново подобранного локализаторами названия будет существенно выше возможных потерь.

Выводы

Таким образом, позволим себе высказать мнение о том, что наиболее удачным в процессе локализации в ином лингвокультурном пространстве кинозаголовка фильма может быть признан вариант, полностью или частично сохраняющий концепт, содержащийся в исходном кинозаголовке. В данном случае локализованный кинозаголовок полностью или частично сохранит заложенный в исходном кинозаголовке прагматический потенциал и интертекстуальные связи, апеллирующие к жанровой составляющей, сюжету и важным для потенциального зрителя отсылкам, что позволит обеспечить высокую явку в кинотеатры необходимой целевой аудитории и, как следствие, существенно повысит кассовые сборы кинофильма.

Отметим, что при локализации малоформатных текстов кинодискурса перед локализаторами стоит важная задача: необходимо, с одной стороны, соотносить деятельность по локализации малоформатных текстов кинодискурса с нормами социума, и, с другой стороны, ориентироваться на необходимость при помощи локализованных малоформатных текстов способствовать продвижению кинофильма на экраны другой страны в рамках инокультурного пространства.

Подчеркнем, что в процессе локализации МФТ кинодискурса, в особенности кинозаголовка, может быть сознательно выбрана лексема или ряд (лексемы), объективирующая иной концепт. Связано это может быть с задачей привлечь иной целевой аудитории к просмотру кинофильма (например, наиболее многочисленной – молодежной аудитории) для повышения сборов кинофильма (в некоторых случаях даже в ущерб его рейтингам);

наличие ряда табуированных тем в культуре-реципиенте; попыткой подобрать более выгодный стилистический эквивалент, нацеленный на придание локализованному малоформатному тексту кинодискурса (кинозаголовку, синопсису, слогану, постеру кинофильма) большей броскости и аттрактивности.

Дискуссионным является вопрос о т.н. «ошибочной локализации». При локализации иноязычного кинотекста, переводчик стремится объективировать средствами языка перевода концептуальную структуру, которая возникает (или должна возникнуть под воздействием ЛТ) у потенциального зрителя и побуждает его к просмотру кинофильма. Однако, одной из важных особенностей малоформатных текстов кинодискурса, функционирующих на предпросмотровом этапе (кинозаголовки, синопсис, слоган, постер кинофильма), является их прагматическая составляющая, в соответствии с которой локализаторы учитывают маркетинговые и рекламные задачи МФТ кинодискурса. Вследствие ориентации преимущественно на аттрактивную и прагматическую функции МФТ кинодискурса, которые напрямую связаны с их основными задачами по привлечению в кинозалы как можно большего числа зрителей и обеспечению кинофильму успешных кассовых сборов, команда локализаторов может сознательно пойти на искажение исходного малоформатного текста, с целью увеличения его аттрактивного и прагматического потенциала.

Литература

1. Анисимов В.Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса : специальность 10.02.05 "Романские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Анисимов Владислав Евгеньевич. – Москва, 2021. – 311 с.
2. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 435-459. – DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.
3. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежицкая. – М., 1999. – 293 с.

4. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла / В. Е. Горшкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь. – 2014. – Вып. 10. – С. 26-37.
5. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 2-2. – С. 208-217.
6. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Минченков Алексей Генриевич. – Санкт-Петербург, 2008. – 319 с.
7. Нелюбова Н. Ю., Калининкова Е.Д., Говорова Л.А. Особенности функционирования современного языка в интернет-пространстве (на материале французского и испанского языков) // Вопросы прикладной лингвистики. – 2021. – № 43. – С. 61-88. – DOI 10.25076/vpl.43.03.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 3 изд., стер. - Москва: Азъ, 1996. - 907 с.
9. Сухарева Е.Е., Шурлина О.В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 166-169.
10. Фонд Кино (Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии). Итоги кинопроката 2023 г. URL: <https://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2023-godu/> (дата обращения: 02.05.2024)
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: (Статус, проблемы, аспекты). – М., 1988. – 215 с.
12. Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon / Oxford: Blackwell, 2003. – 246 p.
13. Borgetto M. La Devise «Liberté, Egalité, Fraternité» / M. Borgetto. P. : Presses universitaires de France, 1997. – 127 p.
14. Centre national du cinéma et de l'image animée. A 181 millions d'entrées, la fréquentation des salles en 2023 confirme sa forte dynamique. URL: <https://www.cnc.fr/professionnels/actualites/a->

- 181-millions-dentrees-la-frequentation-des-salles-en-2023-
confirme-sa-forte-dynamique_2096483 (access: 02.05.2024)
15. Chen D., Li T., Hou Y., Huang Y. Research on the Localization Strategy in the Remake of Film and TV Drama Taking the Japanese Remake of Journey to the West as an Example. *Communications in Humanities Research*, 2023. – Vol. 13. – P. 105-110. 10.54254/2753-7064/13/20230253
 16. Dictionnaire Larousse (en ligne). [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.larousse.fr/> (access: 02.05.2024)
 17. Katan D. *Translating Cultures: an Introduction for Translators, Interpreters, and Mediators* / Manchester: St Jerome, 2004. – 36 p.
 18. Malyuga E., Shvets A., Tikhomirov I. Computer-based analysis of business communication language // 2016 SAI Computing Conference (SAI). – IEEE, 2016. – P. 229-232.
 19. Sdobnikov V. V. Translation vs Localization: What's the Difference? / V. V. Sdobnikov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2018. – Vol. 11, No. 9. – P. 1487-1498. – DOI 10.17516/1997-1370-0317.
 20. Stella M., Citraro, S., Rossetti, G. et al. Cognitive modelling of concepts in the mental lexicon with multilayer networks: Insights, advancements, and future challenges. *Psychon Bull Rev.* – 2024. – Vol. 9 (24). – P. 423-473. <https://doi.org/10.3758/s13423-024-02473-9>
 21. Stille C.M, Bekolay T, Blouw P, Kröger B.J. (2020). Modeling the Mental Lexicon as Part of Long-Term and Working Memory and Simulating Lexical Access in a Naming Task Including Semantic and Phonological Cues. *Front Psychol.* – № 9 (11). – P.1594. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01594. PMID: 32774315; PMCID: PMC7381331.
 22. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring* / Cambridge, Massachusetts: The M.I.T.Press, 2001. – Vol.2. – P. 134-141.
 23. Ukanga L., & Yimini G. An Examination of Mental Concept and the Philosophical Problems Relating to: Thought, Emotions, Perceptions and Behavior, Sensation, Memory and Imagination, Personal Identity, Freewill and Determination Vis-à-Vis Gottfried Wilhelm von Leibniz Immaterial Substance Called “The Monads” // *International Journal of New Economics and Social Sciences*

- (IJONESS). – 2023. – № 17(1). – Pp. 179-192.
<https://doi.org/10.5604/01.3001.0053.9701>.
24. Zock M. The mental lexicon: A blueprint for the dictionaries of tomorrow? / *Front Artif Intell.* – 2023. – № 25 (5). – Pp. 103-108.
doi: 10.3389/frai.2022.1027392.

References

- Anisimov, V.E. (2021). *Intertextual parameters of French film discourse small texts.* (PhD thesis, RUDN University, Moscow, Russia).
- Anissimov, V. E., Borissova, A. S., & Konson, G. R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles. *Russian Journal of Linguistics*, 23(2), 435-459. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459
- Wierzbicka, A. (1999). *Semantic universals and description of languages.* Translated from English by A. Shmelev. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury.
- Gorshkova, V.E. (2014). Film title as a unit of translation and a unit of image-sense. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 10, 26-37.
- Malyuga, E., Shvets, A., & Tikhomirov, I. (2016, July). Computer-based analysis of business communication language. In *2016 SAI Computing Conference (SAI)* (pp. 229-232). IEEE.
- Minchenkov, A.G. (2007). Cognitive-heuristic model of translation: towards the formulation of the question. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature*, 2(II), 208-217.
- Minchenkov, A.G. (2008). *Cognitive-heuristic model of translation (based on the material of English).* (DSc thesis, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia).
- Nelyubova, N.Yu., Kalinnikova, E. D., & Govorova, L. A. (2021). The features of functioning of the modern language in the Internet space (based on the material of French and Spanish languages). *Issues of Applied Linguistics*, 43, 61-88. <https://doi.org/10.25076/vpl.43.03>
- Ozhegov, S.I., & Shvedova, N.Yu. (1996). *Explanatory dictionary of the Russian language.* 3rd ed., corr. Moscow: Az.
- Sukhareva, E.E., & Shuklina, O.V. (2013). Website localization as a form of intercultural communication. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 166-169.

- Russian Cinema Fund (Federal Fund for Social and Economic Support of Russian Cinematography). The results of the film distribution in 2023.* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2023-godu/> (accessed: 02.05.2024).
- Schweitzer, A.D. (1988). *Translation theory. Status, problems, aspects.* M., 1988.
- Aitchison, J. (2003). *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon.* Oxford: Blackwell.
- Borgetto, M. (1997). *La Devise «Liberté, Égalité, Fraternité».* P.: Presses universitaires de France.
- Centre national du cinéma et de l'image animée. A 181 millions d'entrées, la fréquentation des salles en 2023 confirme sa forte dynamique [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.cnc.fr/professionnels/actualites/a-181-millions-dentrees-la-frequentation-des-salles-en-2023-confirme-sa-forte-dynamique_2096483 (accessed: 02.05.2024)
- Chen, D., Li, T., Hou, Y., & Huang, Y. (2023). Research on the Localization Strategy in the Remake of Film and TV Drama Taking the Japanese Remake of Journey to the West as an Example. *Communications in Humanities Research*, 13, 105-110. 10.54254/2753-7064/13/20230253.
- Dictionnaire Larousse (en ligne). [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.larousse.fr/> (access: 02.05.2024)
- Katan, D. (2004). *Translating Cultures: an Introduction for Translators, Interpreters, and Mediators.* Manchester: St Jerome.
- Sdobnikov, V.V. (2018). Translation vs localization: what's the difference? *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(9), 1487-1498. DOI: 10.17516/1997-1370-0317.
- Stella, M., Citraro, S., Rossetti, G. et al. (2024). Cognitive modelling of concepts in the mental lexicon with multilayer networks: Insights, advancements, and future challenges. *Psychon Bull Rev.* Vol. 9 (24), 423-473. <https://doi.org/10.3758/s13423-024-02473-9>
- Stille, C.M., Bekolay, T, Blouw, P, & Kröge, B.J. (2020). Modeling the Mental Lexicon as Part of Long-Term and Working Memory and Simulating Lexical Access in a Naming Task Including Semantic and Phonological Cues. *Front Psychol.*, 9 (11), 1594. doi:

10.3389/fpsyg.2020.01594. PMID: 32774315; PMCID: PMC7381331.

Talmy, L. (2001). *Toward a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring*. Vol.2. Pp. 134-141. Cambridge, Massachusetts: The M.I.T.Press, –

Ukanga, L., & Yimini, G. (2023). An Examination of Mental Concept and the Philosophical Problems Relating to: Thought, Emotions, Perceptions and Behavior, Sensation, Memory and Imagination, Personal Identity, Freewill and Determination Vis-à-Vis Gottfried Wilhelm von Leibniz Immaterial Substance Called “The Monads”. *International Journal of New Economics and Social Sciences (Ijones)*, 17(1), 179-192. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0053.9701>.

Zock, M. (2023). The mental lexicon: A blueprint for the dictionaries of tomorrow? *Front Artif Intell.*, 25 (5), 103-108. doi: 10.3389/frai.2022.1027392.

УДК 800:159.9

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.02>

О. С. Зубкова

Курский государственный университет,

С. А. Логвина²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ЛИНГВО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМА: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы лингвокультурной специфики эвфемизма и эвфемии с точки зрения репрезентации языковых культурных универсалий в ментальном лексиконе носителя языка, социальной факторизации и целевого

² © Зубкова О.С., Логвина С.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

контекстуального доминирования, а также фактора аудитории. Авторами выделяются минимально достаточные свойства, которыми должна обладать лексическая единица, чтобы считаться эвфемизмом и успешно декодироваться в процессе коммуникации: денотативная амелиорация, семантическая контенсивность, информационная традиция. Отмечается, что при анализе лингвокультурных особенностей эвфемии проявляется ее двойственная природа, универсальный характер, что связано с глобальной общностью сфер эвфемизации в разных лингвокультурах. Акцентируется внимание на уникальности, обусловленной национальной спецификой и особенностями национального менталитета, а также социальным и контекстуальным доминированием.

Предметом исследования является эвфемизм, когнитивные процессы его формирования и его экспликации в речевой деятельности. Эвфемия рассматривается, прежде всего, как «стратегия на этапе планирования», которая отражает корреляцию языка и культурного осознания, что является одним из элементов научной новизны предлагаемого нами подхода. Эвфемизм в понимании авторов — это единственно возможный формат оформления эвфемии как во внутренней речи, так и в речи внешней (письменной или устной).

Методологическая значимость выделенных свойств эвфемизма подтверждает эмпирическую пригодность в контексте декодирования в рамках коммуникативного взаимодействия в любой культуре, поскольку репрезентирует базовые аспекты объективации устойчивых архетипов и их корреляцию с языковой системой.

Ключевые слова: эвфемия, лингвокультурные особенности, мишень эвфемизации, декодирование эвфемизма, метафоризация, метонимизация, денотативная амелиорация, семантическая контенсивность, информационная традиция

UDC 800:159.9
<https://doi.org/10.25076/vpl.54.02>

O. S. Zubkova
Kursk State University,
S. A. Logvina

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

LINGUO-CULTURAL SPECIFICITY OF EUPHEMIA: APPLIED ASPECT

The article is devoted to the linguacultural aspects of Euphemia from the point of view of the representation of linguistic cultural universals in the mental lexicon of a native speaker, social factorization and target contextual dominance, as well as the audience factor. It is stated, that there are certain minimally adequate conditions demanded from a lexical unit to be called a euphemism and be successfully decoded in the process of communication: denotative amelioration, semantic contensivity, information traduction. The linguocultural analysis of Euphemia manifests its double nature – a universal character and uniqueness due to national specificity and the characteristics of the national mentality, as well as social and contextual dominance.

The subject of our research is euphemism, the cognitive processes of its formation and its explication in speech activity. We consider euphemism, first of all, as a “strategy at the planning stage,” which reflects the correlation of language and cultural awareness, which is one of the elements of the scientific novelty of the approach we propose. Euphemism in our understanding is the only possible format for the design of euphemism both in internal speech and in external speech (written or oral).

The methodological significance of the properties of euphemism that we have identified, namely: denotative amelioration, semantic intensity, information tradition, confirms its empirical suitability in the context of decoding within the framework of communicative interaction in any culture, since it represents the basic aspects of the objectification of stable archetypes and their correlation with the language system.

Keywords: euphemia, linguocultural specificity, target of euphemisation, decoding of euphemism, denotative amelioration, semantic intensity, information traduction

Введе

В современной филологической науке наличие эвфемизма рассматривается как одна из фундаментальных черт, формирующих речевую деятельность человека, участвуя в создании массива знаний об окружающей действительности. Изучение эвфемизма давно вышло за рамки наук филологии и лингвистики и в настоящее время ведется с учетом общих закономерностей репрезентации знаний в языке на основе антропоцентрического принципа познания и организации языка, что представляет собой не ослабевающий интерес и формирует актуальность данного исследования.

В начале XX в. в лингвистике превалировала тенденция рассматривать феномен эвфемизма как попытку заменить табуированную лексику. Были предложены классификации эвфемизмов в соответствии с табуированной сферой. Эвфемия обладая способностью «вуалировать, затемнять факты и события, имеющие для общественного сознания заведомо неблагоприятную систему оценок» (Баскова, 2009), представляет собой процессуальный аспект эвфемизма как когнитивной единицы и единицы лексической, основана на использовании потенциала метафоризации и метонимизации, т.е. перенесении и формировании образов по аналогии, сходству или подобию и перенесении их в социально значимую сферу. При этом, социально значимая не обязательно связана с социумом или микро социумом, а с тем, что в текущий момент, в точке «для меня, здесь- и - сейчас» важно для носителя языка. Иными словами, именно индивид, исходя из контекста и конкретных психолингвистических параметров, определяет степень условной социализации эвфемизма.

В данном понимании сути исследуемого феномена нельзя обойти вниманием выделенное в теоретической лингвистике понятие «субстратная» эвфемия, соотносящееся с такими семантическими полями как «нарушение телесных границ, утрата или ослабление эмоционально-волевого контроля, а также религиозными понятиями» (Порохницкая, 2018). «Суперстратная» эвфемия, напротив, была представлена семантическими полями, связанными с отражением социального

разделения общества на группы и классы. С появлением новых идеологических установок акцент сместился на необходимость соблюдения морально-этических норм (стремление сохранить лицо), соответствовать требованиям вежливости и политкорректности. Многие филологи считают принцип вежливости ведущим мотивом при создании современных эвфемизмов (Порохницкая, 2018, Зверева, 2017, Иванян, Кудлинская, Никитина, 2012; Malyuga, Shvets & Tikhomirov, 2016). Другие исследователи трактуют эвфемиию как «политическую корректность языковой универсалии» (Киосе, 2017, Silveria, 2022, Pilkington, 2023). «Постоянно воспроизводимое суждение политкорректности нации в языке есть доказательство того, что эволюция эвфемии суть эволюция человеческой морали» (Ковшова, Нистратов, 2017). При этом отмечается, что эвфемия используется «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» (Ковшова, Нистратов, 2017).

Подчеркнём, что в ходе реализации эвфемии оказывается задействовано большое разнообразие эвфемистических элементов, которые способны связываться «в сознании участников речевого акта с денотативными значениями вне табуируемого круга» (Баскова, 2009), отвлекая, таким образом, внимание реципиента от запретного понятия. В функционировании эвфемии задействованы два механизма: «механизм ассоциативности отвлекает внимание адресата от табуированного понятия, изменяя эмоциональную направленность сообщения, и механизм «буфера» создает промежуточное звено между запретным словом и сознанием» (Баскова, 2009). Одной из причин обращения к эвфемии является стремление скрыть истинный смысл и значение действий, порицаемых общественной моралью, к чему часто прибегают общественные деятели и организации, стремясь преуменьшить значение какого-либо события для жизни общества. Эвфемия имеет универсальный и многомерный характер, реализовывая социальную, историческую, психологическую и лингвокультурную специфику. В качестве языковой универсалии эвфемия выступает одним из важных средств, обеспечивающих успешное общение. На основании вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать эвфемиию прежде всего как «стратегию на этапе планирования», которая отражает корреляцию языка и культурного осознания, что

является одним из элементов научной новизны предлагаемого нами подхода. Результатом эвфемизации становится появление новых мифологем, эксплицируемых в языковом поле в виде эвфемизма, которые создают и поддерживают желаемый для говорящего образ фрагмента действительности в рамках существующих культурных стереотипов. Эвфемизм в нашем понимании – это единственно возможный формат оформления эвфемии как во внутренней речи, так и в речи внешней (письменной или устной).

Поскольку эвфемизм является предметом нашего научного интереса, то основания наших методологических презумпций мы черпаем в современных концепциях когнитивной лингвистики, логично инспирирующих, как нам представляется, новую методологическую данность в виде кодирования и декодирования эвфемизма, оснований для их формализации в речевой деятельности носителей языка и дальнейшей экспликации в языковом поле на массиве письменных текстов в качестве эмпирического материала.

Методология исследования

Языковая реализация эвфемизма происходит на основе ряда преобразований структурного и семантического характера, основу которых составляют процессы метафоризации, задающие когнитивную рамку для формирования эвфемии. В ходе исследования мы приходим к выводам, что само направление преобразований формируется под влиянием: а) национального языка, который влияет на способ передачи и означивание эвфемизма; б) областей культуры, определяющих как означаемое, так и означающее формируемого знака. Знание и владение моделями культурного поведения, принятыми в данном социуме, является необходимым условием успешной реализации эвфемии. «Языковая и культурная компетентность и речевой самоконтроль – необходимые предпосылки» успешной реализации эвфемии, поскольку «несущей конструкцией любого языка является культура и её базовые ценности и институты – мораль, этика, система общественных отношений, национальные традиции, семейные обычаи» (Ковшова, 2019, с. 36). Причины эвфемизации, а также сферы, в которых она функционально присутствует, самым непосредственным

образом связаны с культурными особенностями, сформировавшимися в результате территориальной и исторической разрозненности.

Современные теоретические выводы (Баскова, 2006, Орлова, 2020, Порохницкая, 2018) содержат констатацию схожести факторов, влияющую на возникновение эвфемии в разных культурах, связанные с реликтовыми и общечеловеческими социальными явлениями. В основе лежат религиозно-суеверные табу, сформированные под влиянием страха человека перед силами, природа которых ему непонятна, к которым добавляются чувства отвращения и стыда, требующие эвфемизации явлений, связанных с личной жизнью, физиологией, неблагоприятного поведения, смерти. В результате появились многочисленные тематические классификации, связанные с эвфемией, ставшие основой создания соответствующих словарей, и насчитывающие от семи (Чейни) (Kanu, 1960) до семидесяти (Р. Холдера) (Holder, 2002) параметров. Наиболее полной и актуальной нам представляется классификация Т.В. Жеребило и А.С. Мейриевой (Жеребило, Мейриева, 2015, с. 1109-1110), в которой схематично обозначены наиболее распространенные социальные сферы, представляющиеся нам мишенями эвфемизации. Однако, ее можно дополнить с учетом методологических презумпций изложенных выше, на основе нашего понимания социальной кодификации эвфемизма и эвфемии.

Перечень тем, связанных с эвфемизацией, перманентно будет меняться в зависимости от актуальных тенденций в обществе, отражая, тем самым, широту распространения эвфемии в той или иной культуре. Представленный в последней классификации перечень тем не является полным еще и потому, что в него не вошел ряд сфер, характерных для уникальных культур в территориально изолированных странах.

Так, в Японии довольно строгая иерархичность в отношениях приводит к активной реализации эвфемии в сфере обращения и именования, когда возможность прямого упоминания/называния себя напрямую зависит от социального статуса говорящего, может отражать не только социальное положение, но и выступать в качестве поддержки неких социальных действий. Уважительная форма обращения к другому лицу при этом реализуется за счет т.н.

«почетных» префиксов и суффиксов, а доля семантических преобразований является совсем незначительной.

Использование эвфемии для наименования и адресации встречается в арабской культуре. В данном случае цель – поддерживать принятое в культуре уважение к старшим по возрасту и положению. Особое место принадлежит словам и именам, относящимся к браку или женщине, что также связано с религиозными и культурными традициями.

Очевидно, что список тем, подвергающихся эвфемистическому преобразованию, постоянно меняется и пополняется в зависимости от конвенциональных отношений внутри каждого отдельного социокультурного общества в определенный отрезок исторического времени.

Изучение эвфемии на уровне фразеологии в немалой степени способствует выявлению особенностей национальной картины мира через отношение к некоему фрагменту действительности. Это отношение может выражать как сам автор, так и целый этнос. В связи с этим мы предлагаем дополнить научный инструментарий таким лексическим элементом как эвфемизм-фразеологизм, который, по нашему мнению, характеризуется устойчивой грамматической структурой и фиксированным стилистическим регистром, обеспечивая образное выражение внеязыковой реальности, устоявшееся в данном социуме. Коннотации «эвфемизмов-фразеологизмов, как правило, имеют яркую стилистическую окрашенность, высокую степень информативности и образности» (Зубкова, Логвина, 2022, с. 55), а также позволяют отследить направление деривации в актуальном сознании носителя языка (Рамчандран, 2008).

Репрезентируя лингвокультурную специфику, процесс эвфемизации отражает присущую всем языкам тенденцию к смягчению, улучшению информации, которая приводит к замене табуированного слова или выражения субститутом. Естественные языки обладают сходным набором средств реализации эвфемии, в который входят фонетические механизмы, грамматические категории, синтаксические конструкции и т.д. Несмотря на схожесть табуируемых сфер в различных культурах, декодирование носителем языка осуществляется исходя из индивидуальных

психолингвистических факторов, новой социальной идентификации, которые мы рассмотрим на примере письменного текста.

Декодирование эвфемизмов

Рассматривая вопрос об условиях восприятия, декодирования и формирования ответной реакции на реализацию эвфемии, необходимо также продемонстрировать когнитивный аспект формирования эвфемии (когда когнитивный механизм метафоризации формирует образ, а затем, в рамках эвфемии последний «выстраивает» с учетом социального контекста стратегию). Важным фактором при этом является активность «зеркальных нейронов» и их роль в организации внутренней речи. По утверждению ученого В. Рамчандрана (Рамчандран, 2008), зеркальные нейроны обеспечивают возможность воспринимать чувства, понимать мотивы и выражать сочувствие другим, а также расшифровывать их намерения и предвидеть последующие действия. Зеркальные нейроны способствуют реализации социально приемлемых форм взаимодействия, стратегии «социального подражания» (Iacoboni, Molnar-Szakacs, 2005), к которой принадлежит этикет, такт вежливость и эвфемия. Предполагается, что зеркальные нейроны активно участвуют в социально-когнитивных процессах, к числу которых принадлежат получение и обработка информации, ее интерпретация и формирование ответа на мнения, поведение и намерения других людей. Это позволяет предположить, что «источки эвфемии необходимо видеть не столько во внешней по отношению к сознанию реальности, сколько в особенностях перцептивных и ментальных процессов индивида» (Зубкова, Логвина, 2022, с. 101).

Как нам представляется, чтобы лексическая единица могла считаться эвфемизмом и успешно декодироваться в процессе коммуникации, она должна обладать тремя минимально достаточными свойствами. По нашему мнению, первым является свойство денотативной амелиорации, предполагающее формальное «улучшение» денотата, улучшение значения. Второе – свойство семантической контенсивности, или стратегия морфосинтаксического кодирования с базовым переходом от значения к форме, что соответствует принципам семантической редукции и неопределенности. Третье свойство – информационной

традукции или аналогии (свойство признака, который переносится), что отвечает такой базовой характеристике эвфемизма как сохранение истинности и информативности исходного фрагмента действительности. Поясним нашу исследовательскую позицию более подробно.

Денотативная амелиорация представляет собой процесс нейтрализации негативных признаков денотата и отличает эвфемизм от других форм объективации знаний, являясь уникальным когнитивным свойством. Денотативные преобразования позволяют эвфемизму, как средству категоризации мира, участвовать как в систематизации, так и в оценочной деятельности по отношению к объекту коммуникации. Последнее выражается при помощи выбора как самого признака объекта (общих и индивидуально важных), помещаемого в фокус внимания в процессе денотативной амелиорации в ходе эвфемистических преобразований, так и в выборе степени сложности и характера эвфемистического преобразования.

Основой свойства *семантической контенсивности* эвфемизма являются категории образности и абстрактности, отражающие способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о явлениях и предметах окружающей действительности, связанных логически, хотя и не всегда очевидно, и объединенных общей идеей. Анализ семантической контенсивности убедительно свидетельствует о том, что эвфемистический смысл представляет собой часть содержания периферийного значения не лексического, а психолингвистического значения. Это объясняется тем, что эвфемистический смысл является результатом ситуативного употребления слова и свидетельствует об «экспериментальной» природе эвфемизма (как праксис концентрации на определенном фрагменте образа окружающей действительности). Таким образом, при декодировании эвфемизма чрезвычайную важность приобретает правильное понимание условий и обстоятельств, в которых говорящий сосредотачивает свое внимание на том или ином объекте в том или ином реляционном ракурсе (смотри подробно Зубкова, Логвина, 2022).

При этом немаловажно помнить о том, что эвфемизм является результатом лингвокультурной рефлексии (Орлова, 2020; Grishechko, 2023). Основными компонентами культуры, несущими национально-специфическую окраску, являются: традиции, обычаи и обряды (как средство приобщения к существующей в данном социуме системе нормативных требований; традиционно-бытовая культура; повседневное поведение и связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности; национальные картины мира и особенности мышления; искусство, которое отражает специфику национальной культуры в целом (Орлова, 2020, Мансур, 2020). Эвфемизмы самым непосредственным образом отражают процесс развития культуры народа, динамику и направление изменения его культурных установок. Они представляют собой «компоненты языковой личности, культурная информация которых заключена в тематические сферы их наибольшего распространения в тот или иной период культурного развития народа» (Катермина, 2021, с. 46).

С.И. Романов делает значимый вывод о культурной маркированности всех компонентов эвфемизма. «...денотативный компонент содержит информацию о наиболее значимых явлениях для лингвокультурной общности, сигнификативный – отражает их приличную, желательную, допустимую интерпретацию, прагматический – прагматические правила их кодирования или декодирования. К наиболее частотным мишеням отнесены такие, как личная жизнь человека, «физиологические аспекты жизнедеятельности, негативная оценка действительности, смерть» (Романов, 2021, с. 5). На этой дифференциации мы будем осуществлять анализ практического материала.

Сказанное выше позволяет нам предположить, что, создавая эвфемизм, стремясь максимально далеко «отойти» от негативного денотата, индивид обращается к смыслам дальней периферии психолингвистического значения, что может вызвать сложности при декодировании и, как результат, лишить высказывание статуса эвфемизма. За сохранение истинности и информативности исходного высказывания отвечает такое свойство эвфемизма как *традукция* (информационная аналогия). Для информационной

традукции первостепенными являются такие показатели как адекватность информации, т.е. ее соответствие реальной ситуации коммуникации, объем, полнота, те характеристики, которые определяют качество информации и достаточность данных для создания на основе имеющихся новых эвфемистических вариантов. От полноты данных зависит набор возможных методов, при которых погрешности, возникающие в ходе информационного переноса, будут минимизированы и, соответственно, декодирование эвфемизма будет более успешным.

Анализ эвфемизма с позиции «философии предиката» делает акцент на многокомпонентности эвфемизма, чей состав представлен как словными, так и сверхсловными единицами языка, которые могут менять структуру сознания путем создания нового, эвфемистического знаний. Это знание имеет отношение не только к порождению высказывания и его структуре, но и к расшифровке сообщения адресатом коммуникации. Эвфемизм формирует и модальные характеристики текста, выражая отношение говорящего к обсуждаемой действительности. Рассматривая модальность как коммуникативную цель говорящего, иллюкутивный потенциал эвфемизма позволяет, не искажая концептуально, «улучшить» смысл высказывания и, как результат, изменить его модальность. Результаты изучения категорий предикации и модальности свидетельствуют о том, что эвфемизм представляет собой структурно-организованное идеальное образование, отражающее закономерности восприятия мира «здесь- и- сейчас», особый лингвистический феномен, в котором соотносятся собственно семантические и прагматические компоненты, характеризующие отношение Говорящего к ситуации. В данном случае отчетливо видно противопоставление «реального» мира, который реципиент не приемлет по тем или иным причинам, другому, «приемлемому» миру, который он создает. На основании вышесказанного можем считать эвфемизм классом возможных миров, по отношению к которому смысл актуализируется в виде истины или лжи.

Лингвокультурные особенности эвфемизмов проявляются, в частности, в их двойственной природе, поскольку, с одной стороны, они представляют собой табуированные понятия и

могут считаться культурными универсалиями, а с другой являются «уникалиями, так как сравнение тематических групп в разных языках приводит к обнаружению лакунарности в описываемой сфере» (Денисова, 2016, с. 271). Поэтому при всей общности культурных и психологических предпосылок возникновения эвфемизмов очевидна национальная специфика и наличие мифологем национального менталитета, влияющих на состав эвфемистических средств выражения. Номинативные области эвфемизации в различных языках не могут полностью совпадать, поскольку «на их формирование оказывает влияние комплекс лингвокультурологических факторов, что эксплицитно выражено как в количественном соотношении исследуемых областей, так и в семантике зафиксированных единиц» (Реброва, Бабаян, 2019, с.172). На количественные и качественные показатели эвфемии в различных культурах непосредственным образом влияют различия в прагматических установках той или иной дискурсивной деятельности в разных культурах.

По нашему мнению, в этих условиях эвфемизм как вербально-логическая пространственно-временная реляция, базируется на внутреннем убеждении Говорящего, которое представляет собой рефлексию своего физического и ментального состояний и тех изменений, происходящих с ним конкретный момент времени. Он опирается на денотат, известный в текущей ситуации собеседникам, а также опыт – внутренний и внешний. Опыт формирует убеждение, благодаря которому возникает потребность в эскапистской деятельности. Прибегая к эвфемизации, продуцент не только выражает собственное отношение к объекту действительности, но, создавая «другой» мир, формирует и направляет мысли реципиента о данном объекте или ситуации.

Индивид стремится к замещению реальности в контексте эвфемии по причинам, носящим негативный характер, стремясь уйти от неприемлемого для него набора социальных смыслов и сформировать новые, приемлемые смыслы и даже состояния. Потребность в создании эвфемизма возникает в ходе рефлексии Говорящим своей коммуникативной позиции, поскольку эвфемизм дает возможность обращения к любой, даже запретной теме за счет неограниченного количества возможных реляционных ракурсов, сохраняя при этом отношения похожести с первичным денотатом.

Современная филологическая наука уже давно отказалась от толкования эвфемизма только как способа преодоления табу. Сейчас его зачастую рассматривают как средство продвижения и навязывания прагматических установок, когда семантика эвфемизма «обслуживает» личные, коммерческие и политические интересы (Орлова, 2020, Порохницкая, 2016). Мы акцентируем внимание на том, что современные трактовки декодирования эвфемизма не могут не учитывать широкий спектр психолингвистических аспектов, как то: социальная факторизация и целевое контекстуальное доминирование, а также фактор аудитории.

В ходе реализации эвфемии актуализируются критические вопросы о том, правдивой или ложной является данная эвфемистическая конструкция по отношению к реальной ситуации, каков объем предъявленного субъективного/объективного мнения, с какой целью использована подобная эвфемистическая конструкция, какую реакцию ожидает получить в ответ Говорящий и т.д. В эвфемистическом дискурсе эвфемизм эксплуатируется посредством функции идеологического характера: он нивелирует или заглушает нежелательные интерпретации с целью подавления возможной негативной реакции собеседника, маскирует существующую точку зрения при помощи таких лингвистических ресурсов как пассивизация, номинализация, пресуппозиция как часть грамматического эвфемизма и лексические замены, просодических, кинетических и других ресурсов. Выбор и способ функционирования этих семантических фигур определяется моделями и социально-идеологическими установками участников коммуникации. С критической точки зрения эвфемистический дискурс представляет собой средство убеждения, посредством которого осуществляется идеологический и социальный контроль, управление вниманием собеседника, направление его на конкретную точку зрения, намеренно выбранные Говорящим. Эвфемия направлена на того участника (или участников) коммуникации, чьи общественные нормативные установки являются в коммуникативном взаимодействии смыслообразующим основанием процессов категоризации и

концептуализации мира в контексте эфемистического дискурса, «целью которого является представление контента наиболее привлекательным образом для эмотивного воздействия на реципиента и создания ощущения «сопричастности»», которое, в свою очередь, может «выстраиваться только на узнаваемых, привычных культурных скрепах, способствующих определению места различных ценностей в индивидуальной картине мира» (Зубкова, 2021).

Эфемистическое воздействие характеризуется разноплановостью и разнообразием средств (как лингвистических, так и экстралингвистических), интенсивностью и завуалированностью воздействия, что способствует возникновению суггестивности и сопровождается незаметностью, неосознанностью, произвольностью усвоения. Вместе с тем заметим связь с реализацией психолингвистических параметров экспликации речи, социолингвистических аспектов, уточняющих процессы эфемизации в виде конкретной эфемистической единицы. Это связано с такими свойствами эфемизма как интенцией «улучшить» денотат, редуцируя его сигнификативные признаки; положительно маркированными оценочным и экспрессивным компонентам значения; снижением степени выраженности признаков эфемизируемого явления; повышением стилового регистра. Объект эфемизации определяется ценностями той лингвокультуры, в рамках которой он используется, с теми культурными нормами и установками, которые регламентируют употребление эфемизмов. Эфемизация тесным образом связана с прагматикой языка и обусловлена интенциями общения и коммуникативными факторами, что находит отражение в появлении новых и «отмирании» старых тем. Степень эфемизации речевого общения, частота употребления в определенных типах дискурса отражают правила речевого этикета, принятые в данном языковом коллективе.

Исследование репрезентации лингвокультурного фактора функционирования эфемизма

Иллюстрируя названные выше методологические презумпции измененных социальных условий декодирования, денотативной амелиорации, семантической конденсированности, информационной традиции обратимся к практическому рассмотрению и

филологическому осмыслению эвфемизма. Одним из ярких сегментов уникального культурного наследия является монархический строй, сохранить который удалось лишь немногим странам мира, что, безусловно, представляет интерес не только с лингво-культурологической точки зрения, но и с позиции теоретического осмысления исследуемого феномена. Широкая публика, например, в Великобритании, всегда проявляла внимание к персонам королевской семьи, их личной и общественной жизни. Кроме того, после смерти королевы Елизаветы в стране ведутся дискуссии относительно актуальности сохранения самого института монархии, хотя по данным опросов 60% жителей страны поддерживают его существование. Вопрос наследования власти и права на престол исторически был и остается «зоной высокого напряжения» как внутри королевской семьи, так и за ее пределами. Статус наследника престола делает жизнь его обладателя относительно понятной и регламентируемой, в отличие от статуса принца, не имеющего перспектив наследования трона.

В связи с этим объектом нашего осмысления стала автобиографическая книга принца Гарри «*Spare*», которая представляет собой определенную квинтэссенцию реализации иносказательного отношения общества через описание фактов личной жизни членов британской королевской семьи. В английском языке существует неформальное выражение для обозначения первого и второго детей монарха мужского пола - «the heir and the spare» (или «the spare to the heir»), в семантике которого заложено несколько пренебрежительное отношение ко второму наследнику трона, у которого в современном мире практически нет шансов взойти на престол. Выражение уходит своими корнями к 1570 году, впервые оно было употреблено применительно к Генриху Анжуйскому. Само наличие специальной лексемы «*spare*» вместо, например, «второй сын» или «следующий претендент на трон» говорит о противопоставлении этих двух персон и легитимности их притязаний, одновременно задавая рамку их восприятия обществом. Название книги само по себе является эвфемизмом, так как обозначает «свободный» (в контексте королевских обязанностей от короны) или «запасной» по отношению к самой

неприемлемой трактовке как «лишний». Кроме того, эта лексема выступает и как своего рода эвфемизм призванный эксплицитировать юмористический эффект, посредством иносказательного образа с комическим аспектом, который табуирует факт замены, намекая на то, что, если что-то случится с первым наследником, второй заменит его или выступит в качестве «донора». Очевидно, что сфера мишень репрезентируется с учетом контекста с акцентом на юмористический эффект для того, чтобы снизить градус напряженности. Подобная формулировка по отношению ко второму ребенку в семье, в которой воспитывается будущий король (первый ребенок), наталкивает на мысль о непростых внутрисемейных отношениях. Возможно, выбрав слово «spare» в качестве названия своей автобиографической книги, принц Гарри хотел выразить свои негативные чувства, обиду на то, что в семье с ним обращались как с «запасным», и такое же отношение транслировалось прессой.

Обсуждение членов королевской семьи, их личной жизни традиционно является сферой, в которой существуют определенные рамки, ограничения, призванные поддерживать высокий статус монархии в целом, что обуславливает наличие эвфемизации в данном виде дискурса.

Практическим материалом исследования послужили 15 статей в англоязычной онлайн прессе (*The New Yorker*, *The New York Times*, *Slate*, *Vox*, *Vanity Fair*, *The Washington Post*, *The Los Angeles Times*, *The Wall Street Journal* и др.), представляющие собой отклики (рецензии) на книгу принца Гарри «Spare».

Мишенями эвфемизации в проанализированном материале стали:

- личность принца Гарри, в т.ч. его интеллектуальные способности, образ жизни, подробности личной жизни;
- социальные аспекты его жизни, статус в семье, отношения с другими членами королевской семьи, книга, которую он выпустил, отношения с прессой;
- смерть матери.

Отдельного упоминания заслуживает такая мишень эвфемизации как институт монархии в целом, его актуальность и статус в современной Великобритании.

Мишень «Личность принца Гарри»

а) интеллектуальные способности, о которых рецензенты высказываются довольно нелестно, критикуя его нелюбовь к чтению и интеллектуальному труду: *not really big on books; a man more of action than of thought or words; doesn't really reflect on, let alone cultivate, his inner life; not-too-complicated dude; disinclined to read much of anything.*

С точки зрения аксиологических установок британского общества такая оценка отражает положительное отношение к ценностям культуры и литературы, умственной работе, высокому уровню интеллектуальности и образованности, особенно ожидаемого от представителей высших кругов общества, получающих элитарное образование. Неспособность принца к саморефлексии косвенно сигнализирует о его неспособности играть заметную роль в управлении государством. Отрицательные частицы *not* и префикс *dis* используются для смягчения негативной оценки, отражая интенцию к камуфлированию его недостаточно высоких интеллектуальных способностей.

б) образ жизни: *liken him to Bridget Jones; occasionally wayward youth; Harry's circumstances have often been unusual; he was undercover in his own life.*

В данном примере эвфемизм очевидно строится на информационной традукции или аналогии, как части метафоризации за счет прецедентной отсылки к британскому фильму «Дневник Бриджит Джонс», что способствует созданию образа взрослого годами, но не повзрослевшего человека, который никак не найдет себя и, подобно подростку, ведет себя инфантильно и безответственно. Этот образ нашел свое воплощение и в англо-американском фильме «Мой мальчик», снятому по роману Н. Хорнби, что свидетельствует о растущей тенденции молодых людей избегать социальной ответственности и «затягивать» вступление во взрослую жизнь. К этой тенденции британское общество, в котором традиционно культивировались такие ценности как чувство долга и социальная ответственность, относится с явным неодобрением. Экцентricность, которую люди склонны прощать молодым людям, вызывает неодобрение и непонимание, когда речь

заходит о взрослых людях, особенно носителях высоких титулов.

в) физиологические процессы и состояния: *loosened his bowels; the effect of magnesium on his bowels*.

Правила приличия практически в любой лингвокультуре запрещают публичное отправление естественных нужд, и такие случаи являются общественно порицаемыми. Но, кроме того, в статьях явственно читается неодобрительное отношение к тому, что такая информация становится публичной, нарушая традиционное стыдливое отношение британцев к подобным фактам частной жизни.

в) обозначения частей тела, связанных с «телесным низом»: *tingling thing; nether regions; todger; South Pole* и наименования половых отношений и действий, им сопутствующих: *not unlike a young stallion; quick ride; took his virginity*.

Следует отметить, что в данном случае интенциональным фактором эвфемизации является высокая степень табуированности в сфере личной жизни человека. Эвфемизмы, использованные в статьях для определённых номинаций, являются общеязыковыми и воспроизводятся в типичных коммуникативных ситуациях с учетом лингвокультурных традиций и ценностно-нормативных концепций, требующих табуизации данной сферы жизни человека. Интерес представляет речевой эвфемизм *South Pole*, который использует сам Гарри, делая отсылку к своему путешествию на Северный полюс, в ходе которого он получил обморожение.

Мишень «Социальные аспекты жизни принца Гарри»: статус в семье, отношения с другими членами королевской семьи, книга, которую он выпустил, отношения с прессой.

а) отношения между Гарри и его отцом и братом, которые он сам описывает как иерархичные, не всегда теплые и поддерживающие: «...*his every step determined by the inescapable legacy of the countless royal dead*»; «...*they're clearly not in the right frame of mind to listen...*»; «...*father and brother's assumptions about his intelligence*»; *air-clearing meeting*; «...*we can only hope he's happy with his end of the deal, a pact more Faustian by far than anything his father or brother have ever signed*»; *the classic older-sibling-younger-sibling stuff*; «...*William's crime seems to be mostly that he grew up and Harry did not*».

Положение второго сына априори является менее статусным, что не может не вызывать напряжения в семейных отношениях. Наличие обязанностей и отсутствие прав не способствует гармонии и пониманию между братьями, отцом и сыновьями. При помощи эвфемизации в данном случае выражается симпатия к человеку, вынужденно находящемуся на «втором плане», осуждается несправедливость по отношению к детям и отсутствие поддержки в семье.

б) положение Гарри в королевской семье: *back-up player; the shadow, the support, the Plan B; he was never too concerned with his place in the line of succession; «Heirs, always, over spares»; weren't a fully vested member of the Royal». В данных примерах мишенью эвфемизации является статус «запасного», как продолжение заявленного в названии книги. С одной стороны, такие качества как ущербность и неполноценность, каким бы объективными обстоятельствами они не были вызваны, не приветствуются обществом, поэтому амелиорация происходит за счет прецедентного апеллирования к спортивным терминам. С другой, очевидным является проявление сочувствия по отношению к принцу в связи с его «ущербным» статусом. В данном случае проявляются такие черты британского менталитета, как стремление побеждать, ценность достижений и побед, высокая конкурентность и важность личных заслуг.*

Практически в любой культуре порицаются такие качества как неблагодарность, неспособность ценить то, что дано от рождения, а также привычка жаловаться, попытки манипулировать, взывая к сочувствию. В британской лингвокультуре ценится сдержанность, чувство собственного достоинства и умение «держать удар», поэтому жалобы принца не всегда встречают сочувствие, в его адрес раздаются и упреки в неблагодарности, декодированные следующими эвфемизмами: *lack of appreciation of his birthright; a prince who isn't all that impressed by his birthright*. Принца критикуют за то, что в своей книге он открыл слишком много нелицеприятных фактов о членах своей семьи, сделал именно то, за что так часто и яростно сам критиковал прессу: *Harry bursts any number of inaccurate reports; to perform uncomfortable media interviews; «... a little more Faulkner and less Fleet Street would be helpful here»; «It feels like a*

diatribe from someone who has only recently learned that it is physically possible to talk openly about his life and his anger, and who now has no idea how to modulate himself»; «He writes as if he is the first privileged male to notice the unfairness of primogeniture»; «Too much information...». Гарри не демонстрирует те качества, которые ценятся британцами (и не только) в мужчине – последовательность, сдержанность, чувство собственного достоинства.

Поскольку одной из центральных тем книги является влияние на его жизнь психологической травмы, которую Гарри получил после смерти матери, она звучит и в рецензиях на книгу: *airyrealm; latemother; loss; interred*. Мишенью эвфемизации очевидно становится традиционная тема – смерть, которая вербализуется при помощи традиционных общезыковых эвфемизмов, эксплицируемых в соответствии с выделенными выше аспектами: денотативной амелиорации, семантической контенсивности, информационной традукции.

Актуальность самой монархии как института также становится объектом комментирования с помощью следующих эвфемизмов-фразеологизмов: *expropriating the royals entirely; «But how should royalty ever think otherwise?»; «...the monarchy is ripe for a reckoning».* В данных примерах присутствует отражение дискуссий по поводу актуальности монархии как института, которые стали более активны после смерти королевы Елизаветы, в которых в завуалированной форме звучит мысль о необходимости ее упразднения. При этом стоит заметить, что количество таких примеров незначительно, что может свидетельствовать о бережном отношении британцев к обсуждению данной темы.

Значительная часть книги посвящена отношениям с прессой, которую Гарри, с одной стороны, ненавидит за травлю матери и назойливое внимание к его семье и ему лично, а с другой, использует как средство донести свою позицию. В попытке скрыть свое негативное отношение к представителям прессы Гарри прибегает к следующим эвфемистическим выражениям: *media-inflicted wounds; invasive tactics of the press; to the spewing verbiage of the media churn; telling tales; speculated worriedly; inaccurate reporting*. По нашему мнению мишенью эвфемизации является стремление прессы воздержаться от резких оценок методов и последствий собственных действий, поскольку назойливость и

бесцеремонность репортеров по отношению к публичным людям уже стали общим местом и давно получили негативную оценку общества. Используются такие номинации, которые при декодировании неизменно выводят на денотат, камуфлируемый более лояльными коннотациями.

Результаты исследования

Значимыми результативными выводами анализа функционирования эвфемизма можно признать реализацию интенциональных факторов эвфемии в анализируемом материале, за счет табуизации номинаций, связанных с личной жизнью человека и смертью, а также камуфлирование неприятных моментов, связанных с конкретной личностью (например, принца Гарри, его статусом, семейной и общественной жизнью). Кроме того, актуализация выделенных нами мишеней эвфемизации и их анализ, интерпретация внутренней формы эвфемизмов, экспликация культурных норм и установок, которые детерминируют их употребление, позволяет сделать выводы об особенностях миропонимания, культурных и исторических ценностях современного лингвокультурного сообщества (например, британского). Так, положительно воспринимается умение достойно вести себя в обществе, быть ответственным человеком, образованность, умеренность, стойкость характера. Неодобрительно воспринимается несдержанность, попытки вызвать сочувствие, неблагодарность. В целом, можно отметить сохранение традиционно уважительного отношения британского общества к монархии и членам королевской семьи, что проявляется в наличии определенных ожиданий от того, что их личность и общественная жизнь будут соответствовать высокому статусу. Одновременно с этим проявляется, хотя и не так выражено, как первая, более современная тенденция, которая выражается в стремлении представить титулованных особ как обычных людей с присущими им недостатками. При декодировании нами отмечена реализация таких свойств эвфемизма как: денотативная амелиорация, семантическая конденсированность, информационная традукция, которые выступают в прямой зависимости от реализации психолингвистических факторов самого автора и социальных аспектов, характеризующих

британское общество. Вместе с тем подчеркнём, что методологическая значимость выделенных нами свойств эвфемизма подтверждает эмпирическую пригодность при анализе исследуемого феномена в контексте декодирования в рамках коммуникативного взаимодействия в любой культуре, поскольку репрезентирует базовые аспекты объективации устойчивых архетипов и их корреляцию с языковой системой. Перспективным видится развитие данного подхода на материале разных видов дискурса в иноязычном сопоставительном аспекте.

Литература

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков. Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Кубанский государственный педагогический университет, Краснодар, 2006. – 23с.
2. Денисова Э.С., Халиман М.Б. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 270–280.
3. Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-5. – С. 1107–1110.
4. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 86-90.
5. Зубкова О.С. Аксиологический аспект кодификации образных систем метафорических значений в дискурсе сказки // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1(40). – С. 95–101.
6. Зубкова О.С., Логвина С.А. Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. – 206 с.
7. Иванян Е. П., Кудлинская Х., Никитина И. Н. Деликатная тема на разных языках: Монография и словарь эвфемизмов

- деликатной темы / Под общ. редакцией Е. П. Иванян. – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2012. – 332 с.
8. Катермина В.В. Эвфемизация как средство проявления национального характера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uhk.cz/file/edee/pedagogicka-fakulta/pdf/pracoviste-fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf>
 9. Киосе М.И. Изменчивый образ человека в не прямых и прямых номинациях в тексте // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – С. 149-160.
 10. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 4. – С. 35-48.
 11. Ковшова М. Л., Нистратов А. А. Критерии восприятия эвфемизмов: экспериментальное исследование языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социуме - 6. – М.: Канцлер, 2017. – С. 329-332.
 12. Мансур М.Х.С. Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа «социальные пороки») : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. – 361 с.
 13. Орлова О.С. Принцип не прямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2020. – 22 с.
 14. Порохницкая Л. В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма: Монография. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 167 с.
 15. Рамачандран В., Оберман Л. Разбитые зеркала: теория аутизма // Аутизм и нарушения развития. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 1–9.
 16. Реброва Н.Е., Бабаян В.Н. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков) // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 (18). – С. 171–177.
 17. Романов С.И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка : автореф. дис.... канд. филол. наук. – Тула, 2021. – 18 с.

18. Bayard L. The verdict on Prince Harry's book: Juicy, humorous, resentful and sad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/books/2023/01/10/prince-harry-spare-book> (дата обращения 21.02.2024)
19. Brown T. Spare by Prince Harry review – magical thinking in Montecito [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/17/spare-by-prince-harry-review-magical-thinking-in-montecito-tina-brown> (дата обращения 15.03.2024)
20. Cooke R. Spare by Prince Harry review – dry your eyes, mate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/15/spare-by-prince-harry-review-dry-your-eyes-mate> (дата обращения 05.03.2024)
21. Coughlan C. Spare review: The weirdest book ever written by a royal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-64223264> (дата обращения 15.03.2023)
22. Dockterman E. *Spare* Is Surprisingly Well Written-Despite the Drama Around It. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/6246029/prince-harry-spare-review/> (дата обращения 26.02.2024)
23. Grady C. Prince Harry's *Spare* is a sad and self-indicting portrait of royalty on the brink [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vox.com/culture/23550867/spare-review-prince-harry> (дата обращения 14.02.2024)
24. Grishechko E. G. Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research // *Training, Language and Culture*. – 2023. № 7(2). – P. 80-92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
25. Hensher Ph. Spare reviewed: Harry is completely disingenuous – or an idiot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spectator.co.uk/article/spare-reviewed-harry-is-completely-disingenuous/> (дата обращения 03.03.2024)
26. Higgins Ch. Spare by Prince Harry review – a flawed attempt to reclaim the narrative. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/10/spare-prince-harry-review-attempt-reclaim-narrative> (дата обращения 26.02.2024)

27. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean. – New York: Oxford University Press, 2002. – 501 p.
28. Jacoboni M., Molnar-Szakacs I., Gallese V. et al. Grasping the intentions of others with one's own mirror neuron system // PLoS Biol. – 2005. – Vol. 3. – No. 3. – P. 0529–0535.
29. Jacobs A. Prince Harry Learns to Cry, and Takes No Prisoners, in 'Spare' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/01/10/books/prince-harry-spare-review.html> (дата обращения 14.03.2024)
30. Kany Ch.E. American-Spanish Euphemisms. – Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1960.
31. Kaufman J. 'Spare' Review: Titled and Entitled [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/spare-review-titled-and-entitled-11673395043> (дата обращения 03.03.2024)
32. Kaur W. Prince Harry's memoir Spare a portrait of an angry man struggling to make peace with his past. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books/reviews/article-prince-harry-memoir-spare-review/> (дата обращения 26.02.2024)
33. Lampen C. Keeping up with the Royals. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecut.com/2023/01/prince-harry-spare-review-frustrating-and-sympathetic.html> (дата обращения 20.02.2024)
34. Malyuga E., Shvets A., Tikhomirov I. Computer-based analysis of business communication language // 2016 SAI Computing Conference (SAI). – IEEE, 2016. – С. 229-232.
35. Mead R. The Haunting of Prince Harry [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.newyorker.com/magazine/2023/01/23/prince-harry-memoir-spare-review?utm_source=headtopics&utm_medium=news&utm_campaign=2023-01-13 (дата обращения 14.03.2024)
36. Miller L. Prince Harry's Book Is Just Good Literature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slate.com/culture/2023/01/prince-harry-book-spare-sales-review.html> (дата обращения 12.03.2024)
37. Pavia L. Review: Spare by Prince Harry is a chaotic but stylish memoir that sets fire to the royal family [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа:<https://www.independent.ie/style/review-spare-by-prince-harry-is-a-chaotic-but-stylish-memoir-that-sets-fire-to-the-royal-family/42275282.html> (дата обращения 16.03.2024)
38. Pilkington A. Political correctness in a global age: The ethical implications of a hegemonic discourse // *Global media ethics and the digital revolution*. – 2023.
39. Silveira M. Euphemism as a Mechanism of the Internal Workings of the Politically Correct Language / Zanardi R.C., Silveira M. // *Global Journal of Human-Social Science*, 2022. – Vol. 19(G8). – Pp. 1–7.
40. Vanderhoof E. Prince Harry's *Spare* Is a Romp That Questions the Meaning of Privacy in the 21st Century [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.vanityfair.com/style/2023/01/prince-harry-spare-review> (дата обращения 23.02.2024)

References

- Baskova, Yu. S. (2006). *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov* [Euphemisms as a tool of manipulation in the language of the media: on the basis of the Russian and English languages]. (PhD thesis abstract, Kuban State Pedagogical University, Krasnodar, Russia). (in Russian).
- Bayard, L. (2023). The verdict on Prince Harry's book: Juicy, humorous, resentful and sad. *The Washington Post* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.washingtonpost.com/books/2023/01/10/prince-harry-spare-book>
- Brown, T. (2023). Spare by Prince Harry review – magical thinking in Montecito. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/17/spare-by-prince-harry-review-magical-thinking-in-montecito-tina-brown>
- Cooke, R. (2023). Spare by Prince Harry review – dry your eyes, mate. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/15/spare-by-prince-harry-review-dry-your-eyes-mate>
- Coughlan, C. (2023). Spare review: The weirdest book ever written by a royal. *BBC News* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.bbc.com/news/uk-64223264>

- Denisova, E.S., & Haliman, M.B. (2016). Evfemizm kak unikal'nyj yazykovoj fenomen v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah (na materiale tematiceskij gruppy «Professii») [Euphemism as a unique linguistic phenomenon in Russian and Chinese linguistic cultures (based on the thematic group “Professions”)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 270–280. (in Russian).
- Dockterman, E. (2023). *Spare* Is Surprisingly Well Written-Despite the Drama Around It. *Time*. [Electronic resource]. Retrieved from: <https://time.com/6246029/prince-harry-spare-review>
- Grady, C. (2023). Prince Harry’s *Spare* is a sad and self-indicting portrait of royalty on the brink. *Vox* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.vox.com/culture/23550867/spare-review-prince-harry>
- Grishechko, E. G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*, 7(2), 80-92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
- Hensher, Ph. (2023). *Spare* reviewed: Harry is completely disingenuous – or an idiot. *The Spectator* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.spectator.co.uk/article/spare-reviewed-harry-is-completely-disingenuous/>
- Higgins, Ch. (2023). *Spare* by Prince Harry review – a flawed attempt to reclaim the narrative. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/10/spare-prince-harry-review-attempt-reclaim-narrative>
- Holder, R.W. (2002). *A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean*. New York: Oxford University Press.
- Iacoboni, M., Molnar-Szakacs, I., & Gallese, V. et al. (2005). Grasping the intentions of others with one’s own mirror neuron system. *PLoS Biol*, 3 (3), 0529–0535.
- Ivanyan, E. P., Kudlinskaya, H., & Nikitina, I. N. (2012). *Delikatnaya tema na raznyh yazykah: Monografiya i slovar' evfemizmov delikatnoj temy* [Delicate topic in different languages: Monograph and dictionary of euphemisms of a delicate topic]. Samara: Izd-vo «Insoma-press». (in Russian).
- Jacobs, A. (2023). Prince Harry Learns to Cry, and Takes No Prisoners, in ‘*Spare*’. *The New York Times* [Electronic resource]. Retrieved

- from:<https://www.nytimes.com/2023/01/10/books/prince-harry-spare-review.html>
- Kany, Ch.E. (1960). *American-Spanish Euphemisms*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press.
- Katermina, V.V. *Evfemizaciya kak sredstvo proyavleniya nacional'nogo haraktera* [Euphemisation as a Means of Embodying a National Character] [Electronic resource]. Retrieved from: [fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf](https://www.fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf) (in Russian).
- Kaufman, J. (2023). 'Spare' Review: Titled and Entitled. *The Wall Street Journal* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.wsj.com/articles/spare-review-titled-and-entitled-11673395043>
- Kaur, W. (2023). Prince Harry's memoir Spare a portrait of an angry man struggling to make peace with his past. *The Globe and mail* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books/reviews/article-prince-harry-memoir-spare-review/>
- Kiose, M.I. (2017). Izmenchivyy obraz cheloveka v nepryamyh i pryamyh nominacijah v tekste [The changeable image of a person in indirect and direct nominations in the text]. *Logicheskij analiz yazyka. CHelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke* (pp. 149-160). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (in Russian).
- Kovshova, M. L., & Nistratov, A. A. (2017). Kriterii vospriyatiya evfemizmov: eksperimental'noe issledovanie yazykovogo soznaniya [Criteria for the perception of euphemisms: an experimental study of linguistic consciousness]. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sociume - 6* (pp. 329-332). Moscow: Kancler. (in Russian).
- Kovshova, M. L. (2019). Evfemizmy i frazeologizmy: ustojchivye struktury v aspekte evfemizacii [Euphemisms and phraseological units: frozen structures from the standpoint of euphemisation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 4*, 35-48. (in Russian).
- Lampen, C. (2023). Keeping up with the Royals. *The Cut* [Electronic resource]. Retrieved from:

- <https://www.thecut.com/2023/01/prince-harry-spare-review-frustrating-and-sympathetic.html>
- Malyuga, E., Shvets, A., & Tikhomirov, I. (2016, July). Computer-based analysis of business communication language. In *2016 SAI Computing Conference (SAI)* (pp. 229-232). IEEE.
- Mansur, M.H.S. (2020). *Frazeologizmy-efemizmy russkogo yazyka na fone arabskogo: lingvokul'turologicheskij aspekt (tematicheskaya gruppа «social'nye poroki»)* [Phraseologisms and euphemisms of the Russian language against the background of the Arabic language: linguocultural aspect (thematic group “social vices”)]. (PhD thesis, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia). (in Russian).
- Mead, R. (2023). The Haunting of Prince Harry. *The New Yorker* [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.newyorker.com/magazine/2023/01/23/prince-harry-memoir-spare-review?utm_source=headtopics&utm_medium=news&utm_campaign=2023-01-13
- Miller, L. (2023). Prince Harry’s Book Is Just Good Literature. *Slate* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://slate.com/culture/2023/01/prince-harry-book-spare-sales-review.html>
- Orlova, O.S. (2020). *Princip nepryamoj nominacii v zagadkah i efemizmah na temu rozhdeniya i smerti* [The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death]. (PhD thesis abstract, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia). (in Russian).
- Pavia, L. (2023). Review: Spare by Prince Harry is a chaotic but stylish memoir that sets fire to the royal family. *The Irish Independent* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.independent.ie/style/review-spare-by-prince-harry-is-a-chaotic-but-stylish-memoir-that-sets-fire-to-the-royal-family/42275282.html>
- Pilkington, A. (2023). Political correctness in a global age: The ethical implications of a hegemonic discourse. In Miladi N. (Ed.), *Global media ethics and the digital revolution* (pp.15-37). London and New York: Routledge.

- Porohnickaya, L. V. (2018). *Konceptual'nye modeli v semantike evfemizma: Monografiya* [Conceptual models in the semantics of euphemism: Monograph]. Moscow: FSBEI HE MSLU. (in Russian).
- Ramachandran, V., & Oberman, L. (2008). Razbitye zerkala: teoriya autizma [Broken mirrors: a theory of autism]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 6 (3), 1–9. (in Russian).
- Rebrova, N.E., & Babayan, V.N. (2019). Evfemizmy kak sredstvo reprezentacii lingvokul'turologicheskoy informacii (na materiale anglijskogo i nemeckogo yazykov) [Euphemisms as a tool of representing linguocultural information (based on the English and German languages)]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 3 (18), 171–177. (in Russian).
- Romanov, S.I. (2021). *Lingvokul'turologicheskij aspekt evfemizmov russkogo yazyka* [Linguistic and cultural aspect of euphemisms of the Russian language]. (PhD thesis abstract, Tula State Pedagogical University, Tula Russia). (in Russian).
- Zanardi, R.C., & Silveira, M. (2019). Euphemism as a Mechanism of the Internal Workings of the Politically Correct Language. *Global Journal of Human-Social Science*, 19(G8), 1–7.
- Vanderhoof, E. (2023). Prince Harry's *Spare* Is a Romp That Questions the Meaning of Privacy in the 21st Century. *Vanity Fair* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.vanityfair.com/style/2023/01/prince-harry-spare-review>
- Zvereva, M. I. (2017). Istoriya izucheniya evfemizmov v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike [History of the study of euphemisms in Russian and foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (78), 86-90. Tambov: Gramota. (in Russian).
- Zherebilo T.V., & Mejrieva A.S. (2015). Klassifikaciya evfemizmov, ispol'zuemyh v sovremennom russkom yazyke [Classification of euphemisms used in modern Russian]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2(5), 1107–1110. (in Russian).
- Zubkova, O.S. (2021). Aksiologicheskij aspekt kodifikacii obraznyh sistem metaforicheskikh znachenij v diskurse skazki [Axiological aspect of codification of figurative systems of metaphorical

meanings in the discourse of a fairy tale]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 1(40), 95–101. (in Russian).
Zubkova, O.S., & Logvina S.A. (2022). *Aktual'nye tendencii i zakonomernosti razvitiya evfemii* [Current trends and patterns of euphemism development]. Kursk: Izd-vo ZAO «Universitetskaya kniga». (in Russian).

УДК 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.03>

Лебедева И. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Иванова М.В.³

Литературный институт имени А.М. Горького

**ПЕРСУАЗИВНОСТЬ, ХЕДЖИРОВАНИЕ И
ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КАРТИНЫ СОБЫТИЯ В ХОДЕ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

Настоящее исследование посвящено изучению моделей дискурсивного поведения участников судебного заседания на этапе перекрестного допроса, которые позволяют им осуществлять контроль над процессом конструирования репрезентативной картины события. Процесс создания нового представления о реальном событии может носить ненамеренный и намеренный характер. Особенностью институционального дискурса является намеренный характер изменения представлений о реальности. Чаще всего это связано с наличием конфликта интересов участников институционального общения. На стадии перекрестного допроса конфликт интересов приобретает

³ © Лебедева И.С., Иванова М.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

экстремальный характер, что приводит к намеренному изменению картины реальных событий с учетом интересов стороны, излагающей данные события. Для присяжных версия событий, представленная участниками перекрестного допроса, является единственной репрезентацией реальных событий, на основе которой им предстоит вынести вердикт. Из этого следует, что участники намеренно создают новые дискурсивные конструкты, являющиеся в большей или меньшей степени, отражением реальных событий и учитывающие интересы сторон. В этой связи представляет интерес изучение лингвистических средств, используемых сторонами на стадии перекрестного допроса для достижения коммуникативных целей в ситуации конфликта интересов. Объектом исследования являются средства персуазивного воздействия, хеджирования и вежливости, используемые сторонами при конструировании репрезентативной картины события и социального мира на стадии перекрестного допроса. В ходе рассмотрения материалов судебного процесса «Д. Дж. Ирвинг против Penguin Books и Д. Липштадт» автор приходит к выводу, что дискурс перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, который опосредован личными установками участников судебного заседания, их отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. Для судебного дискурса характерны высокая степень маркированности и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях.

Ключевые слова: судебный дискурс, конструирование дискурса, персуазивность, хеджирование, вежливость

UDC 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.03>

Lebedeva I. S.

MGIMO University,

Ivanova M.V.

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing

**PERSUASION, HEDGING AND POLITENESS IN
DISCOURSE CONSTRUCTION IN COURTROOM**

The present research studies linguistic behavior of trial participants and discursive patterns used by them to control representations of reality they create for the jurors in cross-examination. The process of reality construction may be either intentional or unintentional by nature. A feature of institutional discourse is the intentional nature of changing perceptions of reality. Most often, this is due to the presence of conflicting interests at the cross-examination stage. For the jury, the version of the event presented by lawyers is the only source of information their verdict will draw on. The result is that lawyers intentionally create new mental constructs that are, to a greater or lesser extent, a reflection of real events. The object of the study is persuasive, hedging and politeness means used by trial participants to create new reality in cross-examination. Close research into the source materials – Holocaust Denial – Royal Courts of Justice, Strand, London, 2000 – allows the author to conclude that cross-examination discourse is a social construct dependent on the information and means of interpretation that are part of a person's social system. Courtroom discourse is linguistically marked, close attention is given to the choice of linguistic means at all levels of linguistic expression.

Keywords: courtroom discourse, discourse construction, persuasion, hedging, politeness

Введение

Целью настоящего исследования является определение моделей лингвистического и дискурсивного поведения участников судебного заседания на этапе перекрестного допроса, которые позволяют им осуществлять контроль над процессом конструирования реальности присяжными заседателями (van Dijk 1995). Исследование проведено в рамках системной функциональной лингвистики (СФЛ-SFL) (Halliday 1973, 2004), когнитивной лингвистики (Langacker 1987, 2008; van Dijk 2008), критического анализа дискурса (КАД-CDA) (Fowler et al. 2018) и позволяет раскрыть основные закономерности, используемые участниками судебного заседания при конструировании дискурса. Исследование может представлять практический интерес для обучающихся по направлениям «Международное право», «Международное право и сравнительное правоведение»,

«Международное право и юридическое обеспечение международного энергетического сотрудничества», «Административное и финансовое право», «Международное частное и гражданское право», а также для всех тех, кто изучает лингвистические особенности англоязычного судебного дискурса и средства воздействия, используемые участниками судебного заседания на этапе перекрестного допроса.

Теоретическая база

Согласно Т. ван Ливену (van Leeuwen 2005), дискурс – это социально сконструированное знание о каком-либо аспекте реальности. Следует отметить, что термин «знание» используется в этом контексте для обозначения интерпретации/ понимания говорящим рассматриваемого аспекта реальности, а не фактов самой реальности. Кроме того, данное понимание дискурса акцентирует внимание на его социальном аспекте, что особенно актуально для понимания лингвистической картины судебного заседания. Репрезентативная картина формируемой адвокатом реальности и ее последующее понимание присяжными – социальный продукт, который зависит не столько от самой информации по делу, сколько от ее интерпретации человеком, который ее представляет. Любое дискурсивное представление реальных событий не является объективным, так как всегда опосредовано личными установками говорящего, его отношением к событию, множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. В контексте судебного заседания возможная интерпретация события также будет зависеть от таких факторов как, например, степень участия (не всегда можно четко определить), характер совершенного действия, статус жертвы, степень подготовленности/ планирования события, намерения участников события, обоснованность предпринятых действий и т. д. В процессе преобразования знания о событии в лингвистическую форму возникает дискурс, где реальность воссоздается в новой форме, при этом, исходное событие, объект или концепт трансформируются во что-то иное по мере того, как они становятся частью вновь конструируемого дискурса (Bauman & Briggs 1990). Другими словами, дискурс – это репрезентация некоего аспекта реальности, который создается и распространяется внутри

социальной группы/ сообщества (Малюга, 2019). Присяжные заседатели, наделенные властью выносить решение, не имеют представления о событии, так как не являлись его свидетелями, а создаваемый в процессе судебного заседания дискурс становится для них практически единственным источником понимания события, расследования, закона, а также осознания своих будущих действий, связанных с принятием того или иного решения. Подобное понимание дискурса позволяет осознать, что каждый отдельный случай использования языка не существует изолированно, он является частью более широкой модели обсуждения определенной темы или определенного числа смежных тем. Например, каждое из высказываний адвоката представляет собой элемент/ сегмент дискурса, который включает в себя все представления о реальности, которые формировались соответствующей стороной по делу на протяжении судебного разбирательства.

С точки зрения когнитивной науки, основная функция языка – создание области взаимодействия между собеседниками. Слушатель сам создает информацию, уменьшая под воздействием получаемых сообщений неопределенность в собственной когнитивной области, что предопределяет его поведение. Подход Л. Фелтона (Felton, 2015) к рассмотрению функций дискурса базируется на признании существования двух ключевых функций дискурса – информативной и директивной и, как следствие, двух типов дискурсивных актов – информативных и директивных (Sinclair & Coulthard, 1992). Данный подход в большей степени ориентирован на исследование судебного дискурса и имеет практическую направленность. Цель информативного дискурсивного акта – распространение информации о событии, в то время как цель директива – инструктирование реципиента относительно того, как следует понимать событие и, как должен быть изменен мир (в данном случае речь идет об изменении посткоммуникативного поведения реципиента (Perloff, 2003), а в контексте судебного заседания – вердикта присяжных заседателей). Такой подход полностью соответствует пониманию М. Хэллидеем (Halliday, 1973, 2004) функций дискурса. Только посредством передачи представления о реальности (the ideational function) и конструирования социального мира (the interpersonal function)

говорящий оказывается способен не только информировать слушателя, но и управлять его вниманием, направлять его в принятии определенных действий и решений. Данные процессы взаимосвязаны и происходят одновременно.

К элементам, составляющим дискурс можно отнести речевые акты (Austin, 1962; Searle, 1969), функции которых гораздо более разнообразны. Функции дискурса могут быть реализованы только в том случае, если отдельные речевые акты или группы речевых актов внутри дискурса работают вместе для достижения более масштабной дискурсивной функции (Felton, 2015). Например, адвокат представляет мир таким, каким он был, есть или будет/мог бы быть (т. е. информируют) посредством таких речевых актов, как утверждения, предположения, предложения; они изменяют мир (т. е. направляют), используя такие речевые акты, как наименования, клятвы, обещания, предположения, просьбы и команды; они также уделяют внимание формированию определенного типа отношений с окружающими и аудиторией посредством извинений, приветствий и других социальных действий. Дискурсивные функции реализуются не только на уровне предложения, но и в лексических и синтаксических формах, используемых внутри предложений. По мнению М. Хэллидея (Halliday, 2004), именно на этих уровнях лингвистического выражения обсуждается и создаются тонкие оттенки значений. При создании предложения говорящие выбирают структуры и компоненты для их заполнения из широкого спектра возможных вариантов. Каждый из сделанных ими выборов отражает их понимание реальности, а также социального мира, который они конструируют (Felton, 2015).

Для всех типов дискурса характерна определенная степень дуализма (Богинская, 2021; Крапивкина, 2018; Уэйнберг, 2017; Фелтон, 2015) В случае судебного дискурса дуализм представлен как минимум в двух плоскостях. Во-первых, это плоскость конструирования дискурсивного представления о событии, которое может не иметь ничего общего с реальностью. Во-вторых, говоря о функциях дискурса (Halliday, 1973, 2004), следует отметить, что в процессе использования языка говорящий создает два типа значений (Mathiessen, 1995): он передает собственное знание о реальности (понятийная/ смысловая функция дискурса) и одновременно конструирует социальный мир/ контекст

(межличностная функция дискурса) (Halliday & Hassan, 1989). При обмене мнениями о событии и обсуждении деталей события говорящий обозначают/ детерминируют свою роль в этом обсуждении, роль слушателя, тип отношений между ними, отношение к предмету обсуждения, соотносят его с непосредственным и более широким контекстом. Например, при осуществлении речевого акта просьбы адвокат не только направляет действия присяжных заседателей, он одновременно строит межличностные отношения с присяжными заседателями. Когда адвокат извиняется, он не только демонстрирует свое отношение к окружающим, он информирует их о собственных взглядах и своем психическом состоянии (Felton, 2015). Таким образом, можно сказать, что речевой акт извинения выполняет не только социальную\межличностную функцию, но и информативную.

Процесс создания нового представления о реальном событии может носить ненамеренный и намеренный характер. Особенностью институционального дискурса является намеренный характер изменения представлений о реальном событии. Чаще всего это связано с наличием конфликта интересов участников институционального дискурса. Институциональный дискурс – конфликтотенная среда. На стадии перекрестного допроса конфликт интересов приобретает экстремальный характер, что приводит к намеренному изменению картины реальных событий с учетом интересов стороны, излагающей данные события. Для присяжных версия событий, излагаемая участниками перекрестного допроса, является единственной репрезентацией реальных событий, на основе которой им предстоит вынести вердикт. Из этого следует, что участники намеренно создают новые дискурсивные конструкции, являющиеся в большей или меньшей степени, отражением реальных событий и учитывающие интересы сторон. В этой связи представляет интерес изучение лингвистических средств, используемых сторонами на стадии перекрестного допроса для достижения коммуникативных целей в ситуации конфликта интересов.

Объектом исследования являются средства персуазивного воздействия, хеджирования и вежливости, используемые сторонами при конструировании репрезентативной картины

события и социального мира на стадии перекрестного допроса в процессе «Д. Дж. Ирвинг против Penguin Books и Д. Липштадт» (Holocaust Denial – Royal Courts of Justice, Strand, London, 2000). Заявитель – Д. Дж. Ирвинг (D. J. Irving), ответчики – книжное издательство Penguin Books Limited и Д. Липштадт (D. Lipstadt). На стороне защиты выступает один из известнейших адвокатов Р. Рэмптон (Mr R. Rampton Q.C.), прославившийся успешным завершением целого ряда резонансных дел о клевете («McLibel», «Э. Нил (редактор The Sunday Times) против П. Уорстхорна», «Лорд Олдингтон против графа Н. Толстого» и «Дж. Тейлфорт против News of the World»). Он также успешно представлял интересы политика Дж. Гэллоуэя в суде против The Daily Telegraph). Судья – Mr Justice Gray.

Результаты и обсуждение

Персуазивным воздействием принято считать открытое намеренное изменение пост-коммуникативного поведения реципиента (Perloff, 2003; Grishechko, 2016) посредством изменения его установок по отношению к событию. Персуазивный тип воздействия включает два компонента: базовый, основанный на рациональных сценариях, и частный, апеллирующий к эмоциональным (доминантным – (Котов, 2003)) сценариям. В основе данного понимания персуазивности лежит классическая риторическая схема организации дискурса: логос, этос и пафос (Аристотель). В настоящем исследовании персуазивность рассматривается как средство фокусирования внимания реципиента на отдельных аспектах конструируемой реальности. Принципиальным отличием судебного дискурса от других типов институционального дискурса является реализация персуазивного воздействия через логосный компонент. Среди средств реализации следует отметить следующие:

-Использование большого объема фактологической информации и цитирования, например:

[Mr Irving] Rather lower down that same paragraph, we have a 45-wagon transport arriving from Woolf with 6,700 Jews, of whom 1,450 were already dead. That is about the same kind of proportion, is it not, 20 per cent?

[Mr Irving] Now we have, “The Jews were forced to undress who arrived on this transport”, and then comes a parenthesis that you

originally left out, “the piles of shoes were allegedly 25 metres high”. Is that from the Gerstein report?

-*Персуазивная интенсификация*, в частности: использование интенсифицирующего *do* и его форм, например:

[Mr Justice Gray] <...> but do you accept that Brack of the *kanzlei* did declare himself ready to aid in the construction of gassing apparatus?

[Mr Justice Gray] You do agree? – [Mr Irving] Yes.

Использование интенсификатора эпистемических модальных глаголов *may/might/could well*, например:

[Mr Irving] <...> For example, it could equally well be destroyed as vermin by being locked up for life.

Использование *of course*, а также *I suppose, yes, that is right* в постпозиции для утверждения собственных мыслей:

[Mr Irving] Right. With this document, of course, now I can see the document you are referring to <...>

[Mr Irving] I understand so. I think the order actually spoke of humane means, and you can interpret the word “humane” how you want if you are a Nazi, I suppose.

-*Лексическая интенсификация*, например:

[Mr Rampton] This is (1) merely a reference to using Dr Brack’s machinery to destroy, (2) literally speaking, vermin (речь идет об уничтожаемом в лагерях населении).

[Mr Irving] That is (2) quite plainly a reference to (4) liquidating the Jews, the second paragraph, yes.

[Mr Irving] They used (3) various different means (4) to dispose of the euthanasia victims.

[Mr Irving] <...> Well, nobody did that at that time. So, these proposals were ventilated by these (4) gangsters.

В качестве лексических интенсификаторов могут выступать наречия (1), наречные сочетания (2), сочетание *various different* (3), а также лексические единицы, семантика которых содержит коннотативный компонент (4). Коннотативный компонент — это «часть системного лексического значения слова, дополняющая его основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений» (Кузнецова, 1989, с. 183).

В судебном дискурсе наблюдаются сочетания интенсифицирующих средств, например, интенсифицирующего *do* (1) и лексических средств (2).

[Mr Irving] <...> I do (1) have a problem fitting it into the actual (2) framework you are trying to ascribe it to. And I am quite (2) familiar with the Tesch case because I did (1) take the trouble, before this action began, to read through the entire (2) transcripts of the war crimes trial against the Tesch company.

[Mr Justice Gray] In the meantime, (1) you have your answer that (2) “special mission” (3) probably (4) does refer to (2) extermination.

Последний пример интересен тем, что наглядно иллюстрирует отрицательное отношение судьи [Mr Justice Gray] к обсуждаемому событию (уничтожение еврейского населения в период II мировой войны). Пользуясь своим вышестоящим статусом, судья препятствует использованию ответчиком нейтрального термина (2) *special mission* вместо (2) *extermination*, передающего негативную коннотацию. Форма повелительного наклонения «местоимение *you* + глагол-сказуемое» (1) позволяет судье продемонстрировать свой вышестоящий статус, неодобрение и несогласие с позицией ответчика. Высказывание также содержит элементы персуазивной интенсификации – наречие *probably* (3), выражающее эпистемическую оценку (предположение высокой степени уверенности) и интенсифицирующее *does* (4).

-Синтаксический параллелизм (1) и *триплет* (2) – частотные синтаксические средств фокусирования внимания в судебном дискурсе:

[Mr Rampton] I know the documents that Browning is referring to and (1) some of them are in pencil, (1) some of them had gaps in <...>

[Mr Irving] (1) I do not think that is an adequate suggestion. (1) I do not think that the noise suggestion, if I can paraphrase it as that, holds water because <...>

[Mr Irving] <...> as a central fumigation plant for the huge masses of clothing, (2) army clothing, military clothing, refugee clothing – and vergasungsapparate and unterkunfte, and we have one intercept (3) which goes to this and (3) which, purely by coincidence, I actually handed to Mr Rampton this morning, the German intercept, (3) which actually deals with the provision of the Zyklon to Tesch for this purpose.

В (3) наблюдается сочетание синтаксического параллелизма и триплета.

-*Противопоставление, выраженное при помощи but:*

[Mr Irving] <...> I am just talking about theoretical possibilities, but I agree that there is a sinister connotation on this document.

[Mr Rampton] Can you tell me, I think Viktor Brack was, at any rate, one Dr Brack, sometimes German doctors are Dr Dr, but he is Dr Brack, is he not?

-*Клефтовые (1) и псевдо-клефтовые (2) структуры* (McCarthy 1994) используются всеми участниками процесса, включая судью, с целью создания выделенности определенных аспектов конструируемого события.

[Mr Irving] (1) It is just that I have extraneous knowledge, my Lord, about what was going on at Riga with Tesch.

[Mr Rampton] (1) It is not a matter of history I disagree with in broad terms, but the documentary basis is a bit suspect.

[Mr Irving] (2) All they are saying here is that they are going to be using Brack's means or methods, which could be any means.

В следующем примере наблюдается комбинирование использования псевдо-клефтовой структуры с повтором и перефразом. Все являются средствами персуазивного воздействия:

[Mr Justice Gray] (2) What is being put to you is that, where you have vernichtung in combination with a reference to vermin, there can be no two ways about it. (2) What is being talked about is extermination.

Далее наблюдается комбинированное использование средств персуазивного воздействия: (1) выражение прямого несогласия, (2) обращение, (3) you see (апелляция к согласию) и лексической интенсификации (4) и псевдо-клефтовой структуры (7).

[Mr Rampton] (1) No, (2) Mr Irving, (3) you see, that is only part of what you have maintained. What you have (4) consistently maintained, so far as I am aware, until (5) perhaps we got (6) some concession in this court yesterday, (7) what you have also maintained is Jews were not killed by the use of homicidal gas?

В части высказывания <...> *until perhaps we got some concession in this court yesterday* <...> судья Грэй использует хеджирующие *perhaps* и *some* для «разрушения» значения концепта «concession», что позволяет судье показать, с каким трудом было достигнуто согласие, если вообще было.

-Использование восклицательных структур

[Mr Irving] (1) What a waffly footnote, though, (2) is it not?

Следует отметить, что использование восклицательных структур (1) не стоит относить к персуазивной интенсификации. В контексте судебного заседания это в большей степени отражает эмоциональное состояние говорящего и свидетельствует о потере контроля над ситуацией. В данном случае восклицание сопровождается использованием аффективного инвариантного разделительного вопроса, функцией которого является апелляция к согласию.

-Использование страдательного залога с указанием деятеля действия при помощи by-фразы

[Mr Rampton] It is said by Professor Browning that Wetzel met also Adolf Eichmann, Heydrich's special adviser on Jewish policy.

Подобная структура фокусирует внимание реципиента на деятеле действия.

-Вопросительные структуры

На этапе перекрестного допроса вопрос выполняет несколько функций. Во-первых, это – элемент лингвистического принуждения (coercive, conducive, leading questions). Большинство вопросов, задаваемых свидетелям с целью «разрушения» их показаний и ослабления доверия к ним со стороны присяжных, содержат узкие формулировки законченных пропозиций, которые в значительной степени контролируют ход мыслей свидетеля, направляя их в нужное русло и влияют на ответ.

[Mr Justice Gray] What is being talked about is extermination. Do you not agree with that? – [Mr Irving] Yes.

[Mr Irving] Tauber described the cyanide being poured into the gas chamber of crematorium No. (ii) through holes in the roof. That is correct? – [Professor Van Pelt] Yes, that is correct.

[Mr Justice Gray] You do agree? (в данном случае также наблюдается использование интенсифицирующего *do*) – [Mr Irving] Yes.

Инвариантные формы «разделительных вопросов» функционируют в качестве средств конвенциональной вежливости при выражении просьбы, например:

[Mr Rampton]: Let us read paragraph 5, may we?

[Mr Rampton] No. Well, we will leave that, shall we?

[Mr Rampton] Mr Irving, if you have an application to make for further discovery, make it to his Lordship at the proper time, will you?

«Разделительный вопрос» с аффективной присоединенной частью классической структуры используется для ослабления степени потенциального вреда [Brown & Levinson 2014], который пропозиция главной части может нанести «лицу» собеседника, например:

[Mr Justice Gray] This is a bit second-hand, is it not?

Первые исследования *хеджирования* возникли в 1960-х годах (Zadeh, 1965; Weinreich, 1966), термин *hedge* был впервые использован Дж. Лакоффом, который указывал на способность хеджей делать концепты более размытыми или менее четкими (Lakoff, 1973). Несмотря на то, что Дж. Лакофф рассматривал хеджирование в широком смысле как усиление, так и ослабление пропозиционального содержания, в современной лингвистике хеджирование рассматривается в качестве компенсаторной коммуникативной тактики, целью которой является целенаправленное ослабление иллокутивной силы высказывания, что позволяет говорящему снять с себя ответственность за высказываемое суждение, создать неопределенность, двусмысленность, ослабить возможные неблагоприятные последствия речевого акта, смягчить пропозициональное содержание и избежать возможных рисков, возникающих в результате личного взаимодействия (Caffi, 2007). Б. Фрейзер (Fraser, 1975) пришел к заключению, что, несмотря на структурное многообразие хеджей, с точки зрения функций они могут быть поделены на два основных класса: модификаторы пропозиции, целью которых является смягчение пропозициональной составляющей высказывания, и модификаторы речевого акта, которые ориентированы на ослабление прагматического воздействия речевого акта в целом. В речи участников перекрестного допроса отмечено использование как пропозициональных хеджей (1), так и модификаторов речевого акта (2). К данным классам относятся разные структурные типы хеджей, использования полифункциональных хеджей в контексте судебного заседания отмечено не было. Среди наиболее частотных пропозициональных хеджей следует отметить *as it were*, например:

[Mr Rampton] The purpose of this cross-examination is not, my Lord, to, as it were, investigate the Defendants' efficiency or bona fides in the material that they have disclosed.

[Mr Rampton] That is Dr Longerich, (1) begging your pardon, and I am just about to show you something which I hope you will agree, (4) as it were, helps to found the stability of this proposition by Dr Longerich.

К средствам реализации тактики хеджирования также следует отнести:

-Использование эпистемических модальных глаголов, выражающих низкую степень уверенности, например:

[Mr Irving] (1) Well, we do not know exactly what shape this fumigation chamber took. They (2) may have taken over a Nissan hut and turned it into a gassing chamber with the appropriate sealants, and (3) so on, где *and so on* также следует относить к классу модификаторов пропозиции (создание неопределенности).

-Использование модификатора пропозиции kind of:

[Mr Irving] (1) Well, Nissan huts constructed. I just gave that as (2) a kind of ready translation.

Модификаторы речевого акта отличаются большим структурным многообразием. Среди них следует, прежде всего, отметить использование (1) *Well* в начале предложения и (2) глаголов, передающих мнение (reporting verbs):

[Mr Rampton] No. (1) Well, we will leave that, shall we? I do not (2) believe there can be any doubt about what extermination of vermin actually means.

[Mr Justice Gray] I (2) am not sure whether this is really covered by Mr Rampton's question, but do you accept that Brack of the kanzlei did declare himself ready to aid in the construction of gassing apparatus?

[Mr Rampton] This is, I think, a Nuremberg document, is it not? – [Mr Irving] Yes.

[Mr Rampton] On a limited scale. Yes, sorry. I will read you something. You will probably recognize it. I have not got a date for it, I am afraid.

-Использование структур, выражающих апелляцию ко мнению реципиента, как правило, вышестоящего (условных придаточных предложений (1), you see (2), инвариантного is that right? (3) с восходящей интонацией:

[Mr Rampton] That takes me back, (2) you see, to Wisliceny and to Bruns and to the suggestion I made some days ago, (1) if you remember, that the principal reason why, well, one of the two reasons why mass shootings <...>

[Mr Justice Gray] I think Mr Rampton puts it forward as evidence of the genesis of a policy of extermination by methods including gas, (3) is that right?

Использование структур, выражающих запрос о способности\ возможности совершать действие (с 1-м лицом):

[Mr Irving] I do not think that is an adequate suggestion. I do not think that the noise suggestion, if I can paraphrase it as that, holds water because <...>

[Mr Irving] That, I venture to suggest, if I may just interrupt you, is why the letter had a Geheim rating rather than the Top Secret rating.

[Mr Rampton] I am not trying to demean it in line 9; if I have understood it correctly, you will correct me if I am wrong in lines 34-35.

[Mr Irving] Perhaps we had better go through the document in detail.

В большинстве высказываний наблюдается комбинированное использование хеджирующих средств, как модификаторов речевого акта (1), так и пропозициональных (2).

[Mr Justice Gray] (1) If I am supposed to follow that, (1) I am afraid I am (2) simply not following a word of it. (2) It is no criticism of you, Mr Irving.

На рубеже 2000-х годов была сформулирована основополагающая теория *вежливости* П. Браун и С. Левинсона (Brown & Levinson, 1978, 1987). Появляется термин «практика взаимоотношений» (relational practice) (Fletcher, 1999; Holmes & Schnurr, 2005; Holmes & Stubbe, 2015), который рассматривается как «принцип работы, сочетающий эффективность, ряд навыков, позволяющих строить и поддерживать отношения с людьми, таких как эмпатия, взаимность, а также чувствительность к эмоциональному контексту (Fletcher, 1999, с. 84). Одна из поздних теорий вежливости Г. Спенсер-Оути (Spencer-Oatey, 2008) представляет собой попытку совместить положения существующих теорий (Brown & Levinson, 1978, 1987; Leech, 1983), включая теорию конверсационного контракта (conversational contract) Б. Фрейзера, который полагал, что собеседники, вступая в разговор, «осознают свои права и обязанности, что определяет их ожидания,

связанные с общением» (Fraser 1990, с. 232). Условия контракта зависят от контекста и могут изменяться в процессе коммуникации. Соответственно, вежливость, по мнению Г. Спенсер-Оути (Spencer-Oatey, 2008), предполагает понимание трех основополагающих принципов: (1) осознание «лица» (Goffman, 1967); (2) целей коммуникации и (3) соблюдение прав и обязанностей, требуемых социальным контекстом. Другой подход к вежливости – дискурсивный, связан с критикой традиционного взгляда на вежливость (Culpeper, 2011; Eelen, 2001; Haugh, 2007; Watts, 2003) и рассматривает вежливость как динамически изменяющийся конструкт, который предполагает не только выбор говорящим средств вежливости, но и уделяет внимание ее интерпретации слушателем в ходе коммуникации.

В контексте судебного заседания говорящие ограничиваются применением конвенциональных средств вежливости, таких как:

-*Призыв к совместному действию*, например:

[Mr Justice Gray] Let's not get bogged down.

[Mr Rampton] Let us read paragraph 5, may we?

[Mr Justice Gray] Shall we press on?

-*Апелляция к согласию*

[Mr Rampton] No. Well, we will leave that, shall we?

-*Использование конвенционального please*

[Mr Rampton] Could you then please turn, first of all – [Mr Irving] But I do emphasise once again <...>

-*Использование конвенциональной косвенной просьбы* [Лебедева 2018] в форме апелляции к способности\ возможности совершить действие (модальные *could* и *may*), например:

[Mr Irving] Could you tell me again what the reference number for the document is (*can* + Shift of Tenses, как средство повышения степени вежливости (Brown & Levinson 2014)).

[Mr Irving] They used trucks at this point. If we want to know what actually happened, may we please go to Professor Longerich's report, the second part, page 49?

и конвенциональной косвенной просьбы в форме апелляции к волеизъявлению реципиента, модальный *will*:

[Mr Irving] Now, will you please comment on that suggestion? (Апелляция к волеизъявлению слушателя в комбинации с конвенциональным *please*).

[Mr Rampton] Mr Irving, if you have an application to make for further discovery, make it to his Lordship at the proper time, will you?

-Использование *разделительного вопроса с аффективной присоединенной частью* для уменьшения высокого Rx (степень потенциального «вреда», который пропозиция главной части может нанести «лицу» собеседника (Brown & Levinson, 2014).

[Mr Justice Gray] This is a bit second-hand, is it not?

-Использование косвенной просьбы в форме сложноподчиненного предложения с придаточным нереального условия (сослагательное наклонение), например:

[Mr Justice Gray] If I had those separately, it would make life much easier.

В ходе судебного заседания адвокатам свойственно использовать так называемую «стратегию ложных друзей» (“a false friends’ strategy”) (Aldridge & Luchjenbroers 2007, с. 102) – намеренно демонстрировать высокую степень вежливости Wx (Brown & Levinson 2014) при обсуждении «чувствительных» тем для «разрушения» имиджа оппонента. Подобное использование вежливости создает когнитивный диссонанс, своего рода нарушение в ментальной картине события. Повышение степени вежливости при обращении к собеседнику в ходе обсуждения вопроса, обладающего высокой степенью негативного воздействия Rx создает эффект сарказма, например:

[Mr Rampton] You (1) would not describe a fumigation chamber as an “unterkunte”, (2) would you? (1) Использование модального глагола *would* (апелляция к волеизъявлению) (*will*+Shift of Tenses, как средства повышения степени вежливости [Brown & Levinson 2014]); (2) Использование структуры «разделительный вопрос» (*will*+Shift of Tenses).

В следующем примере в конфликт вступают привычные ментальные представления реципиента о ситуациях, где возможно использовать средства повышения степени вежливости *would it not be far more humane if you would*, с одной стороны, и пропозициональное содержание, передаваемое посредством *dispose of these people* и *by some rapidly working means* и обсуждаемое событие, с другой. Возникает когнитивный диссонанс, который интенсифицируется использованием лексической единицы *dispose of* с выраженным коннотативным компонентом:

[Mr Irving]: And I think that there is more than just a nuance between those two words; just the same as somebody in Posnan, I think it was Mr Hukner, in July 1941 wrote a letter to Eichmann saying, (1) would it not be far more humane if you would dispose of these people before the winter comes by some rapidly working means? Well, nobody did that at that time. So, these proposals were ventilated by these (2) gangsters.

-*Апелляция к способности совершить действие в форме условного предложения* – распространенное средство выражения вежливости и, следовательно, реализации межличностной функции дискурса. Следует отметить различие в использовании структуры вышестоящим (судья) *if they can* и нижестоящими (защита и ответчики) *if they may*. Как известно, *may* – форма более формальная, чем *can* в динамических значениях, в данном случае общая способность\ ситуативная способность совершать действие. Судья намеренно отказывается от использования формальных языковых средств для конструирования имиджа равного собеседника и сближения дистанции, тем самым демонстрируя свое одобрение позиции защиты, например:

[Mr Justice Gray] Let us cut this short. Would the Defendants, if they can, unearth this document?

Для любого дискурса характерна определенная доля конфликтогенности, которая является результатом различий между картиной реального события и его дискурсивной репрезентацией. В случае судебного дискурса степень конфликтогенности возрастает ввиду конфликта интересов. В контексте судебного заседания реальное событие, а также степень правдивости воссоздаваемой картины события перестают иметь значение, единственное, что имеет значение – это дискурсивная репрезентация события (Felton, 2015), следствием чего является высокая степень маркированности дискурса и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях (Bolinger, 1980).

Высокая плотность использования средств персуазивности, хеджирования и вежливости, а также их комбинаций подтверждает утверждение о высокой лингвистической маркированности судебного дискурса, например:

[Mr Rampton]: I (1) will not read the first paragraph, (2) but I will read the second since we have not done that: The sense of that is, (3) surely, this, (4) is it not, (5) Mr Irving — you can (3) surely accept this

– that the intention was – (5) what happened in the event is another matter – (6) as expressed by Wetzel in Berlin in the Ostland Ministry in Berlin, (7) to bring train loads of Jews from the Altreich to Riga and (7) to send some of them that were fit for work to the East and (7) to gas the rest?

(1) Прямой отказ совершить действие (going bald-on-record [Brown & Levinson 2014];

(2) Противопоставление в сочетании с синтаксическим параллелизмом;

(3) Лексическая интенсификация (эпистемическое *surely*);

(4) «Принуждающий» разделительный вопрос (с нисходящей интонацией), фокусирующий внимание реципиента на возможном варианте ответа.

(5) Псевдо-клефтовая структура;

(6) Ссылка на авторитет;

(7) Триплет.

[Mr Irving] (1) Clearly, (2) a lot of the men did not like doing it, (3) but (2) a lot of the men (4) did like doing it.

(1) Лексическая интенсификация;

(2) Синтаксический параллелизм;

(3) Противопоставление;

(4) Интенсифицирующее *did*.

Все используемые средства можно отнести к средствам персуазивного воздействия, в ходе которого осуществляется фокусирование внимания на определенных аспектах реальности с целью оказания влияния на пост-коммуникативное поведение реципиента\ реципиентов.

Рассмотрим сегменты дискурса (а) и (б):

(a) [Mr Irving] (1) Can I make a general comment about the unsatisfactory nature of this kind of evidence? – [Mr Justice Gray] (2) Yes, but (1) can you answer the question first? [Mr Irving] (3) No, I do not, not on the basis just of this one extract (4) without knowing what the German document said, (4) without seeing the classifications on it, (4) without knowing the original wording. (5) Why are we being presented with somebody else's book as a source, (6) just (7) being given extracts from it in English?

(1) Отказ от соответствующего контексту конвенционального *could* (*can* + Shift of Tenses) и, как следствие, сближение дистанции свидетельствуют о потере контроля над ситуацией;

(2) В ответе судья Грэй использует противопоставление и синтаксический параллелизм для фокусирования внимания на ошибке, совершенной Ирвингом.

(3) Следует прямой отказ *No, I do not (going bald-on-record* [Brown & Levinson 2014].

(4) Для усиления своей позиции и возвращения контроля над ситуацией Ирвинг использует триплет в сочетании с синтаксическим параллелизмом.

(5) Риторический вопрос;

(6) Лексический интенсификатор-минимизатор *just* сужает пределы рассматриваемого значения, тем самым фокусирует внимание на том, что будет сказано далее;

(7) Перефраз + синтаксический параллелизм. Перефраз, как правило, позволяет дважды фокусировать внимание на одной и той же пропозиции, что также создает эффект интенсификации.

Заслуживает внимания то, как меняется дискурс судьи при обращении к защите (б).

(б) [Mr Justice Gray] (1) Mr Rampton, (2) I wonder if I (3) could ask you for (4) a bit of help on (5) really a logistical problem? Some of the source material that the experts rely on is (6) fairly inaccessible. (2) I was wondering if your team (3) could provide me with copies of, (4) I think, (4) just three documents, report No. 51, (5) that report from the Einsatzgruppen A, (5) you know the one I mean, (5) giving the partisans and the Jews killed?

(1) Обращение;

(2) Использование конвенциональных форм вежливости *I wonder if I could, I was wondering if your team could*, где

(3) *Could* представляет собой запрос о способности\возможности совершать действие + Shift of tenses, как средства повышения степени вежливости (Wx).

(4) Хеджирование, выраженное лексическими минимизаторами пропозиции *a bit of, just* и глаголом, выражающим мнение, *I think*.

(5) Триплет-разъяснение.

Данные различия в расстановке акцентов позволяют судье конструировать дискурс, где четко обозначено его отношение к обсуждаемому событию и сторонам обвинения (а) и защиты (б).

Выводы

Дискурсивное представление реальных событий не является объективным. Дискурс перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, который опосредован личными установками того, кто представляет информацию по делу в зале судебного заседания, его отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. Подобное понимание дискурса позволяет осознать, что каждый отдельный случай использования языка не существует изолированно, он является частью более широкой модели обсуждения определенной темы или определенного числа смежных тем. В процессе конструирования дискурса не только создается новое событие, которое может не иметь ничего общего с реальностью, этому событию говорящим может придаваться определенный смысл посредством лингвистических маркеров. Ввиду высокой конфликтности для дискурса, конструируемого в зале судебного заседания, характерны высокая степень маркированности и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях, включая лексический и синтаксический. Маркеры персуазивности, хеджирования и вежливости играют ключевую роль в конструировании дискурса на этапе перекрестного допроса в зале судебного заседания.

Литература

1. Крапивкина О. А. О дуализме судебных дискурсивных практик // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 90–98.
2. Котов А. А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Доклады Международной конференции «Диалог 2003». – М.: Наука, 2003. – С. 299–304.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филологических факультетов университетов / М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
4. Лебедева И. С. Социолингвистические аспекты просьбы // Вопросы прикладной лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 17–30.

5. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник томского государственного университета. Филология. – 2019. – №. 58. – С. 52-70.
6. Aldridge, M., Luchjenbroers J. Linguistic Manipulations in Legal Discourse: Framing Questions and ‘Smuggling’ Information // International Journal of Speech Language and the Law. – N 1. – 2007. – Pp. 85-107.
7. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford at the Clarendon Press, 1962. – 167 p.
8. Bauman, R., and Briggs, C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life // Annual Review of Anthropology. – N 19. – 1990. – Pp. 59–88.
9. Boginskaya O. A. Duality of the Closing Arguments’ Narrative // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 1-10.
10. Bolinger D. Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. – Longman, 1980. – 214 p.
11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. – Cambridge: Cambridge University press, 1978, 1987, 2014. – 345 p.
12. Caffi C. Mitigation. Studies in Pragmatics 4. – London: Elsevier, 2007. – 360 p.
13. Culpeper J. Politeness and Impoliteness // Pragmatics of Society. Handbooks of Pragmatics (Vol. 5) / G. Andersen, K. Aijmer, (Eds). – 2011. – Berlin: Mouton de Gruyter. – Pp. 391–436 p.
14. Eelen G. A Critique of Politeness Theories. – Manchester & Northampton: St. Jerome, 2001. – 299 p.
15. Felton Rosulek, L. Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 248 p.
16. Fletche J. K. Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. – 166 p.
17. Fowler R., Hodge B., Kress G., and Trew T. Language and Control. Taylor & Francis, 2018. – 232 p.
18. Fraser B. Hedged Performatives // P. Cole, J. Morgan / Syntax and Semantics III: Speech Acts. – 1975. – New York: Academic Press. – Pp. 187-231.

19. Fraser B. Perspectives on Politeness // Journal of Pragmatics. – N 14. – 1990. – Pp. 219–236.
20. Goffman E. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. – Chicago: Aldine, 1967. – 270 p.
21. Grischechko O. S. English language purism: History, development, criticism / O. S. Grischechko, A. S. Akopova, E. G. Grischechko // Proceedings of Southern Federal University, Philology. – 2016. – № 4. – P. 185-192. EDN: [VBUFXJ](#)
22. Halliday M. A. K. Explorations in the Functions of Language. – London: Arnold Publishers, 1973. – 140 p.
23. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – Baltimore, MD: Edward Arnold, 2004. – 700 p.
24. Halliday M. A. K., Hassan R. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 126 p.
25. Haugh M. The Discursive Challenge to Politeness Research: An interactional alternative // Journal of Politeness Research. – N 3. – 2007. – Pp. 295–317.
26. Holmes J., Schnurr S. Politeness, Humour and Gender in the Workplace: Negotiating Norms and Identifying Contestation // Journal of Politeness Research. – N 1. – 2005. – Pp. 121–149 p.
27. Holmes J., Stubbe M. Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. – Abingdon: Routledge, 2015. – 200 p.
28. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. – N 2(4). – 1973. – Pp. 458-508 p.
29. Lambert W. E., Frankel H., Tucker G. R. Judging Personality through Speech: A French-Canadian example // Journal of Communication. – N16. – 1966. – Pp. 305–321.
30. Langacker R. W. Foundation of Cognitive Grammar. / Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
31. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford University Press, Inc., 2008. – 562 p.
32. Leech G. Principles of Pragmatics. – L.: Longman, 1983. – 256 p.
33. Matthiessen C. Theme as an Enabling Resource in Ideational “Knowledge” Construction // Thematic Development in English

- Texts / M. Ghadessy (Ed.). – 1995. London: Pinter Publishers. – Pp. 20–54.
34. McCarthy M. Discourse Analysis for Language Teachers. – Cambridge University Press, 1994. – 213 p.
 35. Perloff M. The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003. – 392 p.
 36. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
 37. Sinclair J. M., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse // Advances in Spoken Discourse Analysis / M. Coulthard (Ed.). London and New York: Routledge, 1992. – Pp. 50–78 p.
 38. Spencer-Oatey H. Face, (Im)politeness and Rapport. Culturally speaking: Culture, Communication and Politeness Theory / H. Spencer-Oatey. L. (Ed.). – 2008. – N.Y.: Continuum. – Pp. 11–47.
 39. van Dijk T. A. Discourse Analysis as Ideology Analysis // Language and Peace / C. Schäffner and A. Wenden (Eds.). – Aldershot, UK: Dartmouth Publishing, 1995. Pp. 17–33.
 40. van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
 41. van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. – London: Routledge, 2005. – 301 p.
 42. Watts R. Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.
 43. Weinberg M. The Politics of Ethics in Human Services: Dueling Discourses Merlinda Weinberg // Ethics & Behavior [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10508422.2017.1389280> (дата обращения: 31.10.2017).
 44. Weinreich U. On the Semantic Structure of English // Universals of Language / J. H. Greenberg (Ed.). – 1966. – Cambridge: Mass. MIT Press. – Pp. 142–217 p.
 45. Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and Control. – N 8. 1965. – Pp. 338-353.

References

- Aldridge, M., & Luchjenbroers, J. (2007). Linguistic Manipulations in Legal Discourse: Framing Questions and 'Smuggling' Information. *International Journal of Speech Language and the Law*, 1, 85-107.
- Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford at the Clarendon Press.
- Bauman, R., & Briggs, C. L. (1990). Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life. *Annual Review of Anthropology*, 19, 59–88.
- Boginskaya, O.A. (2021). Duality of the Closing Arguments' Narrative. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2 (41), 1-10.
- Bolinger, D. (1980). *Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today*. Longman.
- Brown, P., & Levinson, S. (2014) *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University press.
- Caffi, C. (2007). *Mitigation. Studies in Pragmatics 4*. London: Elsevier.
- Culpeper, J. (2011). Politeness and Impoliteness. In G. Andersen, K. Aijmer, (Eds), *Pragmatics of Society. Handbooks of Pragmatics*, 5, 391–436.
- Eelen, G. (2001). *A Critique of Politeness Theories*. Manchester & Northampton: St. Jerome.
- Felton Rosulek, L. (2015). *Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments*. Oxford: Oxford University Press.
- Fletcher, J. K. (1999). *Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., & Trew, T. (2018). *Language and Control*. Taylor & Francis.
- Fraser, B. (1975). Hedged Performatives. In P. Cole, J. Morgan, (Eds.) *Syntax and Semantics III: Speech Acts* (pp. 187-231). New York: Academic Press.
- Fraser, B. (1990). Perspectives on Politeness. *Journal of Pragmatics*, 14, 219–236.
- Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. Chicago: Aldine.
- Grishechko, O. S., Akopova, A. S., & Grishechko, E. G. (2016). English language purism: History, development, criticism. *Proceedings of Southern Federal University, Philology*, 4, 185-192.
EDN: VBUFXJ

- Halliday, M. A. K. (1973). *Explorations in the Functions of Language*. London: Arnold Publishers.
- Halliday, M. A. K. (2004). *An Introduction to Functional Grammar*. Baltimore, MD: Edward Arnold.
- Halliday, M. A. K., & Hassan, R. (1989). *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Haugh, M. (2007). The Discursive Challenge to Politeness Research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 3, 295–317.
- Holmes, J., & Schnurr, S. (2005). Politeness, Humour and Gender in the Workplace: Negotiating Norms and Identifying Contestation. *Journal of Politeness Research*, 1, 121–149.
- Holmes, J., & Stubbe, M. (2015). *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*. Abingdon: Routledge.
- Kotov, A.A. (2023). Opisanie rechevogo vozdejstviya v lingvisticheskoj modeli [Description of speech influence in the linguistic model]. // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Doklady Mezhdunarodnoj. konferencii «Dialog 2003»* (pp. 299–304). Moscow: Nauka. (in Russian).
- Krapivkina, O. A. (2018). O dualizme sudebnyh diskursivnyh praktik [The dualism of discursal discursive practices]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 4, 90–98. (in Russian).
- Kuznetsova, E. V. (1989). *Leksikologiya russkogo yazika: Ucheb. posobie dlya filologicheskikh fakultetov universitetov* [Lexicology of the Russian language: A textbook for philological faculties at universities]. Moscow: Visshaya shkola. (in Russian).
- Lakoff, G. (1973). Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2(4), 458–508.
- Lambert, W. E., Frankel, H., & Tucker, G. R. (1966). Judging Personality through Speech: A French-Canadian example. *Journal of Communication*, 16, 305–321.
- Langacker, R. W. (1987). *Foundation of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press, Inc.

- Lebedeva, I. S. (2018). Sotsiolingvisticheskie aspekti prosbi [Sociolinguistic aspects of request]. *Voprosi prikladnoi lingvistiki*, 1 (29), 17–30. (in Russian).
- Leech, G. (1983). *Principles of Pragmatics*. L.: Longman.
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity // *Bulletin of Tomsk State University*, 58, 52-70.
- Matthiessen, C. (1995). *Theme as an Enabling Resource in Ideational “Knowledge” Construction*. In M. Ghadessy (Ed.), *Thematic Development in English Texts* (pp. 20–54). London: Pinter Publishers.
- McCarthy, M. (1994). *Discourse Analysis for Language Teachers*. Cambridge University Press.
- Perloff, M. (2003). *The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
- Searle, J. (1969). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sinclair, J. M., & Coulthard, M. (1992). Towards an Analysis of Discourse. In M. Coulthard (Ed.), *Advances in Spoken Discourse Analysis* (pp. 50–78). London and New York: Routledge.
- Spencer-Oatey, H. (2008). Face, (Im)politeness and Rapport. In H. Spencer-Oatey. L. (Ed.), *Culturally speaking: Culture, Communication and Politeness Theory* (pp. 11–47). N.Y.: Continuum.
- van Dijk, T. A. (1995). Discourse Analysis as Ideology Analysis. In C. Schäffner and A. Wenden (Eds.), *Language and Peace* (pp. 11–47). Aldershot, UK: Dartmouth Publishing.
- van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press.
- van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. London: Routledge.
- Watts, R. (2003). *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weinberg, M. (2018). The Politics of Ethics in Human Services: Dueling Discourses Merlinda Weinberg. *Ethics & Behavior*, 28 (6), 497-509. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1080/10508422.2017.1389280>

- Weinreich, U. (1966). On the Semantic Structure of English. In J. H. Greenberg (Ed.), *Universals of Language* (pp. 142–217). Cambridge: Mass. MIT Press.
- Zadeh, L. A. (1965). Fuzzy sets. *Information and Control*, 8, 338-353.

УДК 81-114.2

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.04>

Тихомиров Д. П.

Государственный университет просвещения,

Ахренова Н.А.⁴

Государственный университет просвещения

МАРКЕРЫ АГРЕССИИ ПРИ КОММУНИКАЦИИ В КИБЕРСПОРТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Виртуальное пространство занимает важную роль в современном мире. Практически в каждой сфере задействованы способы сохранения данных в облачных хранилищах, во вспомогательных и виртуальных пространствах. Большинство онлайн- игр работают на выделенных серверах, позволяющих осуществлять игровые сессии и вести игровую или постигровую коммуникацию. Изучение чатов даёт доступ к огромному количеству языковых, зафиксированных единиц. Нередким феноменом данного общения является проявление пассивной и/или активной вербальной агрессии ввиду недовольства результатом, действиями или оценки другими игроками. В данной статье рассматриваются основные маркеры и речевые тактики агрессии в комментариях в киберспортивной среде.

Целью данной работы является изучение способов выражения агрессии в онлайн-чатах, а также их классификация в зависимости от контекста и повода.

⁴ © Тихомиров Д.П., Ахренова Н.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Материалом для исследования послужили комментарии в игровых чатах, взятые со стримов и персональных игровых сессий разных соревновательных жанров (хоррор, выживание, королевская битва, командные бои, стратегии, тактические игры).

Методы исследования: наблюдение, анализ, классификация, описание

Практическая значимость заключается в том, что исследование в данной области позволяет детально рассмотреть феномен агрессивного речевого поведения в коммуникации в киберпространстве на примере игр разных жанров (выживание, хоррор, королевская битва, командные бои) и послужить материалом для дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: киберпространство, онлайн-игры, коммуникация, агрессия, речевые тактики, комментарии, игровой чат, речевая агрессия, буллинг, виртуальное пространство

UDC 81-114.2

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.04>

Tikhomirov D. P.

State University of Education,

Akhrenova N.A.

State University of Education

MARKERS OF AGGRESSION IN COMMUNICATION IN THE ESPORTS SPACE

Abstract. Virtual space plays an important role in the modern world. In almost every field, there are ways to save data in cloud storage, in auxiliary and virtual spaces. Most online games run on dedicated servers that allow for gaming sessions and in-game or post-game communication. The study of chats gives access to a huge number of linguistic, fixed units. A frequent phenomenon of this communication is the manifestation of passive and/or active verbal aggression due to dissatisfaction with the result, actions or evaluation by other players. This article discusses the main markers and verbal tactics of aggression in comments in the esports environment.

The purpose of this work is to study the ways of expressing aggression in online chats, as well as their classification depending on the context and occasion.

The material for the study was comments in game chats taken from streams and personal gaming sessions of various competitive genres (horror, survival, battle royale, team battles, strategies, tactical games).

Research methods: observation, analysis, classification, description

The practical significance lies in the fact that research in this area allows us to consider in detail the phenomenon of aggressive speech behavior in communication in cyberspace using the example of games of different genres (survival, horror, battle royale, team battles) and serve as material for further research in this direction.

Keywords: cyberspace, online games, communication, aggression, speech tactics, comments, game chat, speech aggression, bullying, virtual space

Введение

В современном игровом пространстве коммуникация, как способ взаимодействия, оценки и анализа актуальна и высокофункциональна. Современное комьюнити (сообщества, связанные участием и/или интересом к игре) имеет широкий функционал выражения, позволяя геймерам выразить весь спектр эмоций. Практически на всех игровых платформах существует цензура комментариев, защищающая игровое сообщество от открытых оскорблений, кибербуллинга (оскорбления, угрозы, грубые высказывания в лексическом плане; использование функции Caps Lock и акцент на пунктуации на стилистическом уровне; повторы и эмфаза и повторение определенных моменты – синтаксически) выражения, нетолерантности и т.д. Именно поэтому игроки для выражения эмоций вынуждены изыскивать нестандартные средства выражения негативных эмоций, а также для манифестации своего агрессивного поведения по отношению к партнерам и соперникам.

Актуальность тематики данной статьи обусловлена полифункциональностью, популярностью и разнообразием компьютерных игр в современном мире. Сегодня пользователь персонального компьютера имеет возможность выбрать игры любого жанра. По статистике большинство игроков, включая

профессиональных геймеров и стримеров, делают выбор в пользу онлайн-игр из-за активного комьюнити, где есть возможность обратной связи, более живого процесса игры и соревновательного режима, что создает иллюзию межличностного взаимодействия, подобного тому, которое осуществляется в реальной жизни. В отсутствие физического контакта, подобное взаимодействие становится возможным исключительно благодаря языку.

Благодаря динамичному развитию компьютерной технологий люди столкнулись с понятием киберреволюции и появлением необходимости обязательной киберсоциализации (Айсина, Нестерова, 2019, с. 42-57) не только детей и подростков, но и людей более взрослого возраста. Под киберсоциализацией принято понимать процесс становления личности в киберпространстве, а также рассматривать факторы, которые влияют на его поведения, действия и реакции (Мудрик, 2011, с. 327-339).

Современные компьютерные игры выполняют множество ролей. Одной из дополнительных функций выступает эмоциональная разрядка и/или снятие стресса. Игры, давая длительную интеллектуальную нагрузку, активируют парасимпатическую связь вегетативной нервной системы, нейтрализующей адреналин и другие гормоны «стресса». Это выступает отличным способом расслабления (Милевски, 2024).

Однако онлайн-игры по типу командных битв, королевской битвы ((с английского battle royale) — тип онлайн-игр, в котором большое количество игроков сталкиваются на одной территории с небольшим количеством ресурсов. Игра заканчивается тогда, когда на арене остаётся только один выживший. При этом зона постоянно сужается, вынуждая участников расправляться друг с другом.) и шутеры работают совсем иначе. Снятие стресса в играх такого жанра реализуется за счёт «лечения гневом», где игроки сталкиваются с активными, порой агрессивными или давящими факторами, находясь в состоянии постоянного напряжения. Такие условия направлены на резкий выплеск эмоций в момент психологического накала (Милевски, 2024).

Теоретической базой данного исследования послужили работы С. Шахин (2021), Р.М. Айсиной (2019), А.А. Нестеровой (2019), М.С. Алексеева (2019), М.В. Кибанина (2020), М.М. Крюковой (2020), А. Г. Фомина, Н.С. Якимовой и других.

Практической базой исследования послужили комментарии, текстовые диалоги и сообщения голосового чата во время матчей и в послеигровых чатах на примере следующих игр: Dead by Daylight (хоррор/выживание), Dota 2 (многопользовательская командная компьютерная игра в жанре МОВА(жанр компьютерных игр, сочетающий в себе стратегию в реальном времени и компьютерных ролевых игр)), Counter-Strike и Counter – Strike 2 (многопользовательская компьютерная игра в жанре шутера), PUBG (королевская битва). Выбор данных игр обусловлен несколькими факторами:

1. По этим играм проводились и проводятся локальные, региональные и/или международные турниры.

2. Данные игры являются соревновательными, где игрок или команда противостоят таким же игрокам, что создаёт накал и напряжение на всех этапах игры, которые требуют выхода и «разрядки».

3. В данных играх процесс коммуникации осуществляется либо за счёт голосового чата (встроенного или с помощью сторонних программ), которые не могут отслеживаться и контролироваться, либо не штрафуются жесткими мерами со стороны разработчиков в текстовых чатах.

Киберпространство как способ коммуникации в современном мире

По мнению М. Маклюэна, современная электрическая эпоха схожа с «с человеческой центральной системой», широко распространившейся по всему миру. Киберпространство и игровые платформы позволяют объединить игроков по всему миру и выстроить коммуникацию (Плахтий, 2017, с. 204-207).

Уильям Форд Гибсон, писатель-фантаст, одним из первых ввёл понятие киберпространства. В его формулировке киберпространство может быть приравнено к электронному носителю, дающее доступ к глобальной компьютерной сети, предоставляя при этом возможность онлайн общения.

Мануэль Кастельс в своей книге «Галактика Интернет» отмечает, что самоуправляемая на основе личного выбора сетевая (онлайновая и оффлайновая) коммуникация является развивающейся формой социального взаимодействия в информационную эпоху. Использование Интернета исключительно

для онлайн-чатов и ролевых игр весьма ограничено, прежде всего кругом тинейджеров и молодых пользователей. Интернет имеет отношение к реальной жизни людей. В нашем обществе формируют реальность и физический, и виртуальный миры. Идеи М. Кастельса подробно разобраны в работе М.В. Кибакина и М.М. Крюковой (Кибакин, Крюкова, 2020, С. 4-11).

Одним из главных преимуществ киберпространства является так называемая несводимость к границам физического пространства. На киберпространство не действуют правила деления территорий мира реального. Данная особенность позволяет устанавливать контакт, игнорируя множество барьеров, при этом открывая огромное количество вариантов для коммуникации.

С. Шахин в своих работах разделяет идеи А. Е. Войкунского о понятии киберпространства как источника хранения неограниченного количества информации и развлечений, предоставляющий бесконечный набор способов самовыражения (Shahin, 2021).

Большинство исследователей в данной области едины во мнении, что киберпространство — это не только источник получения информации, но и способ коммуникации для пользователей, позволяющий миновать территориальные, порой языковые барьеры (Малюга, 2019). Данная область взаимодействия позволяет также игнорировать такие черты языковой личности, как пол, возраст, национальность. Однако полностью игнорировать эти факторы не получается, т.к. они являются ведущими для каждой личности, определяя ее менталитет, коммуникативные и когнитивные способности и т.д. Такая раскрепощенность позволяет пользователям быть более свободными в выражении, в комментариях, в оценке действий других, поскольку нередко снимает ограничения, с которыми языковая личность может столкнуться в реальном мире. Данная «свобода» позволяет быть более открытыми и не скованными, позволяя выразить весь спектр эмоций. В данной статье рассматривается, как свобода и относительная анонимность в киберпространстве позволяет людям выражать негативные эмоции по типу ярости и агрессии, прибегая к особым единицам языка и речи — эмотивам. Эмотив — это один из видов аргумента, направленный на вызов эмоционального отклика у аудитории, а не на предоставление объективных данных или

логических рассуждений. В контексте киберспорта эмотивы часто используются для мотивации или демотивации игроков, а также для поддержки команды или дезинформации оппонентов. Связь эмотива с агрессией в дискурсе киберспорта может быть раскрыта через использование эмоционально окрашенных высказываний или приписываний качеств соперникам или союзникам. Например, игроки могут усиливать свою агрессию и сосредоточенность, комментируя действия противника в ярко выраженных эмоциональных категориях. Данные условия позволяют людям выражать свои эмоции без ограничений и дают доступ к изучению лексических единиц, не ограниченных нормами поведения, с которыми люди сталкиваются в большинстве ситуаций в реальном пространстве. Сталкиваясь с подобными реакциями, игроки, пользователи виртуального пространства, имеют, как правило, только несколько способов выражения, где самым быстрым и удобным является либо речевая агрессия, либо текстовые сообщения другим пользователям. Это позволяет рассматривать выражений эмоций и состояний человека в такие моменты с помощью лексических единиц языка, к которым он прибегает. Такой подход позволяет изучать психологические механизмы с помощью семантики слов, их смысловой структуры и их комбинации. Примером для изучения маркеров агрессии и её открытого выражения выступают игровые и послеигровые сообщения в чатах онлайн-игр.

Результаты: маркеры агрессии в онлайн-играх

Принимая участие в онлайн играх, пользователи сталкиваются с рядом трудностей в ходе игровых сессий. К ним можно отнести:

1. Необходимость тактического и стратегического мышления на протяжении всей игровой сессии;
2. Токсичное/ оскорбительное поведение вражеской команды или игрока;
3. Оскорбительное/ токсичное поведение союзников;
4. Намеренная порча игры одной из сторон остальным/ вредительство (сговор со стороной противника, намеренное создание помех игрокам или выход из игры, использование механик игры против союзников, троллинг (форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в

большой узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации (Алексеев, 2019).

5. Применение эксплойтов или сторонних программ (Эксплойты — это подвид вредоносных программ. Они содержат данные или исполняемый код, способный воспользоваться одной или несколькими уязвимостями в программном обеспечении на локальном или удаленном компьютере (Шабалин, 2024). В игровой индустрии под эксплойтами понимаются сторонние программы или код, дающие незапланированные разработчиками преимущества, либо снимающие внутриигровые ограничения (GameXP, 2019). Такие программы позволяют не только выигрывать их пользователю, но нередко и портят игру остальным).

6. Оскорбления и пассивная/активная агрессия от других игроков во время/ после игры.

Эти и многие другие параметры не только портят главную цель игр (развлечение), но и приводят либо к ответной агрессии/ либо к кибербуллингу (прим. кибербуллинг - травля с использованием цифровых технологий).

По мнению О.Е. Фроловой, маркеры вербальной агрессии можно рассматривать с точки зрения речевых стратегий. Данные речевые стратегии – это «общий план или «вектор» речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим или же пишущим поэтапных речевых действий». Как отмечает автор, выбор стратегии речевого поведения определяется с осознанием условий конкретной коммуникативной ситуации (Фролова, 2021, с. 45-60).

Специалистами в области психологии, психолингвистики, социолингвистики и лингвопрагматики принято выделять следующие тактики агрессивного речевого поведения:

- тактика возмущения (Речевая тактика возмущения включает в себя использование аргументов и высказываний, способных вызвать эмоциональное возмущение у аудитории. Целью такой тактики часто является вызов симпатии или поддержки за счет акцентирования на недопустимости определенных событий или нарушений);
- тактика упрёка (Речевая тактика колкости подразумевает использование остроумных или язвительных высказываний с

целью вызвать смех, иронию или вызвать интерес у аудитории. Эта тактика часто применяется в саркастических диалогах или при подаче информации с элементами шуток. Ключевым моментом при использовании такой тактики является умение подобрать точное слово или фразу, которые могут вызвать улыбку или смех);

- тактика оскорбления (Речевая тактика оскорбления — это способность использовать слова и выражения с целью нанесения вреда или оскорбления другому человеку. В основе оскорблений могут лежать различные мотивы, такие как злость, недовольство, страх, зависть или просто желание унижить другого человека. Тактика оскорбления может проявляться через различные формы выражения: от прямых оскорблений до косвенных и содержащих двусмысленные намёки. Часто оскорбления могут быть упакованы в виде сарказма, иронии или цинизма, что делает их более тонкими и сложными для выявления.);

- тактика угрозы (Речевая тактика угрозы — это способ использования слов и выражений с целью запугивания или возможного причинения вреда другому человеку или оказания на него негативного воздействия. Угроза может быть выражена явно, агрессивно и прямо, либо в форме косвенных намёков. Угрозы могут использоваться как средство давления, контроля или манипуляции над другими людьми. Часто они могут включать в себя намёки на возможное насилие, физическое или моральное воздействие, либо на неприятные последствия для адресата угрозы);

- тактика насмешки (Речевая тактика насмешки заключается в использовании слов и выражений с целью издевательства, насмешки или иронии по отношению к другому человеку. Насмешки могут быть прямыми и открытыми, либо скрытыми и пронизывающими сквозь слои сарказма или цинизма. Эта тактика часто применяется в ситуациях конфликта, когда человек хочет продемонстрировать свою высокомерность или превосходство над другими. Но также она может использоваться как форма самозащиты или реакция на неприятные ситуации);

- тактика колкости (Речевая тактика колкости представляет собой использование слов и выражений с целью вызвать негативные эмоции у другого человека, вызвать его раздражение, унижение или недовольствие. Колкие высказывания могут быть

остроумными, саркастическими или язвительными, направленными на недостатки или слабые стороны собеседника. Часто такая тактика применяется для демонстрации высокой сообразительности, остроумия или для достижения доминантного положения в общении. Однако использование колкостей может привести к нарушению отношений, вызвать конфликты и негативное восприятие со стороны окружающих);

- тактика прерывания контакта (Речевая тактика прерывания контакта предполагает использование способов и приемов, которые прекращают или ослабляют коммуникацию с собеседником. Это может включать в себя внезапное завершение разговора, игнорирование собеседника, отвлечение внимания, переключение на другие темы и т.д.

Этот вид тактики может использоваться в разных целях: от избегания неприятной темы разговора или конфликтной ситуации до демонстрации нежелания или недовольства в отношении собеседника);

- тактика констатации некомпетентности (Речевая тактика констатации некомпетентности — это способ обнаружить или указать на недостаточное знание или опыт оппонента во время общения. Эта тактика может использоваться в различных ситуациях, например, при дебатах, обсуждениях профессиональных вопросов или принятии решений. Одним из способов констатации некомпетентности является задание вопросов, на которые человек не может ответить из-за отсутствия необходимых знаний. Также можно обратить внимание на непоследовательность или недостаточность аргументации оппонента, а также на неправильное использование терминов или понятий.);

- тактика злопожелания/ отсыла (Речевая тактика злопожелания/посыла— это метод воздействия через скрытые намеки, подразумеваемые смыслы или образные выражения, целью которых является передача определенного сообщения, не явно выраженного словами. "Посыл" может быть использован для передачи критики, сарказма, иронии или других эмоциональных оттенков собеседнику) (Фомин, Якимова, 2012).

Для рассмотрения маркеров агрессии при комментировании в киберспортивном пространстве будут рассмотрены игровые

комментарии игроков и подобрана реализуемая тактика речевого поведения. Практическим материалом послужат комментарии, взятые с турниров и со стримов русскоговорящих и зарубежных контент - мейкеров.

Тактика возмущения. Возмущение – это негодование, возникающее в ответ на несправедливость. Оно сопровождается моральным негодованием с целью пристыдить/ унизить/ наказать виновного(ых).

Среди комментариев, относящихся к речевой тактике возмущения, можно встретить следующие:

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии и со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
you are/u're useless	- Is your teammate had a plan? -Naah...he is useless player!	ты бесполезен/бесполезна	-Изи, чемпион...Просто бесполезный нуб, пол катки ничего не делал!
garbage/trash	-He is garbage player. Rattish gameplay!	мусор (оценка деталей или всего взаимодействия)	Понабрал мусора, три слота из 4 – мусор!
uninstall/delete the game	-Uninstall the game. You can play Meg	удали игру	Не твоё...удали игру или научись играть наконец!
GO (get out)	-GO! We don't play this way!	Скройся, уйди, свали	Свали уже!

В данных примерах на английском и русском языках можно увидеть закономерность использования восклицательных

предложений, а также применение коротких (безличных и эллиптических) повествовательных или восклицательных предложений. Это связано с тем, что игроки часто знают друг другу достаточно долгое время и в полилоге понятно, кому и какая реплика относится. Использование данных конструкций позволяет гораздо ярче выразить возмущение и недовольство как в письменной, так и устной речи.

Данные реакции встречались при полном или частичном бездействии игроков, их неучастие в игровом процессе, намеренную или ненамеренную порчу игры остальным, а также при нежелании взаимодействовать, когда собрана команда.

Тактика упрека. Под упрёком принято понимать вербальное открытое недовольство чужими поступками или поведением. В игровом комьюнити нередким явлением является необоснованные упрёки.

Среди комментариев с речевой тактикой упрёка можно встретить следующие:

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
try better	-Try better nt...Pleeease!	старайся лучше	-сорян, не заметил его. - ну уж постарайся получше в следующий раз
dbtr (don't be the ruin)	-Dbtr if you want to win!	не будь дном/руиной	-Руина в команде, которая даже кд не знает
try harder	-Th next time!	старайся лучше	- не сливай паллеты впустую, Постарайся уж!

При изучении комментариев на английском языке можно заметить, что игроки прибегали к восклицательным предложениям, как и с тактикой возмущения. Для английских комментариев свойственны короткие, восклицательные фразы для усиления эффекта упрёка и придания значимости словам.

Комментарии на русском языке значительно отличаются стилистически: среди них практически не встречаются восклицательные предложения. Однако русскоговорящая аудитория чаще прибегает к комбинированию тактики упрёка с тактикой издёвки, которые, как видно из примеров, выражены лексически и имеют саркастическую стилистическую окраску. В речи русскоязычных игроков преобладают утвердительные предложения, что также несет в себе стилистическую функцию, как бы демонстрируя, что выделяемые качества и «советы» не нуждаются в доказательстве, а все поведение игрока выражает это.

Подобные реакции чаще всего появлялись при глупых/необдуманных поступках игроков – новичков. Такие реакции, по мнению игроков, отлично показывают то, что новички делают что-то не так.

Тактика оскорбления. Оскорбление, как речевая стратегия – это намеренное, целенаправленное, агрессивное психоэмоциональное насилие. Оскорбление, в отличие от большинства тактик, имеет агрессивный и активный подход. Целью любого оскорбления является поразить болевую точку «жертвы». При достижении цели, оскорбивший получает психологическое удовлетворение от нанесенного психоэмоционального ущерба.

При рассмотрении данной речевой стратегии необходимо учитывать, что в данной статье могут быть исследованы только нормативные оскорбления, то есть соответствующие литературным нормам языка.

Среди комментариев, относящихся к речевой тактике оскорбления, можно отнести следующие:

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии и со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
------------------------	---------	---	---------

psycho	-This psycho exploded us	псих/шизоид/ отбитый	-Кикай этого шизоида
idiot		идиот/придурок	-Давно такого придурка не видел
coward/cd	Lol.It's funny to hear it from such cd like you)	Трус	
rat	Rattish gameplay!	крыса/гнида	-эта гнида пол катки в кустах просидела, прикинь?
whore	Your whore didn't help me!	шлюха/шалава	- ты со своей шлюхой меня продали просто!
dog/doggo/dog+nickname (прим. характерные оскорбления, популярные у зарубежных игроков)	Doggo perks/ Doggchi Dogsakawa	-	-

При анализе примеров речевой тактики оскорбления можно заметить немалое количество сходств в двух языках: цель применения в желании задеть или принизить другого игрока, высокий процент использования, а также ярко-выраженную категоричность в высказываниях.

Однако можно заметить, что англоязычные игроки чаще прибегают к сравнениям и словообразованиям на основе приписываемых животных черт (крыса – трусость, собака –

глупость). Зарубежные игроки очень часто прибегают к выражениям со словами dog и его словообразованиями для того, чтобы принизить, задеть, спровоцировать другого (9 раз). Среди русскоговорящих пользователей удалось встретить только несколько раз оскорбление «крыса» (3 раза).

Среди русскоговорящих игроков чаще встречались оскорбления, направленные на оценку и принижение умственных способностей, других игроков. Также одной из самых популярных тактик оскорбления стала направленность на гендерные особенности игроков. Наиболее частотным оскорблением по праву можно считать обращения «щлюха/шалава», которые встретились 12 раз.

Из этого можно сделать вывод о разнице расстановки приоритетов при выборе тактики оскорбления как доминирующей. Для русскоговорящих игроков самым удобным и популярным стал упор на половой признак, а у англоговорящих игроков делается упор на принижение игрока до уровня животного.

Подобные комментарии несут в себе несколько целей: это может быть провокация на эмоции, ответ на оскорбление или выражение своего стресса и злости.

Тактика угрозы. Под угрозой понимается вербальная, активная речевая тактика, главной целью которой является подавить, причинить вред и снизить уверенность оппонента. Угроза, как и оскорбление, является активной тактикой, направленной на намеренное выведение из строя и психоэмоциональный ущерб. Стоит учитывать, что при ведении честной игры, тактика угрозы является наименее действенной, поскольку не вносит никакого влияния в результаты.

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии и со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
report	Report to Cheryl. She is cheater!	репорт/жалоба	-репорт. Багоюзер!

IFU (I found you)	IFU in Dis!	найду тебя	Я тебя по ip вычислю!
-------------------	-------------	------------	-----------------------

Тактика угрозы является одной из самых неэффективных в среде русскоговорящих пользователей ввиду практически невозможности её воплощения в реальной жизни. Данное условие влияет на использование данной тактики лишь в случае выражения крайнего отчаяния или обиды. Стоит добавить, что игроки усиливают данную речевую стратегию с помощью издёвки, либо с помощью лексических повторов или восклицательных знаков.

Абсолютно противоположного мнения придерживаются англоговорящие пользователи. Особенности их менталитета, воспитания, а также практика дают им уверенность в том, что угроза будет исполнена. Это влияет на их манеру выражения, где предложения строятся как предупреждение, а угроза оформляется, как правило, в официальном стиле.

Прибегание к данной тактике чаще всего являлось ответной реакцией на провокацию другим игроком или после оскорбления.

Тактика насмешки. Насмешка — это акт оскорбительного поведения, главной целью которой является подорвать уверенность оппонента путём издевательства или обесценивания ценностей, действия тактики другого.

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
ez (от англ. Easy – легко)	- Ez!Ez!ez!Too ez!	изи/легко /легчайшая	-гг изи катка
average player/ap	-Average Claudette stealthing in bush	среднестатистический игрок, средняк, мид, бездарь, дно, «типичный»	-Типичный Виктор... -бездарь на Эше...

		(чаще всего попадающий ся, играющий по определенн ый стратегии)	
too brave/2b	-2b t-bag in gates when you were knocked for 20 seconds. Twice)	очень смело	-ты всегда смелый только со сквадом на прикрытии?

Данная тактика отличается не только высокой популярностью среди зарубежных и русскоговорящих игроков, но и схожестью в построении выборе способов выражения среди обеих сторон.

Чаще всего игроки прибегают к лексическим повторам, восклицаниям, применению пассивной агрессии, а также к сокращениям и внутриигровому слэнгу (это набор слов или новых значений существующих слов, употребляемых в различных игровых сообществах и группах).

Целью данной тактики было задеть или вывести на эмоции другого игрока вне зависимости от результатов матча. Прибегание к данной форме агрессии направлено на снижение успехов противника.

Тактика колкости. Речевая тактика колкости в первую очередь направлена на намеренное, злое, язвительное поведение перед союзниками или оппонентом. Целью колкости, как и насмешки, является подрывание уверенности и настроения игрока, но в отличие от насмешки, тут происходит концентрация на недостатках и недочётах с целью продемонстрировать безуспешность тактики.

Зарубежн ые комментарии	Примеры	Русские комментар ии со схожим смыслом/э	Примеры
-------------------------	---------	--	---------

		квивалент ы	
great plan/idea	-What was your great plan?!!!! -I wanted to help... -niiiiiice	Отличн ый план/ид ея/как Швейцарс кие часы (прим. Отсылка на цитату из сериала «Большой Лебовски»)	-крыса под 3- им номером. Ты прикрыть не мог что ли? - Я хотел снять их стрелка. - Отличный план, Уолтер! Просто замечательный!
gt (good tactics)	-Really? Why didn't you open the gate? -I wanted to save Ada before -Gt! Successful? Great save!	отлична я тактика	- Посиди ещё в шкафчике, пока другие стараются и бегают. - ты бы не отбежал. - а ты просто потратил моё время и остальных. Отличная тактика, 39 престиж!
genius	-tunneler... Great player - I made -3 -2.I survived genius	Гений	

Для данной речевой стратегии характерны восклицательные и вопросительные предложения, использование капса, лексические повторы, а также нередким явлением выступает добавление отсылок, референсов и шуток для усиления эффекта провокации,

издёвки. Также игроки, как зарубежные, так и русскоговорящие, активно пользуются пассивной агрессией как в письменной, так и в устной речи.

Данные комментарии свидетельствуют о проявлении пассивной агрессии и демонстративной насмешке/издевательстве как над союзниками, так и над противником.

Тактика прерывания контакта. Тактика прерывания контакта – это намеренный уход от разговора и дальнейшего взаимодействия. Прерывание контакта является ультимативным, активным действием. При рассмотрении этой речевой тактики необходимо учитывать, что в игровом сообществе нередко активная агрессия, оскорбления, насмешки с обесцениваем действиями игроков как своей, так и противоположной команды.

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии со схожим смыслом/эквиваленты	Примеры
Shut up	-shut up and don't blame us...	заткнись, замолчи	- заткнись по-хорошему уже
Don't talk to me	-You can't talk to me. You play awful!	не говори со мной	- с чего ты вообще решил, что с тобой будут говорить? Не говори ни с кем тут.
No speech/ns (прим. нежелание вести диалог и	-Ns Doggo!	-	-

слушать/читать комментарии)			
Volume off/vo	- Volume of rat!	выключи (прим. призыв выключить микрофон/ не взаимодействовать); оффнись	-оффни микро и не отвечивай

При рассмотрении данной тактики было выявлено, что зарубежные и русскоговорящие игроки используют их в разные целях, а также вкладывают разный смысл в данные фразы, который можно понять только из широкого контекста диалога, что представляется достаточно сложным в рамках одной публикации.

Англоговорящие пользователи используют эти фразы для демонстрации своего превосходства и пишут/говорят их в спокойном тоне, делая свои комментарии максимально синтаксически и стилистически нейтральными.

Русскоговорящие пользователи применяют чаще всего данную тактику для резкого и ультимативного прерывания контакта с соперником или остановки комментариев со стороны союзников. Данные фразы сопровождались повторами, высокой эмоциональностью, использованием и повторением восклицательных знаков, а также использованием капса.

Данные комментарии встречались при выражении высокомерия или превосходства, ставящие целью задеть или деморализовать игрока.

Тактика констатации некомпетентности. Тактика констатации некомпетентности направлена на обесценивание навыков личности, на затраченное время и на навыки, которыми успел овладеть человек в ходе игровых сессий. Целью данной тактики является подрывание уверенности, потеря самообладания и выведение на открытый конфликт.

Зарубежные комментарии	Примеры	Русские комментарии и со схожим смыслом/	Примеры
------------------------	---------	--	---------

		эквиваленты	
Noob/n00b (предположительно от newbie – новичок)	- Camper! Noob trashy gameplay!	нуб/нубя ра	Нубас на мане!
Baby (прим. оценка игрока как некомпетентного, неспособного играть по другой, более эффективной стратегии)	-Baby Blight who tunnels on 5 gens	-	-
Non-skilled/ no skill	-Non-skilled Knight!	нет навыка/нет скилла (от англ. Skill - навык)	У него скилла нет совсем. Его бот вынес.
- rep (negative reputation). (прим. снижение репутации с целью продемонстрировать остальным неудовлетворенность навыками данного игрока)	-	- rep	-
Tunneler/camper (прим. выражение недовольства прибегания к туннелингу и кэмперству с целью вывести игроков одной из сторон, даже если эти	- Camper! Noob trashy gameplay!	Туннелер /кэмпер	Туннель на пяти генах. Лучший!

тактики будут успешными и эффективными)			
---	--	--	--

Комментарии в рамках данной речевой тактики отличаются лаконичностью, частым использованием восклицательных знаков. Данные особенности характерны для двух языков.

Данные тактики применялись для демонстрации плохого, не соответствующего ожиданиям других игроков геймплея, либо при применении тактики победы, которое портит игру остальным.

Тактика злопожелания/ отсыла. Речевая тактика злопожелания возникает как реакция на проявление несправедливости. Человек стремится отразить недовольство пожеланием идентичной ситуации другому. Другим примером прибегания к данной речевой тактике является невозможность справиться с такими эмоциями как неудовлетворенность, обида, разочарование и злость, выражающиеся в оскорблениях и негативных пожеланиях.

Зарубежные комментарии	Русские комментарии со схожим смыслом/эквиваленты	Для данных ситуаций не было найдено контекста, поскольку они употреблялись без фраз и связующих слов.
gth/go to hell	гори в аду	
die	Сдохни	

Комментарии данной речевой тактики отличаются лаконичностью, сокращением до акронима или до одного слова. Лишь несколько раз были использованы восклицательные знаки после данных фраз (2 раза).

Данные выражения можно было встретить в послеигровых матчах как ответную реакцию на грубость или насмешки.

Следует понимать, что в данной статье рассматриваются только приличные, допустимые литературными нормами языка, варианты негативных комментариев.

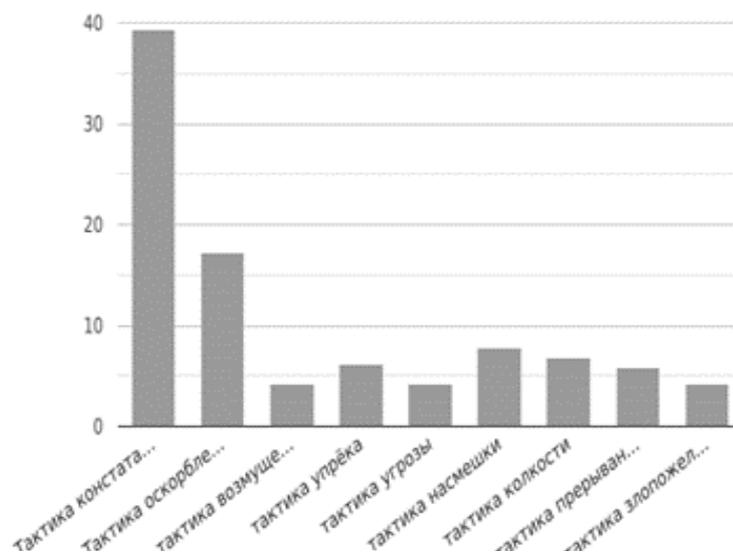

Рис 1. Частотность тактик

Вышесказанные примеры были взяты с 200 стримов разных стримеров (зарубежных и отечественных), а также из собственных игровых сессий. После чего было проведено исследование, собран и классифицирован материал. При проведении исследования было выявлено, что самой частой тактикой, к которой прибегают игроки – это тактика констатации некомпетентности (39,3%). На втором месте – тактика оскорбления (17,2%). Наименее популярной тактикой является тактика злопожелания/посыла (4,15%).

Необходимо учитывать, что прибегание только к одной из тактик редко. Игроки совмещают или используют одновременно несколько, поскольку находятся в состоянии агрессии и ярости.

Выводы

Подводя итоги, можно заметить, что вербальная речевая агрессия как феномен взаимодействия в игровом сообществе распространен и популярен. Киберпространство как источник

получения обратного отклика в процессе коммуникации позволяет раскрыть полный спектр эмоций, не исключая и агрессии. Сталкиваясь с различными трудностями со стороны соперников или союзников, игроки прибегают к речевым тактикам. Самыми популярными являются речевые тактики констатации некомпетентности и прибегание к активной агрессии и потенциально к открытому конфликту с помощью тактики оскорбления. Тактики злопожелания воспринимаются как самые малоэффективные.

Анализируя язык комментариев, можно выделить такие лингвистические признаки агрессии:

1. Использование оскорблений и ругательств. В комментариях с агрессивной направленностью часто можно обнаружить негативные выражения и нецензурные слова, направленные на участников матча, соперников или даже на других комментаторов.

2. Интонация угрозы. Некоторые комментарии могут содержать угрозы физического или психологического характера в адрес определенных лиц или групп.

3. Негативное оценивание. Лингвистический вывод также может включать анализ негативных высказываний, направленных на действия участников, их стратегии или даже на сам контент матча.

4. Употребление капса и знаков препинания. Интенсивное использование заглавных букв, восклицательных и вопросительных знаков может указывать на эмоциональное напряжение и агрессивное настроение автора комментария.

Анализируя вышеперечисленные элементы в комментариях киберспортивных матчей, можно сделать вывод о наличии агрессивной составляющей в дискурсе данного сообщества.

Литература

1. GameXP. Словарик игрока: Абуз, Эксплойт и Читерство. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XPYcUMPt0QCw97vj> (дата обращения: 22.05.2024)
2. Shahin S. Metaphors of Internet: Ways of Being in the Age of Ubiquity // Journalism & mass communication quarterly. – 2021. – № 98(3). – Pp. 964-966. – Article 10776990211018755.

- <https://doi.org/10.1177/10776990211018755> URL:
https://meduniver.com/Medical/Psixology/kompiuternie_igri.html
MedUniver (дата обращения: 22.05.2024)
3. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 42—57. doi:10.17759/sps.2019100404
 4. Алексеев М. С. Технологии девиантного поведения в сетевом пространстве / М. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 539-542. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/287/64942/> (дата обращения: 22.05.2024).
 5. Кибакин М.В., Крюкова М.М. Концепция власти коммуникации Мануэля Кастельса в научном дискурсе цифровой социологии // Цифровая социология. – 2020. – Т. 3. – № 3. – С. 4–11.
 6. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник томского государственного университета. Филология. – 2019. – №. 58. – С. 52-70.
 7. Милевски И. Компьютерные игры как средство для снятия эмоционального стресса. Польза и недостатки игр [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://meduniver.com/Medical/Psixology/kompiuternie_igri.html?ysclid=lwjyy0z2w6843280346 (дата обращения: 22.05.2024)
 8. Мудрик А.В. Социализация человека, Москва, 2011. – С. 327-339.
 9. Плахтий И. С. Развитие медиапространства в современном обществе / И. С. Плахтий // Молодой ученый. – 2017. – № 17 (151). – С. 204-207. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/151/42922/> (дата обращения: 23.05.2024).
 10. Фомин А.Г., Якимова Н.С. Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев (по материалам речеситуативного исследования). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-i-markery-verbalnoy-agressii-v-kommunikativnom-povedenii->

[rossiyan-i-amerikantsev-po-materialam-rechesituativnogo-issledovaniya?ysclid=lwjkgghcx4k717666080](https://www.yourpaper.ru/rossiyan-i-amerikantsev-po-materialam-rechesituativnogo-issledovaniya?ysclid=lwjkgghcx4k717666080) (Дата обращения: 22.05.2024)

11. Фролова О. Е. Речевая агрессия и реакция на нее // Русская речь. – 2021. – № 4. – С. 45–60. DOI: 10.31857/S013161170016214-4.
12. Шабалин Ю. Геймдев и безопасность: рекомендации по защите от хакерских атак. – 2024. – Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/gejmdev-i-bezopasnost/?ysclid=lwjjjmfvdr962064110> (дата обращения 22.05.2024)

References

- GameXP. Slovarik igroka: abuz, e`ksplojt i chiterstvo.* (2019). Retrieved from: <https://dzen.ru/a/XPYcUMPt0QCw97vj> (data obrashheniya: 22.05.2024)
- Shahin, S. (2021). Metaphors of Internet: Ways of Being in the Age of Ubiquity. *Journalism & mass communication quarterly*, 98(3), 964-966. <https://doi.org/10.1177/10776990211018755> Retrieved from: https://meduniver.com/Medical/Psixology/kompiuternie_igri.html MedUniver (accessed 22.05.2024)
- Ajsina, R.M., & Nesterova, A.A. (2019). Kibersocializaciya molodezhi v informacionno-kommunikacionnom prostranstve sovremennogo mira: e`ffekty` i riski. *Social`naya psixologiya i obshhestvo*, 10(4), 42-57. doi:10.17759/sps.2019100404
- Alekseev, M. S. (2019). Texnologii deviantnogo povedeniya v setevom prostranstve. *Molodoj ucheny`j*, 49 (287), 539-542. Retrieved from: <https://moluch.ru/archive/287/64942/> (accessed: 22.05.2024).
- Kibakin, M.V., & Kryukova, M.M. (2020). Kontseptsia vlasti kommunikatsii Manuela Kastel'sa v nauchnom diskurse tsifrovoi sotsiologii. *Tsifrovaia sotsiologiya*, 3(3), 4–11.
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Bulletin of Tomsk State University*, 58, 52-70.
- Milevski, I. (2024). *Komp'iuternye igry kak sredstvo dlia sniatia emotsional'nogo stressa. Pol'za i nedostatki igr.* Retrieved from: https://meduniver.com/Medical/Psixology/kompiuternie_igri.html?ysclid=lwjjy0z2w6843280346 (accessed: 22.05.2024)

- Mudrik, A.V. (2011). Socializaciya cheloveka (pp. 327-339). Moskva.
- Plaxtij, I.S. (2017). Razvitie mediaprostranstva v sovremennom obshhestve. *Molodoj uchenij*, 17 (151), 204-207. Retrieved from: <https://moluch.ru/archive/151/42922/> (accessed 23.05.2024).
- Fomin, A.G., & Yakimova, N.S. (2024). *Taktiki i markery verbalnoj agressii v kommunikativnom povedenii rossiyan i amerikancev (po materialam rechesituativnogo issledovaniya)*. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-i-markery-verbalnoj-agressii-v-kommunikativnom-povedenii-rossiyan-i-amerikantsev-po-materialam-rechesituativnogo-issledovaniya?ysclid=lwjkgkcx4k717666080> (accessed 22.05.2024)
- Frolova, O. E. (2021). Rehevaya agressiya i reakciya na nee. *Russkaya rech*, 4, 45–60. DOI: 10.31857/S013161170016214-4.
- Shabalin, Yu. (2024). *Gejmdev i bezopasnost` : rekomendacii po zashhite ot xakerskix atak*. Retrieved from: <https://rb.ru/opinion/gejmdev-i-bezopasnost/?ysclid=lwjjjmfvdr962064110> (accessed: 22.05.2024)

УДК 81'33+811.581

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.05>

Горожанов А.И.

Московский государственный лингвистический университет,

Красикова Е.А.⁵

Московский государственный лингвистический университет

**ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАЧИМЫХ ДАННЫХ ИЗ
НЕПОДГОТОВЛЕННОГО ТЕКСТА ПУТЕМ ЕГО
АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ АВТОРСКИМИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ (НА
МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КИТАЙСКИХ СМИ)**

⁵ © Горожанов А.И., Красикова Е.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Статья посвящена рассмотрению возможностей авторского программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» для нахождения и анализа употребления различных частей речи в текстах электронных китайских СМИ. В ходе исследования были изучены технические параметры анализируемых частей речи, а также описаны некоторые функциональные особенности программного обеспечения. Созданный модуль «китайский язык» позволил произвести сборку сбалансированного лингвистического корпуса объемом 18341 токен и выполнить ряд поисковых запросов к этому корпусу. В частности, были произведены удачные попытки идентификации предложений, содержащих существительные, прилагательные, глаголы, числительные и частицы. Также в ходе корпусного эксперимента, который являлся основным методом исследования наряду с методами профессионально ориентированного программирования, моделирования и анализа, было установлено, что в отличие от индо-европейских языков (русского, английского и немецкого), на которых ранее тестировался программный комплекс, китайский язык вносит особенности в алгоритм наполнения базы данных леммами и токенами, что было оперативно учтено в ходе работы. Полученные в ходе запросов языковые и статистические данные были подвергнуты тщательному анализу, в результате которого было установлено, что погрешность определения заявленных частей речи составляет ок. 7%. В качестве перспектив исследования рассматривается оптимизация поиска данных в рамках модуля «китайский язык», в целом, и составление банков данных по отдельным частям речи и по именам собственным, а также формирование списка «стоп-слов» для уменьшения погрешности, в частности.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, отечественное программное обеспечение, корпусный менеджер, части речи, китайский язык, электронные СМИ, обработка естественного языка

UDC 81'33+811.581
<https://doi.org/10.25076/vpl.54.05>
Gorozhanov A.I.
Moscow State Linguistic University
Krasikova E.A.
Moscow State Linguistic University

**OBTAINING MEANINGFUL DATA FROM AN
UNPREPARED TEXT BY AUTOMATICALLY PROCESSING
WITH AUTHOR'S LINGUISTIC TOOLS (BASED ON THE
MATERIAL OF ELECTRONIC CHINESE MEDIA)**

The article is devoted to the possibilities of the author's software package "Balanced linguistic corpus generator and corpus manager" for finding and analyzing the use of various parts of speech in the texts of electronic Chinese media. During the research, the technical parameters of the analyzed parts of speech were studied, as well as some functional features of the software were described. The created module "Chinese language" made it possible to assemble a balanced linguistic corpus with a volume of 18341 tokens and perform a number of search queries for this corpus. In particular, successful attempts were made to identify sentences containing nouns, adjectives, verbs, numerals and particles. Also, during the corpus experiment, which was the main research method along with the methods of professionally oriented programming, modeling and analysis, it was found that, unlike Indo-European languages (Russian, English and German), in which the software package was previously tested, the Chinese language introduces features into the algorithm for filling the database with lemmas and tokens, which was promptly taken into account during the work. The linguistic and statistical data obtained during the inquiries were subjected to a thorough analysis, as a result of which it was found that the error in determining the declared parts of speech is about 7%. The prospects of the study are the optimization of data search within the framework of the "Chinese language" module, in general, and the compilation of data banks for individual parts of speech and proper names, as well as the formation of a list of "stop words" to reduce the error, in particular.

Keywords: applied linguistics, domestic software, corpus manager, parts of speech, Chinese language, electronic media, natural language processing

Введение

Цель нашего исследования – определить общий уровень качества работы модуля «китайский язык» программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»⁶.

Поставленная цель достигается путем решения следующих задач:

1. Собрать тестовый корпус актуальных текстов электронных СМИ на китайском языке.
2. Сформировать ряд поисковых запросов к корпусу и проанализировать полученные результаты.
3. Установить уровень точности работы модуля.

Языковым материалом работы является сбалансированный лингвистический корпус текстов китайских электронных СМИ, собранных нами в период с февраля по июнь 2024 года. Объем корпуса составил 724 предложения или 18 341 токен.

Основным методом исследования стал корпусный эксперимент, хотя на различных этапах применялись также и другие методы. В частности, для решения первой задачи для разработки модуля «китайский язык» мы применили оригинальный метод профессионально ориентированного (лингвистического) программирования (Gorozhanov, Guseynova, 2020), который позволил создать необходимое программное решение. Для решения второй задачи применялся метод моделирования, поскольку любой поисковый запрос к базе данных корпуса представляет собой формальную модель. Наконец, в ходе решения третьей задачи широко применялся анализ корпусных данных, полученных в результате корпусного эксперимента.

⁶ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» : № 2023682269 : заявл. 25.10.2023 : опубл. 03.11.2023 / А. И. Горожанов ; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». – EDN JHFXUV.

Китайские СМИ как лингвокультурный феномен: развитие китайских новостных газет в диахроническом аспекте

Книгопечатание (*yinshuashu* 印刷术), наряду с такими изобретениями, как бумага (*zhi* 纸), компас (*zhinan* 指南) и порох (*huoyao* 火药) относится к четырем великим изобретениям Китая (*sidadafaming* 四大发明).

Возникновение печатания подвижным шрифтом приписывают Би Шэну 毕昇, который изобрел данный метод во времена Сун Жэньцзуна 宋仁宗 (1010-1063 гг., четвёртый император династии Сун 宋). По мнению китайских авторов, Би Шэн примерно на 400 лет опередил немца Иоганна Гутенберга, создавшего передовую технологию печати подвижным шрифтом (邓广铭, 2005). Однако первые письменные источники передачи информации, которые представляли собой скреплённые бамбуковые дощечки, появились в Древнем Китае задолго до появления бумаги и техники печатного прессы.

Так, возникновение китайской публицистики связывают с династией Хань 汉 (206 до н. э. – 220 н. э.), в период правления которой была зафиксирована не только самая древняя китайская, но и самая ранняя мировая новостная газета Дибэо (*Dibao* «邸报», букв. «Отчеты из [официальных] резиденций») (Ху, 1994, р. 169). Данный термин также является общим для обозначения древних китайских газет в целом. Дибэо, составленные императорскими учеными, распространялись при феодальном дворе в качестве единственной официальной правительственной газеты. Ранние Дибэо были написаны от руки на небумажных носителях информации, однако, начиная с династии Тан 唐 (618-907 гг.), в качестве носителя информации использовалась бумага. Как мы упоминали ранее, хотя многие исследователи определяют Дибэо как наиболее раннюю или примитивную форму газеты в Китае и даже во всем мире, но данная газета «соответствует некоторым характеристикам современных газет при описании исторических материалов, таким как скорость передачи информации (относительно упадка технологий распространения информации в древнем обществе), структура *dianduimian* 点对点, согласно которой феодальное центральное правительство передает

информацию для широкого круга чиновников и представителей знати всех уровней), тиражный цикл, а также носители информации (бумага и полиграфия) и т.д. (姬德强 et. al., 2008, p. 1). Таким образом, Дибэо является эволюционным примером первоначальной формы современных китайских газет.

Следующим этапом в развитии китайской публицистики становится возникновение цензуры, которое связывают с возникновением популярных среди гражданского общества неофициальных газет *Xiaobao* 小报 (досл. малоформатная газета) во времена династии Сун (960–1279 гг.). Вместе с тем, появляется противоположный официальный и более объемный тип газеты *Changben* 长本. Как отмечает Е. Мокрос, «короткие издания» (小报), были доступны раньше, чем официальные «длинные издания» (长本), которые, как правило, считались более авторитетными (Мокрос, 2023, p. 168).

В качестве одной из самых ранних новостных газет исследователи также выделяют *Jingbao* 京报 (The Peking Gazette). Например, J.Lane называет данное издание, как «patriarch of periodicals» и причисляет его к старейшим мировым газетам. По замечанию J.Lane, вышеуказанное издание нельзя назвать газетой в современном понимании, поскольку в нем «не публиковались редакционные мнения, не создавался уникальный контент и не давались социальные и культурные комментарии к событиям дня, но оно действительно содержало "новостную ценность" в той же мере, в какой любая традиционная правительственная газета публикует современные документы, относящиеся к событиям дня и повседневной работе государства» (Lane, 2018, p. 2). Более подробное описание и развитие древних китайских газет также исследуется в монографии Хуан Чжомина «中国古代报纸探源» (Исследование древних газет Китая) (黄卓明, 1983), в которой прослеживается происхождение китайских газет до династии Хань и подробно описываются исторические изменения в области печати, распространения, названий, содержания газет от династии Тан до династии Цин.

Современные газеты и журналы начали проникать в Китай вместе с западными религиозными миссиями в начале девятнадцатого века. Когда европейские миссионеры и купцы

впервые начали в большом количестве прибывать к границам империи Цин, они искали источники новостей, которые помогли бы им понять, что происходит в крупнейшей империи мира.

Появление западных версий газет и периодических изданий связывают с публикацией первой португальской газеты “*A Abelha da China*” (蜜蜂画报) в 1822 году, которая была выпущена в связи с «новым регулированием деятельности прессы под влиянием Конституции Португалии, принятой в 1822 году» (Tang, 2022, p. 44). Затем, согласно данным китайской онлайн-энциклопедии 中華百科全書⁷, в 1883 году был опубликован первый китайскоязычный журнал “*East Western Monthly Magazine*” (東西洋考每月統紀傳), издававшийся прусским протестантским миссионером Карлом Гютцлаффом в Гуанчжоу. После опиумной войны иностранные издатели газет постепенно расширили свою издательскую базу и круг читателей с прибрежных районов на восточные, центральные и северные районы страны. В течение 100 лет после опиумной войны в газетах и периодических изданиях на иностранных языках преобладал английский, за ним следовали японский, русский, французский, португальский и немецкий языки.

Следующий важный этап в развитии китайского новостного дискурса связан с революционными движениями, возникшими в Китае в начале 20-го века. Значительный рост публикационной активности произошел, когда лидеры реформаторского движения начали использовать средства массовой информации для сплочения людей и распространения новых идей. Как и сторонники реформ, революционеры во главе с Сунь Ятсеном также обратились к газетам и периодическим изданиям для мобилизации масс. До революции 1911 года издавались такие газеты, как *Zhongguoribao* (中国日报) Гонконг; *Guominbao* (国民报) Токио; *Dagongbao* (大公报) Тяньцзинь и др.

В 1919 году группа молодых интеллектуалов издавала газеты «Новая молодежь» (新青年), «Борьба» (奋斗) и другие, чтобы агитировать за научные и демократические идеи против режимов

7

<https://web.archive.org/web/20140517214326/http://ap6.pccu.edu.tw/Encyclopedia/data.asp?id=635>

военачальников и империализма, что привело к возникновению исторически влиятельного «Движения 4 мая» (五四运动). Отдельного внимания заслуживает правительственная газета Гоминьдана *Zhongyangribao* (中央日报), которая была основана в Шанхае в 1928 году и впоследствии стала издаваться на Тайване, куда в 1949 году было вытеснено националистическое правительство Гоминьдана. На материковом Китае Коммунистическая партия Китая (КПК) учредила главные общенациональные и городские газеты, как только освободила города и взяла в свои руки государственную власть от Гоминьдана. Например, *Xinhuaribao* (新华日报) в Нанкине, *Jiefangribao* (解放日报) в Шанхае, *Changjiangribao* (长江日报) в Ухане, *Qunzhongribao* (群众日报) в Сиане, *Tianjingribao* 天津日报 в Тяньцзине и т.д. Газета *Renminribao* (人民日报) в Северном Китае была провозглашена официальной газетой КПК.

Все вышеизложенное указывает на то, что китайская газетная индустрия организована вокруг КПК. Правительство определяет круг читателей и распределяет новостную информацию в зависимости от рядов и связей КПК. Механизм заключается в том, что КПК редактирует свои официальные газеты и использует их в качестве примера для всех других специализированных или непартийных газет. Начиная с *Renminribao* и заканчивая ежедневными изданиями провинциальных, муниципальных, префектурных и уездных комитетов под различными названиями, существует около 426 официальных газет КПК со стабильным тиражом в 28 миллионов экземпляров. В подтверждение приведем статистические данные. К 1950 году в стране насчитывалась 281 газета, из которых 116 находились в ведении государства, 58 - народных организаций, 55 - частных издательств, 33 - армии и 19 - других. В период культурной революции, с 1968 по 1970 год, количество названий газет в стране было сокращено до 42 (Ху, 1994, р.179). Во второй половине 20-го века на развитие китайского новостного дискурса оказали экономические и политические предпосылки. Экономические реформы Дэн Сяопина вызвали настоящий газетный бум. С 1980 по 1985 год каждые полтора дня выходила одна новая газета. В результате к 1985 году по всей стране выходила 2191 газета. Из них 227 были ежедневными газетами, что

составляет 10,36 процента от общего числа. Общий тираж составил 207,22 миллиона экземпляров, что составляет примерно один экземпляр на пять жителей страны (Ху, 1994, р.175). Хорошо известная газета (参考消息), которая публикует новости из первых рук в международных СМИ, первоначально была внутренней газетой КПК. В настоящее время она стала «одной из самых популярных газет, доступных широкой публике» (Там же). Вокруг официальных газет КПК сосредоточены газеты для различных областей и специальностей. Существуют утренние и вечерние газеты, ориентированные на городскую жизнь, множество различных газет для рабочих, крестьян, молодежи, женщин, пожилых людей, посвященные зарубежным делам Китая, экономическим вопросам, юридической практике, образованию, спорту, науке и технике, культуре и искусству, народонаселению, здравоохранение и медицина, охрана окружающей среды, общественная жизнь, радио и телевидение, книгоиздание, бизнес, предприятия, университеты и военные. Среди них экономические, научные и деловые газеты занимают самые высокие места как по количеству названий, так и по тиражам (Malуga & Акорова, 2021).

На сегодняшний день двумя крупными изданиями, которые наиболее тесно связаны с китайским правительством являются газета *Жэньминьжибао* и информационное агентство *Синьхуа* (Kaplan, 2018, р.13). Основным языком, на котором выходят газеты, является китайский. В 1989 году 95,2% газет издавались на китайском языке. Также существует несколько газет и периодических изданий на иностранных языках, которые выходят международными тиражами. Наиболее известные из них *China Today*, *People's China*, *Beijing Review*, *China daily* (Ху, 1994, р.175). Данные новостные ресурсы также оформлены и в электронном формате, что является отдельным направлением для анализа. Таким образом, для настоящего исследования в качестве основного источника новостной информации было выбрано информационное агентство *Синьхуа* (URL: <http://m.news.cn/>) как одно из наиболее авторитетных на материковом Китае.

Ход исследования и его результаты

Решение первой задачи исследования потребовало большой технической подготовки.

Базой в плане технического (программного) решения для нас послужил авторский программный комплекс «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», который успешно был апробирован ранее на материале русского, английского и немецкого языков (Gorozhanov et al., 2024; Человек..., 2024; Бондарчук, 2024; Степанова, 2023).

Программа является универсальной оболочкой, однако «универсальность» выступает здесь скорее как переменная, а не константа, поэтому каждый новый язык, вводимый в систему, требует масштабных испытаний на текстовом материале. Итак, мы добавили в генератор китайский язык как готовый пакет от sраСу, внося соответствующий пункт в графический интерфейс пользователя, и инициировали процесс сборки базы данных, которая была успешно изготовлена. Изучая графическое представление таблиц баз данных (Gorozhanov et al., 2024, p. 200) нами была обнаружена особенность, которая не была характерна для индо-европейских языков. Поскольку для китайского языка нерелевантно понятие словоформы, генератор заполнил ячейки «текст токена», оставив ячейки «лемма» пустыми.

Проанализировав, каким образом эта особенность может оказать влияние на работу корпусного менеджера, мы пришли к выводу о том, что, в первую очередь, это затрагивает программные функции построения частотных списков (для всего текста и по отдельным частям речи).

Очевидными казались два решения проблемы: модифицировать генератор, так чтобы он заполнял ячейки «лемма» параллельно с ячейками «текст токена» или внести изменения в функции частотных списков. Первое решение увеличило бы объем базы данных, хотя и сняло бы впоследствии все прочие вопросы, связанные с работой корпусного менеджера. Тем не менее, не отказываясь окончательно от мысли о модификации генератора, нами было принято решение в качестве эксперимента внести в функции частотного списка дополнительные проверки. Таким образом, модуль «китайский язык» можно охарактеризовать как совокупность программных решений, позволяющих работать с китайским языком, максимально используя возможности корпусного менеджера.

Проверим, насколько правильно генератор определил части речи в корпусе. Для этого сформируем ряд запросов к существительным (NOUN), глаголам (VERB), прилагательным (ADJ), числительным (NUM) и частицам (PART).

Определение существительных

Запрос на вывод существительных формируется путем активации флажка «ВКЛ ЧР» и выбора «NOUN» в ниспадающем меню. В результате проведенного запроса наиболее многочисленной группой токенов оказались существительные. В общей сложности было выведено 5 602 токена в 718 предложениях, что в относительном исчислении составляет $5\,602 / 18\,341 \times 100\% = 30,54\%$ от числа всех токенов корпуса. Данные статистические показатели являются характерными для публицистического стиля китайских новостных СМИ, поскольку наряду с книжными языковыми единицами и нейтральной лексикой, широко употребляются обобщающие слова, абстрактные существительные, профессионализмы и терминологическая лексика. Например:

1. 武器 (книж.): 美联社、路透社等媒体援引多名美国官员的话报道, 拜登同意乌克兰使用美制武器打击俄罗斯境内俄军目标, 但仅限于靠近乌克兰第二大城市哈尔科夫并对这座城市发动攻击或准备发动攻击的俄军。Associated Press, Reuters и другие СМИ со ссылкой на ряд официальных лиц США сообщили, что Байден договорился с Украиной об использовании **оружия** американского производства для нанесения ударов по российским военным объектам в России, но только вблизи второго по величине города Украины Харькова, а также о начале атаки на город или подготовке к атаке на центр города русской армией.
2. 目标 (обобщ.): 北约秘书长延斯·斯托尔滕贝格、法国总统埃马纽埃尔·马克龙、英国外交大臣戴维·卡梅伦以及瑞典、挪威、芬兰等国家官员都支持乌方使用西方援助的武器打击俄境内目标。Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, президент Франции Эммануэль Макрон, министр иностранных дел Великобритании Дэвид Кэмерон, а также официальные лица Швеции, Норвегии, Финляндии и других стран поддерживают использование Украиной оружия, полученного с помощью Запада, для нанесения ударов по **целям** в России.

3. 5月 (нейтр.): 斯托尔滕贝格 5月31日试图淡化普京发出的警告: “这并不新鲜。 Столтенберг попытался преуменьшить значение предупреждения Путина от 31 мая: «Это не ново».
4. 多样性 (терм.): 双方发表关于中东局势、人工智能和全球治理、生物多样性与海洋、农业交流与合作 4份联合声明, 签署绿色发展、航空、农业食品、商务、人文等领域近 20项双边合作文件。 Стороны выступили с четырьмя совместными заявлениями по ситуации на Ближнем Востоке, искусственному интеллекту и глобальному управлению, **биоразнообразию** и океанам, сельскохозяйственным обменам и сотрудничеству, а также подписали около 20 двусторонних документов о сотрудничестве в области экологически чистого развития, авиации, агропродовольственной промышленности, торговли и гуманитарных наук.
5. 压力 (абстр.): 美联储大规模降息, 不仅推动通胀飙升, 更通过超发美元进口商品、投资他国等方式输出资本, 收割全球财富; 激进加息又导致全球流动性快速收紧、多种货币大幅贬值, 以美元计价借贷的国家清偿债务压力骤增。 Масштабное снижение процентных ставок ФРС не только привело к резкому росту инфляции, но и к экспорту капитала за счет чрезмерной эмиссии долларов США для импорта товаров и инвестирования в другие страны с целью получения мирового богатства; агрессивное повышение процентных ставок также привело к быстрому сокращению глобальной ликвидности, резкой девальвации нескольких валют и резкому усилению **давления** на страны, которые берут кредиты в долларах США для погашения своих долгов.

Из вышеуказанных примеров следует, что корпусный менеджер идентифицировал не только многосложные существительные, состоящие из двух или трех иероглифических знаков, но и существительные, состоящие из числительного и иероглифического знака, которые не характерны для пользователя русского языка. В примере 3 существительное **май** в китайском языке формируется путем сочетания числительного 5 и иероглифического знака 月 *месяц* (досл. пятый месяц). Однако поданному запросу также была зафиксирована небольшая величина погрешности. Например, по запросу «NOUN» корпусный менеджер

выявил имена собственные, прилагательные, а также атрибутивные словосочетания. Например:

1. 习近平 (Им. Собств.) 新时代以来, 在习近平强军思想引领下, 人民海军听党指挥, 在中国特色强军之路上迈出了坚实步伐, 正以崭新姿态加速向全面建成世界一流海军迈进。 Начиная с новой эры, под руководством **Си Цзиньпина**, придерживающегося идеологии сильной армии, Народный военно-морской флот подчинился приказу партии и предпринял решительные шаги на пути к созданию сильной армии с китайской спецификой, а также ускоряется к созданию военно-морского флота мирового класса с всесторонним развитием. совершенно новое отношение.
2. 历史 (сущ.) 岁月流逝, 人民海军组建之初的 13 名官兵之一, 也是最后一名历史见证者的黄胜天将军于 2023 年 12 月离世, 没能见证人民海军成立 75 周年。 Шли годы, и генерал Хуан Шэнтянь, один из 13 офицеров и солдат Народного военно-морского флота в начале его формирования и последний **исторический** свидетель, скончался в декабре 2023 г. Ему не удалось стать свидетелем празднования 75-й годовщины основания Народного военно-морского флота.
3. 去年 (атрибут. словосоч.): 他们同样来自田间地头、来自工厂车间、来自科研院所、来自边关军营..... 去年, 习近平总书记首次来到他所在的十四届全国人大江苏代表团参加审议, 面对扎根农村、应用数字化技术来种大田的“80 后”, 一句由衷的点赞“像魏巧这样的同志到农村去, 很好!”, 给多少“新农人”以莫大鼓舞。 Они также приезжают с полей, из фабричных цехов, из научно-исследовательских институтов, из приграничных военных городков... **В прошлом году** Генеральный секретарь Си Цзиньпин впервые приехал в составе своей делегации из провинции Цзянсу на 14-е Всекитайское собрание народных представителей, чтобы принять участие в обсуждениях. Столкнувшись с “пост-80-ми”, укоренившимися работая в сельской местности и применяя цифровые технологии для выращивания больших полей, он искренне похвалил: “Такие товарищи, как Вэй Цяо, ездят в

сельскую местность, это очень хорошо!”, это большое поощрение для многих “новых фермеров”.

Поскольку для китайского языка характерен процесс конверсии, некоторые прилагательные были распознаны системой как существительные. Пример 2 демонстрирует типичный для китайского языка случай, когда одно и то же слово может интерпретироваться и как существительное и как прилагательное. В данном примере порядок слов в предложении указывает на то, что слово *历史* *история, исторический* является прилагательным, поскольку предшествует существительному *见证* *свидетель*, сочетаясь вместе они формируют атрибутивное словосочетание *历史见证* *исторический свидетель*.

Определение глаголов

Второй по частотности частью речи оказались глаголы. Запрос на вывод глаголов формируется путем активации флажка «ВКЛ ЧР» и выбора «VERB» в ниспадающем меню. В результате было выведено 3342 токена в 716 предложениях, что в относительном исчислении составляет $3342 / 18\ 341 \times 100 \% = 18,22 \%$ от числа всех токенов корпуса. Например:

1. 表示 (глагол.): 这些官员表示, 美方仍然不允许乌方使用美制远程导弹打击俄境内纵深目标。 Эти официальные лица *заявили*, что Соединенные Штаты по-прежнему не разрешают Украине использовать ракеты дальнего радиуса действия американского производства для нанесения ударов по глубинным целям в России.
2. 使用 (глагол.) 匈牙利总理欧尔班 5 月 31 日在匈牙利国家电台说, 允许乌方使用西方武器打击俄境内目标和向乌克兰派遣西方军事人员的想法让北约“离战争越来越近”。 Премьер-министр Венгрии Орбан заявил в эфире венгерского национального радио 31 мая, что идея разрешить Украине *использовать* западное оружие для нанесения ударов по целям в России и направить западных военнослужащих на Украину “все ближе и ближе подводит НАТО к войне”.
3. 维持 (глагол.): 日本央行在 4 月 26 日举行的货币政策会议上决定, 维持现行货币政策不变, 并没有如外界预期的那样实施量化紧缩。 На своем заседании по денежно-кредитной политике,

состоявшемся 26 апреля, Банк Японии принял решение **сохранить** текущую денежно-кредитную политику без изменений и не стал проводить количественное ужесточение, как ожидалось.

4. 分析 (глагол): 不过, 彭博社一篇文章分析, 大多数亚洲国家如今具备外汇储备更稳固等有利条件, 能够避免类似上世纪 90 年代末亚洲金融危机的动荡重演, 因此人们几乎不必担忧亚洲再次发生金融危机。 Однако в статье Bloomberg **проанализировано**, что большинство азиатских стран сейчас имеют благоприятные условия, такие как более стабильные валютные резервы, что позволяет избежать повторения потрясений, подобных азиатскому финансовому кризису конца 1990-х годов. Таким образом, людям практически не нужно беспокоиться об очередном финансовом кризисе в Азии.
5. 住 (глагол.) 34 岁的拉法居民穆罕默德·纳赛尔是 3 个孩子的父亲, 一家目前住在加沙地带中部城市代尔拜拉赫一处避难所中。 Мохаммед Нассер, 34-летний житель Рафаха, является отцом троих детей. В настоящее время семья **проживает** в приюте в городе Дейр-эль-Балах в центральной части сектора Газа.
6. 看到 (глагол.+модификатор) “只要看到我们是在往前走, 就要保持定力。” - Пока ты **видишь**, что мы идем вперед, ты должен сохранять свою силу.”

Запрос на вывод глаголов показал, что наряду с многосложными глаголами, состоящими из нескольких иероглифов, корпусным менеджером были успешно выявлены односложные глаголы, состоящие из одного иероглифического знака (пример 5). Интересно отметить, что системе удалось распознать специфический для китайского языка класс результативных глаголов, которые состоят из двух частей: смысловой основы и результативной морфемы (пример 6).

При запросе «VERB» также был установлен небольшой процент погрешности. К глаголам системой были отнесены сочетание указательного местоимения и глагола-связки *быть*, а также китайский фразеологический оборот с фиксированной структурой, состоящей из четырех иероглифических знаков (чэньюй):

1. 这是 (указат. мест. + глагол-связка): 这是当今世界上最典型的霸道霸凌! *Это* самое типичное деспотичное хулиганство в современном мире!
2. 一国两制 (именной фразеологический оборот.)毛宁表示, 美方蓄意攻击“一国两制”, 抹黑香港国安法, 妄议香港民主自由状况, 干预香港特区司法, 滥施签证限制。Мао Нин заявил, что Соединенные Штаты намеренно атаковали политику “*Одна страна - две системы*”, дискредитировали закон Гонконга о национальной безопасности, ложно обсуждали статус демократии и свободы в Гонконге, вмешивались в отправление правосудия в Специальном административном районе Гонконг и злоупотребляли визовыми ограничениями.

Определение прилагательных

Запрос на вывод прилагательных формируется путем активации флажка «ВКЛ ЧР» и выбора «ADJ» в ниспадающем меню. В результате было выведено 566 токена в 360 предложениях, что в относительном исчислении составляет $566 / 18\,341 \times 100\% = 3,08\%$ от числа всех токенов корпуса. Вышеуказанные количественные данные не типичны для китайского языка, поскольку для китайского предложения характерны предложения с распространенными определениями, которые оформляются при помощи постановки структурной частицы 的. Данное служебное слово маркирует определение, которое может быть выражено существительным или прилагательным, связывая его с определяемым словом. С одной стороны, корпусный менеджер не выявил ни одного сочетания существительного с частицей 的, однако без погрешности выявил случаи употребления прилагательных. Например:

1. 光荣 (прилаг.): 34岁的闵江涛在海军军士队伍中是个“小字辈”, 却有着光荣的履历: 34-летний Мин Цзянтао - “мелкая сошка” в звании сержанта военно-морского флота, но у него *великоленное* резюме.
2. 严重 (прилаг.): 2022年3月又“急转弯”, 开始激进加息以应对通胀, 给世界经济带来严重负面外溢效应, 多种非美货币经历了多轮大幅贬值。В марте 2022 года произошел “резкий поворот” и началось агрессивное повышение процентных

ставок для борьбы с инфляцией, что привело к *серьезным* негативным побочным эффектам для мировой экономики, а различные валюты, не относящиеся к США, неоднократно подвергались резкому обесцениванию.

3. 新 (прилаг.): 在全球经济复苏的关键时刻, 国际社会应当正告美方, 不要再给世界制造新的麻烦了。В критический момент восстановления мировой экономики международное сообщество должно призвать Соединенные Штаты прекратить создавать *новые* проблемы для всего мира.
4. 全球性 (прилаг.) 俄罗斯拒绝任何排他性主张, 将尽一切努力防止全球性冲突。Россия отвергает любые притязания на исключительность и приложит все усилия для предотвращения *глобальных* конфликтов.
5. 巨大 (прилаг.) 旧金山会晤以来, 中方言出必行, 中美禁毒合作取得了进展, 中方也为此作出了巨大努力。После встречи в Сан-Франциско Китай заявил, что он должен делать то, что говорит, и китайско-американское сотрудничество в области борьбы с наркотиками достигло прогресса, и Китай также приложил *огромные* усилия в этом направлении.

Таким образом, в данном случае сложно говорить о проценте погрешности ввиду недостаточного количества полученных данных. В качестве рекомендации может быть предложен ручной специальный запрос (РСЗ), призван находить последовательности токенов в корпусе, по заданным параметрам, которые имеются в базе данных. по схеме «сущ.+ частица 的». Например, для поиска прилагательных, которые в китайском языке строятся по схеме «сущ. + частица 的» или «сущ. №1, сущ. №2, ...+ частица 的» валиден тип запроса «РСЗ» (ручной запрос специальный). Данный алгоритм поиска позволит обнаруживать многокомпонентные прилагательные, состоящие из двух и более компонентов, оформленные структурной частицей 的.

Определение числительных

Запрос на вывод прилагательных формируется путем активации флажка «ВКЛ ЧР» и выбора «NUM» в выпадающем меню. В результате было выведено 813 токенов в 355 предложениях, что в относительном исчислении составляет $813 / 18\,341 \times 100\% = 4,43\%$ от числа всех токенов корпуса. Важно отметить, что

используемое программное обеспечение в качестве числительных распознало порядковые и количественные целые числительные записанные как арабскими цифрами, так и иероглифическими знаками, в том числе успешно были идентифицированы проценты и дробные числа. Например:

1. 六 (колич. числ. 6) 为应对通货膨胀, 美联储 2022 年开始激进加息, 2023 年 7 月最后一次加息 25 个基点, 此后已连续六次在货币政策会议中决定维持利率不变。В ответ на инфляцию ФРС начала агрессивно повышать процентные ставки в 2022 году и в последний раз повысила их на 25 базисных пунктов в июле 2023 года. С тех пор она приняла решение сохранить процентные ставки неизменными на *шести* последовательных заседаниях по денежно-кредитной политике.
2. 第 2758 (порядк. числ.) 董军引用了《开罗宣言》、《波茨坦公告》和联合国大会第 2758 号决议等国际文件, 明确指出台湾作为中国一部分的国际法基础。Дун Чжун сослался на международные документы, такие как Каирская декларация, Потсдамское воззвание и резолюция *2758-й* Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы четко указать на основы международного права для Тайваня как части Китая.
3. 三分之二 (дроб. числ.): 《纽约时报》4 月底刊登报道说, 在彭博社追踪的约 150 种货币中, 有三分之二的货币对美元走弱。В конце апреля газета New York Times сообщила, что *две трети* из примерно 150 валют, отслеживаемых агентством Bloomberg, ослабли по отношению к доллару США.
4. 5,25% (проц.): 这是美联储连续第六次将联邦基金利率目标区间维持在 5.25%至 5.5%之间。Это шестой раз подряд, когда ФРС сохраняет целевой диапазон ставки по федеральным фондам между *5,25%* и 5,5%.

К числительным система ошибочно отнесла счетные слова, которым предшествуют числительные, например, универсальное счетное слово для существительных 个 (на русский язык не переводится) или некоторые словосочетания, в состав которых входит иероглифический знак 一 (единица):

1. 个 (сч. сл.) 据路透社报道, 本次民调 17 日至 20 日展开, 误差范围为 3 个百分点。По данным агентства Reuters, опрос

проводился с 17-го по 20-е число с погрешностью в 3 процентных пункта.

2. 一点 (нареч.) 他指出, 台湾自古以来就是中国的一部分, 从历史上、法律上和现实中, 这一点都不容置疑。Он отметил, что Тайвань был частью Китая с древних времен, и в этом нет *ни капли* сомнения исторически, юридически и реально.

Определение частиц

Запрос на вывод прилагательных формируется путем активации флажка «ВКЛ ЧР» и выбора «PART» в ниспадающем меню. В результате было выведено 1074 токена в 513 предложениях, что в относительном исчислении составляет $1074 / 18\,341 \times 100\% = 5,85\%$ от числа всех токенов корпуса. Например:

1. 之 (част.) 习近平在贺信中指出, 30 年来, 在党的坚强领导下, 中国工程院团结凝聚院士和广大工程科技工作者, 大力推动工程科技发展, 不断攻克科技难关, 建设大国工程, 铸造国之重器, 为推动我国工程科技创新进步、促进经济社会高质量发展作出了重要贡献。В своем поздравительном письме Си Цзиньпин отметил, что за последние 30 лет под сильным партийным руководством Китайская инженерная академия объединила академиков и большинство работников инженерной науки и техники, чтобы энергично содействовать развитию инженерной науки и техники, постоянно преодолевать научные и технологические трудности, строить это внесло важный вклад в продвижение инноваций и прогресса в области инженерной науки и техники в нашей стране, а также в содействии качественному экономическому и социальному развитию.
2. 的 (част.) 习近平强调, 工程科技是推动人类社会发展的**的重要引擎**。Си Цзиньпин подчеркнул, что инженерная наука и технологии являются важным двигателем развития человеческого общества.
3. 了 (суфф. пр. вр) 奥比昂接受采访时, 记者向他展示了这所小学的近照。Когда Обианг давал интервью, репортер показал ему недавнюю фотографию начальной школы.
4. 地 (част.) 纳赛尔两周前离开拉法, 生怕以色列出其不意**地**进攻拉法, 让人无法逃脱。Насер покинул Рафах две недели

назад, опасаясь, что Израиль нападет на Рафах врасплох, что сделает побег невозможным.

5. 得(част.) 不过, 英国“舆论调查公司”的民意调查显示, 目前斯塔默的支持率比苏纳克高得多。Однако опрос, проведенный британской “Компанией по исследованию общественного мнения”, показывает, что рейтинг одобрения Стармера в настоящее время намного выше, чем у Сунака.

Исходя из данных примеров видно, что корпусному менеджеру удалось успешно выявить разные типы частиц в китайском языке, например, 之, 的, 地, 得, 了 и т.д. Также были выявлены единичные случаи погрешности, например:

1. 年前 (сущ./сч.сл.+предлог) 75 年前, 3 辆缴获的美式吉普车就装得下人民海军的全部家当。75 лет назад в трех захваченных американских джипах можно было разместить все имущество Народного военно-морского флота.

Общий статистический анализ полученных в ходе запросов данных говорит о том, что средняя погрешность обнаружения указанных частей не выходит за пределы 7 %, что можно назвать приемлемым результатом в рамках текущего периода работы над модулем «китайский язык».

Выводы

Заклучим, что цель нашего исследования (определить общий уровень качества работы модуля «китайский язык» программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер») была достигнута.

При этом последовательно были решены все три поставленные задачи. Во-первых, был собран тестовый корпус актуальных текстов электронных СМИ на китайском языке, причем программа-генератор не выявила ошибок в процессе составления корпуса. Во-вторых, был сформирован ряд поисковых запросов к корпусу, в который мы включили базовые запросы к идентификации существительных, глаголов, прилагательных, числительных и частиц. Прежде всего, сами запросы были выполнены без технических сбоев, что уже является хорошим результатом. Далее, анализ полученных образцов корпуса (пронумерованных предложений) показал, что заявленные части речи были получены в большинстве образцов, однако наблюдалась и некоторая

погрешность, устранить которую возможно с помощью других функций корпусного менеджера (например, «РЗС»). В-третьих, мы установили, что точность проведенных запросов находится в пределах 7 %.

В практическом отношении результаты исследования могут быть полезны при интерпретации текста, а также при анализе идиостиля автора. В качестве перспектив исследования можно рассматривать оптимизацию поиска данных в рамках модуля «китайский язык», в целом, и составление банков данных по отдельным частям речи и по именам собственным на основе частотного списка, а также формирование списка «стоп-слов» для уменьшения погрешности, в частности.

Разработка собственных программных средств лингвистического назначения вносит вклад в дело создания передовых отечественных образцов программного обеспечения в различных сферах экономики Российской Федерации.

Литература

1. Бондарчук Г. Г. Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 4(885). – С. 23–29.
2. Степанова Д. В. Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ / Д. В. Степанова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2023. – № 6(127). – С. 123-130. – EDN FMBTKO.
3. Человек - язык - компьютер. Исследователи будущего: Материалы Научно-практической (заочной) конференции с международным участием. Москва, 25 декабря 2023 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2024. – 172 с. – ISBN 978-5-00120-500-5. – EDN ISDFHS.
4. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // Training, Language and Culture. – 2021. – № 5(4). – Pp. 65-76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>

5. Mokros E. Chinese Gazettes on the Margins of Book History: Movable Type, Wax Stereotypes, and Vernacular Techniques in Late Imperial China. – *Book History*. – Volume 26, – Issue 1, – 2023, pp. 164-202.
6. Gorozhanov A. I. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula / A. I. Gorozhanov, I. A. Guseynova // *Training, Language and Culture*. – 2020. – Vol. 4, No. 4. – Pp. 23-38. – DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. – EDN ENGZZF.
7. Gorozhanov A. I. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research / A. I. Gorozhanov, I. A. Guseynova, D. V. Stepanova // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. – 2024. – Vol. 15, No. 1. – P. 195-210. – DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. – EDN FKVAOI.
8. Kaplan M. Media Gatekeeping with Chinese Characteristics: An Analysis of the Chinese Government’s Role in English-Language State-Owned News Organizations [Электронный ресурс] // Centre for East and South-East Asian Studies, Lund University. – 2018. – Режим доступа: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8967295&fileId=8967296> (дата обращения: 10.04.2024)
9. Lane J. Harris. *The Peking Gazette: A Reader in Nineteenth-Century Chinese History*. – Leiden; Boston: Brill. – 2018. – P. 374.
10. Tang Io Weng. The Research History of A Abelha da China, China’s First Foreign Newspaper. *Revista De Cultura. A Abelha Da China: 200 years of foreign-language press in Macao*. – 2022. – Vol. 70. – Pp. – 42-53.
11. Xinyi Xu. *The Chinese Mass Media // Handbook on Chinese Popular Culture / edited by D. Wu and P. Murphy*. – Westport, CT: Greenwood Press. –1994. – Pp. 169-195.
12. 邓广铭. 邓广铭全集第六卷. 河北: 河北教育出版社, 2005 年, 671 页。 [Дэн Гуанмин. Шестой том полного собрания сочинений Дэн Гуанмина. Хэбэй: Издательство Hebei Education Press, 2005, 671 с.].
13. 姬德强 陈旭静 石艳 张磊 一份古代媒介的“传者图像”——邸报的传播者研究. 北京: 媒介研究 2008 年第 2 期], 1-12 页。 [Цзи Дэцян, Чэнь Сюэцин, Ши Янь, Чжан Лэй. Образ

коммуникатора древних китайских СМИ - исследование о Дибэо. Пекин: Медиа-исследования. Выпуск 2. – 2008. – С.1-12].

14. 黄卓明. 中国古代报纸探源. 河北: 人民日报出版社, 1983年, 184页。 [Хуан Чжо Мин. Исследования источников возникновения древних китайских газет. – Хэбэй: Издательство Жэньминь жибао, 1983. – С. 184.].

References

- Bondarchuk, G. G. (2024). Semiotic functions of English clothing names in a journalistic text (corpus-based study). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(885), 23–29.
- Stepanova, D. V. (2023). Programmnyj kompleks dlya generacii dinamicheskogo korpusa tekstov SMI. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 6(127), 123-130. – EDN FMBTKO.
- Chelovek - yazyk - komp'yuter. Issledovateli budushchego: Materialy Nauchno-prakticheskoy (zaochnoy) konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva. – Moscow: Moscow State Linguistic University, 2024. – 172 p. – ISBN 978-5-00120-500-5. – EDN ISDFHS.
- Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture*, 5(4), 65-76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>
- Mokros, E. (2023). Chinese Gazettes on the Margins of Book History: Movable Type, Wax Stereotypes, and Vernacular Techniques in Late Imperial China. *Book History*, 26(1), 164-202.
- Gorozhanov, A. I. & Guseynova, I. A. (2020). Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. *Training, Language and Culture*, 4(4), 23-38. DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. – EDN ENGZZF.
- Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 195-210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. – EDN FKVAOI.

- Kaplan, M. (2018). *Media Gatekeeping with Chinese Characteristics: An Analysis of the Chinese Government's Role in English-Language State-Owned News Organizations* [Electronic resource]. Centre for East and South-East Asian Studies, Lund University. Retrieved from:
<https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=DownloadFile&recordId=8967295&fileId=8967296> (accessed: 04.10.2024)
- Harris, L. J. (2018). *The Peking Gazette: A Reader in Nineteenth-Century Chinese History*. Leiden; Boston: Brill.
- Tang Io Weng. (2022). The Research History of A Abelha da China, China's First Foreign Newspaper. *Revista De Cultura. A Abelha Da China: 200 years of foreign-language press in Macao*, 70, 42 -53.
- Xinyi, Xu. (1994). The Chinese Mass Media. In D. Wu and P. Murphy (Eds.) *Handbook on Chinese Popular Culture* (pp. 169-195). Westport, CT: Greenwood Press.
- 邓广铭. (2005). 邓广铭全集第六卷. 河北: 河北教育出版社, 671 页。
 。 [Deng Guangming. The sixth volume of the complete works of Deng Guangming. Hebei: Hebei Education Press].
- 姬德强 陈旭静 石艳 张磊 (2008) 一份古代媒介的“传者图像”——邸报的传播者研究. : 媒介研究 2008 年第 2 期], 1-12 页。 [Ji Deqiang, Chen Xiujing, Shi Yan, Zhang Lei. The image of the communicator of the ancient Chinese media is a study on Dibao. Beijing: Media Studies, issue 2, pp.1-12].
- 黄卓明. (1983). 中国古代报纸探源. [Huang Zhuomin. Research on the sources of ancient Chinese newspapers. Hebei: People's Daily Publishing House, 1983, p. 184.].

УДК 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.06>

А. Г. Фомин,

Абдул Хак Хакик⁸

Кемеровский государственный университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕТАФОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ

В статье предпринимается попытка рассмотреть концептосферу как совокупность мыслительных образов. Под концептосферой понимается ряд концептов, объединенных одним коммуникативным пространством. В данной работе концептосфера выделяется на основе четырех произведений известного американского писателя афганского происхождения Халеда Хоссейни. Концептосфера представлена как структурированное знание людей и способ организации когнитивного пространства, идентифицирующий культуру нации в целом и демонстрирующий ее богатство путем использования средств языка. Многообразие языковых средств в том числе включает лингвистические средства метафоризации обозначенной концептосферы. В исследовании демонстрируется связь концептосферы и авторской оценочности в рамках анализируемых произведений. Категория оценочности как универсальное средство выражения авторского отношения к описываемому феномену манифестируется различными средствами языка, анализ которых представлен в статье. Методологическую основу исследования составляет комбинация методов, позволяющих выделить языковые средства репрезентации основных тем и концептов. В работе также проводится анализ метафор, которые служат для усиления эмоционального и оценочного компонентов. Выявленные темы и концепты сопоставляются с отобранными метафорами,

⁸ © Фомин А.Г., Хакик А.Х. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

для того чтобы определить языковое окружение используемого автором концепта.

В результате исследования было выявлено, что несмотря на разнообразие описываемых в произведениях событий, используемые автором концепты почти полностью повторяются во всех четырех романах. Выявленные концепты актуализируются в тексте чаще всего посредством метафоризации. Результаты анализа убедительно показывают, что лингвистические средства метафоризации концептосферы являются способом репрезентации категории оценочности, характерным для авторского стиля Хоссейни.

Ключевые слова: концептосфера, метафоризация, категория оценочности, языковая репрезентация, концепт

UDC 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.06>

A.G. Fomin,

Abdul Haq Haqiq

Kemerovo State University

LINGUISTIC MEANS OF METAPHORIZATION OF THE CONCEPTOSPHERE AS A WAY OF REPRESENTING THE CATEGORY OF EVALUATIVENESS

The article aims to identify the conceptosphere as a set of mental images united by one communicative space – four works by the famous American writer of Afghan origin Khaled Hosseini. The conceptosphere is presented as a structured knowledge and a way of organizing cognitive space, identifying the culture of the nation, and demonstrating its richness through language. The variety of linguistic means also includes metaphorization. The study demonstrates the relationship between the conceptosphere and the author's evaluativeness. The category of evaluativeness as a universal means of expressing the author's values is manifested by various means of language. The methodology of the research makes it possible to identify linguistic means of representing the main concepts. The paper also analyzes metaphors that serve to enhance the evaluative components. The concepts are compared with the

metaphors to determine the linguistic surroundings of the concept used by the author.

The results revealed that the concepts used by the author are often repeated in all four novels. The identified concepts are actualized in the text most often through metaphorization. Thus, the analysis convincingly shows that linguistic means of metaphorizing the conceptsphere are a way of representing the category of evaluativeness, characteristic of Hosseini's author's style.

Keywords: conceptsphere, metaphorization, category of evaluativeness, linguistic representation, concept

Introduction

Among other things, concepts play a significant role in shaping the reader's experience, as they contribute to the depth and meaning of the text. In linguistics, a concept is a cognitive unit that represents an abstract idea associated with a particular object, event, phenomenon, or category. Concepts provide the basis for organizing and structuring our knowledge and understanding of the world. In linguistics, several scholars and theorists have provided definitions for the concept. One of the most prominent and influential figures associated with the conceptualization and understanding of concepts is George Lakoff. According to Lakoff's perspective, concepts represent fundamental structures of thought that underpin our perception of the world and the organization of knowledge (Lakoff, 2003). These concepts are cognitive models we create to classify, categorize, and comprehend the world around us.

Furthermore, Lakoff has developed the theory of conceptual metaphors, which suggests that we utilize concepts from one domain of experience to comprehend and describe other domains (Lakoff, 2003). Concepts are also studied within other branches of linguistics, such as semantics and pragmatics, as well as cognitive psychology. Researchers from various fields contribute to the comprehension and definition of these concepts, and various approaches and theories offer their perspectives and additions to the conceptualization process.

Eleanor Rosch examines the semantics of prototypes and the categorization of concepts. She contends that concepts are not static and definite, but rather evolve with gradations and variations. Rosch proposes focusing on prototypes, which represent the most typical and significant examples of a particular category. These ideal or most

representative examples have the highest level of similarity to other members of the category, however, the author acknowledges that there can be blurred boundaries between concepts that may not perfectly fit the prototype but still belong to the concept. Rosch also explores the relationship between prototypical representations and cognitive processing and perception. She finds that more typical representations of concepts are easier to recognize and classify (Rosch, 1975).

There is another theory that postulates that concepts and conceptual frameworks form the foundation for semantic representation in language, and that language reflects our conceptual organization (Jackendoff, 2010). Concepts serve as fundamental building blocks for meaning and thought, combining to form structured representations that define connections and meanings. These conceptual structures can be modified through cognitive processes such as classification, attribution, and causality. This theory of conceptual semantics identifies a parallel architecture in which various aspects of semantic processing take place and interact concurrently.

The interaction between concepts, language, and literature centers on how concepts influence our perception and understanding of written texts, as well as how they are manifested and reflected in linguistic structures. Special attention is given to metaphors in E. Semino's research where she examines how metaphorical language represents our conceptual worldview and affects the comprehension of written materials through stylistic and rhetorical aspects of texts, as well as their conceptual structure (Semino, 2016). Cognitive analysis of literary texts employed by Semino explores the transmission of ideas and conceptual frameworks within literature, their significance in shaping meaning and influence, and their interplay with other linguistic and stylistic components of the text. The significance of concepts in literary analysis is emphasized, along with their influence on understanding written material and their interaction with other linguistic and cultural elements in creating meaning (Turner, 2006).

Metaphors and symbols have been studied in various branches of linguistics and literary analysis. Semiotics explores the significance of symbols as systems of communication (Eco, 1976; Barthes, 1977), while structuralism investigates the functions of these symbolic systems within literary texts (Levi-Strauss, 1963; Saussure, 2011). Psycholinguistic research examines the cognitive and emotional dimensions of

metaphorical expression in literature (Gibbs, 2006), while literary criticism analyzes the symbolic elements and metaphorical devices employed in specific literary works (Miller, 1978; Bloom, 1973).

Linguists explore techniques for metaphorical word formation, which play a crucial role in conveying evaluativeness and conceptualizations of ideas. Through these linguistic processes, writers can convey emotional and evaluative nuances by transferring meaning between different concepts. Symbols and metaphors contribute to the creation of deeper meanings and enhance the emotional impact of literary texts on readers.

Linguistic devices of metaphORIZATION play a significant role in conveying evaluative meaning and conceptualizing ideas. They enable us to express emotional and evaluative dimensions by transferring meaning from one concept to another. Common linguistic devices of metaphor include the following analogies when metaphorical expressions based on analogies between two distinct entities or ideas enable us to impart evaluative significance. For instance, «*life is a journey*» as a conceptual metaphor implies that life contains both positive and negative aspects, analogous to the experience of traveling. The use of words with specific connotations or phrases associated with emotions can help express evaluativeness. For example, «*a sea of fury*» can convey a concept of anger, or «*an impenetrable wall of obstacles*» or «*a barrier of mistrust*».

Certain symbols can represent evaluative concepts. For instance, the «*white dove*» is a symbol of peace and goodness. In certain situations, words and phrases can take on an evaluative interpretation. An example is «*bitter truth*» which can indicate a negative evaluation.

Concepts are important for creating depth and complexity in a text. Authors use concepts to convey their ideas, express emotions, and create symbols and themes. Concepts can be presented through narrative, character descriptions, dialogue, and other literary devices.

The ideas can be explored through the events, actions, and thoughts of the characters. Concepts can also be represented through symbols, metaphors, and imagery to enhance the emotional impact on readers. They may evoke emotional responses and contribute to discussions and analyses of the thematic and symbolic elements of a work

Materials and Methods

Four works by Khaled Hosseini have been chosen for this study. «*The Kite Runner*» (Hosseini, 2003), explores various aspects of human

experience. The narrative focuses on the intricate relationship between Amir and Hassan. Amir is faced with a challenging situation where his actions will have long-lasting consequences for his friend, Hassan. The novel emphasizes the significance of friendship and its impact on the lives of its characters.

The novel «A Thousand Splendid Suns» (Hosseini, 2007) explores various aspects of life in Afghanistan, primarily focusing on the experiences of Afghan women. The narrative follows the journeys of the two main characters, Mariam and Leila, as they navigate through a society that imposes restrictions and violence on women. Despite these obstacles, they exhibit resilience and determination in their pursuit of independence and autonomy. The novel explores the complexities of family relationships, illustrating the sacrifices that characters make for the benefit of their loved ones.

«And the Mountains Echoed» (Hosseini, 2013) spans several decades and features numerous characters and settings. The narrative begins in 1952 in the Afghan village of Sabra, where siblings Abdullah and Parveen confront a challenging choice when their father sells their younger sister to support the family. This occurrence leaves an indelible impression on their lives and relationships. The book then takes readers through various years and locations, tracing the lives of those associated with Abdullah and Parveen.

«The Sea Prayer» (Hosseini, 2018) is a short poem. Although it is not a novel, it explores themes that are typical of the author's work, such as family, love, and the human spirit. The poem follows the story of a father's prayer for his son's safety as they embark on a journey to find a better future in a new country.

The research is based on several methodological approaches, including textual, linguistic, comparative, and conceptual analyses. Textual analysis allows for the examination of linguistic features such as word selection, phrases, sentences, and dialogue. Particular emphasis is placed on metaphors, stylistic devices, and structural, and compositional elements of the work.

Linguistic analysis of expression contributes to the understanding of the role of specific linguistic features in creating emotional shades, atmosphere, imagery, and the influence on reader interpretation.

Comparative analysis facilitates the comparison of all texts by the same author, identifying shared concepts and stylistic elements.

The conceptual analysis uncovers key concepts and their relation to the central ideas in the text, with metaphors, associations, and symbols playing a significant role in revealing deeper meanings.

A comprehensive analysis of metaphors has allowed us to explore their context, semantic significance, emotional nuances, and underlying implications.

The application of these methods has provided a systematic comprehension of literary works and their distinctive features.

Results and Discussion

The study's findings indicate that Khaled Hosseini utilizes a variety of techniques to establish a conceptosphere in his novels. By providing detailed descriptions of Afghan landscapes, urban environments, architectural features, and domestic items, he enables readers to visualize the surroundings in which his protagonists reside. In his writings, Afghanistan is frequently portrayed through conceptual metaphors that allow readers to become immersed in the emotional and cultural background. For example, in «The Kite Runner» (Hosseini, 2003), Afghanistan is actualized by the metaphor «snake», which represents danger, beauty, and grace. In «A Thousand Splendid Suns» (Hosseini, 2007), the «red roses» become a metaphor for feminine beauty and strength. The metaphors for «sand» and «desert» evoke feelings of despair and loss, while the «book» in «And the Mountains Echoed» (Hosseini, 2013) symbolizes the connection between the past and the present. The «wind» in «The Sea Prayer» (Hosseini, 2018) represents freedom and absence.

These metaphors help to create a rich atmosphere that captures the complexity of Afghan culture and society. Hosseini's use of narrative technique allows him to transport the reader through different periods of history and locations, exploring complex human relationships and emotions.

Table 1

Theme	«The Kite Runner»	«A Thousand Splendid Suns»	«And the Mountains Echoed»	«Sea Prayer»
Friendship and Betrayal	+	+	+	

Family	+	+	+	+
Guilt and Redemption	+		+	
The Impact of Political Upheaval	+	+		
The Search for Identity	+	+	+	+
The Search for The Meaning of Life		+		
Compassion and Human Connection		+		+
Refugee and migration				+
Fate and loss				+

The analysis identified several key concepts that recur in all of Khaled Hosseini's writings (Table 1). These concepts include family, friendship, loss, trauma, historical and political background, identity, and justice. Hosseini often portrays the lives of ordinary individuals who are impacted by historical events and political upheaval. This allows him to demonstrate how external factors and unforeseen circumstances shape and transform the lives of his protagonists. Additionally, the author adeptly incorporates elements of Afghan culture and heritage, emphasizing the distinctiveness of that culture and history.

Metaphors are a significant aspect of Hosseini's literary style. He employs symbolism and metaphor to effectively convey the core concepts of his works. For example, the physical journeys of his characters represent their internal journeys and quests. The «*journey*» symbolizes the pursuit of freedom, the search for meaning or healing, as well as the challenges and obstacles encountered by the protagonists.

Hosseini frequently incorporates «*gardens*» and «*floral imagery*» into his stories, which serve as symbols of beauty, hope, and renewal, even in adversity. The gardens can also represent a lost paradise or childhood.

Additionally, Hosseini conceptualizes significant objects such as «*letters*» and «*photographs*» to represent memory, connection with the past, and important moments in the lives of his characters. These items hold emotional and symbolic importance, assisting in conveying the story and personalities of the characters.

«*Weather*» and «*natural elements*» play a crucial role in Hosseini's writings, reflecting the emotional state of his characters and establishing a unique atmosphere. For instance, «*storms*» and «*scorching heat*» can represent danger and tension, whereas «*blooming fields*» and «*tranquil seas*» can represent hope and peace.

«*Mountains*» are a prominent concept in Hosseini's writing, representing both literal and metaphorical elements. They can symbolize the obstacles and challenges that characters must face, as well as their inner strength, resilience, and protective nature. In Hosseini's narratives, characters frequently ascend mountains, both physically and metaphorically, to achieve their objectives.

«*Wings*» and bird imagery represent freedom and liberation from constraints. They symbolize a character's desire for independence and soaring above limitations. Wings and birds also represent hope and aspirations.

«*Fire*» and «*candlelight*» symbolize overcoming darkness and uncertainty. These elements represent the power of optimism and light, which enable characters to overcome fears and difficulties. Fire may also symbolize transformation and renewal.

In Khaled Hosseini's novels, concepts and conceptual metaphors are closely intertwined. A concept refers to an abstract idea or theme that permeates the narrative and carries a specific message. A conceptual metaphor, on the other hand, is a way of visually and symbolically representing these concepts and related aspects.

Table 2

Concept	Conceptual Metaphor	Meaning
Family and Kinship	The chest and the keys that open it	The past and the family history heroes share, and their connection through letters

Guilt and Loss	Stones	burden of the past, sins and hard times, guilt, trauma
Identity and Searching	Paths and Roads	The path of life, choices, and destiny, the movement of the characters through life, their search and desire for something new or better
Justice and Freedom	Swallows	Freedom, hope, and homecoming

Conceptual metaphors play a significant role in Hosseini's writing, serving to both convey and reinforce important concepts. These figurative devices transform abstract ideas into more concrete and tangible images, rendering them more comprehensible and appealing to the reader. They may incorporate symbols, imagery, and recurrent themes that serve to represent key concepts and ideas within the novels.

Not only do these metaphors help convey the deeper meanings and emotional resonance of the narratives, but they also elicit powerful emotional responses from readers. By reinforcing central themes, these metaphors create a unique linguistic framework that lingers with readers long after completing the reading experience, inspiring introspection and discussion.

A set of interrelated concepts that exist within a specific context forms a conceptosphere. Verbal representation of the conceptosphere is established through the use of various linguistic and stylistic techniques. By using metaphors, similes, symbols, and other devices the author helps create depth and emotion in the text and navigate readers through his conceptosphere. Readers interact with this conceptual domain, creating their interpretations and understandings that are also influenced by personal experiences, knowledge, and emotional responses.

The selection of concepts by the author serves as a way of expressing the attitude and evaluation towards the plot, the actions of characters, or the theme of the piece. Authors employ concepts that carry emotional, aesthetic, or moral significance to articulate their viewpoint or emphasize specific elements of the work.

For example, in some cases, Hosseini describes a protagonist as «*brave*» and «*strong*» to convey a positive assessment of this character and his actions. This enables the author to express support for and

approval of the protagonist's conduct throughout the narrative. Alternatively, Hosseini employs negative concepts or associations to express disapproval or criticism of certain aspects. He describes some environments as «*gloomy*» or «*depressing*» to create a negative mood or convey a sense of oppression within the story.

The linguistic expression of evaluation is manifested through the contextual use of specific language units within the conceptsphere established by the author. The author can choose specific words, phrases, grammatical constructions, or stylistic techniques to convey their opinion, assessment, or emotional tone.

For example, the use of emotionally loaded adjectives and metaphors to express evaluativeness. Also, the use of rhetorical questions can emphasize an author's stance or evoke an emotional reaction from readers. In «*The Kite Runner*» Hosseini writes: «*Can a person make such a mistake that will leave him in the shadow forever?*» or «*What is the price of betrayal? How far are we willing to go to atone for our sins?*». From the novel «*A Thousand Splendid Suns*» we read: «*What happens to the world when women lose their dreams?*» and «*Who are we to judge others? Who gave us the right to take away someone's happiness and freedom?*». In the novel «*And the Mountains Echoed*» the author asks: «*What will you do if your life ceases to be yours? What choices are we willing to make to save others?*» and «*When we get lost in the dark corridors of time, what will remain of our memory?*»

These rhetorical questions are asked in Hosseini's novels and employed as a means to express the writer's evaluativeness and to emphasize importance, evoke reflection, and focus on the deep emotional and moral aspects of life, choices, justice, and meaning. For instance, when Khaled Hosseini includes a rhetorical question that inquires whether a person may commit a mistake so significant that it would leave them in permanent obscurity. This query creates emotional tension and emphasizes the irrevocable nature of the error and its implications. This rhetorical question is a part of the conceptsphere, which includes concepts such as friendship, betrayal, and guilt. The category of evaluativeness is revealed in the linguistic context in that the author chooses to illustrate the designated concepts. Amir betrays Hassan during a hot kite contest. Amir feels intense envy and jealousy towards Hassan and resolves to win the contest to impress his father and prove his worth. Hassan, Amir's longtime friend and confidante, has always

stood by his side and assisted him. However, during the contest, a group of troublemakers began to harass Hassan when he was in the background. Faced with a choice between helping his friend and winning the contest, Amir chooses the second and fails to assist Hassan. After the event, Amir realizes his mistake and feels guilt and regret over his actions.

This incident marks a turning point in the story and has a significant impact on the relationship between the two main characters. Amir must face the consequences of his unethical actions throughout the story. The act of betrayal and its aftermath are the central concepts of the narrative, examining the personal, emotional, and cultural aspects of each character's journey.

Other examples of the contextual environment from the novels of Khaled Hosseini, describing the author's conceptsphere and conveying the author's evaluativeness, are verbalized in the following conceptual metaphors (Table 3):

Table 3

The Kite Runner	We cannot choose where to be born, but we can choose who we will become
	A kite is freedom. A kite is life
A Thousand Splendid Suns	There is a moment in every person's life when he realizes that the plot of his fate is just the wind, but the wind before which it is impossible to hide
	They were like the sun, which penetrates through the clouds and illuminates the world around it
And the Mountains Echoed	We were the sand washing away underfoot, but we were also the water that washed away the footprints
	We live in a world where nothing disappears without a trace. Everything we've ever done, everything we've ever said, stays with us forever
The Sea Prayer	When you look into the depths of the abyss, the abyss will also look into you

	Words can be the most powerful weapon in the world. They can destroy and heal, amaze and inspire
--	--

These are just some examples of phrases from Khaled Hosseini's novels that reflect concepts and show the author's evaluativeness. In the novels of Khaled Hosseini, conceptual metaphors and their linguistic contexts play an important role in conveying the author's evaluation of events and shaping his worldview. They connect specific objects or events with abstract concepts, creating new meanings and conveying evaluativeness. As is seen from Table 3, the wind serves as a metaphor for various aspects of life, such as change, fate, and a powerful force affecting the characters' lives. This metaphor not only represents a natural phenomenon but also symbolizes different concepts of human experience, such as destiny, nature's power, freedom, and opportunity.

In the linguistic context of Khaled Hosseini's novels, the metaphor of wind is presented through descriptions of natural settings, impressions of characters, images, and comparisons. The author selects words and phrases carefully to convey his ideas and create a particular atmosphere in the text, using language that aligns with his evaluative ideas and conceptsphere.

Conclusion

In conclusion, an analysis of Khaled Hosseini's works has revealed that, despite the diversity of plots and events experienced by the characters, several overarching concepts can be identified in each work. These recurring concepts include family, the overcoming of difficulties, and the search for and maintenance of cultural identity. To convey the intricate relationships between the characters, as well as the interweaving of their fates and the impact of political events, the author employs a diverse range of metaphors. Symbolic and figurative devices in Khaled Hosseini's writings play a significant role and enable readers to delve into the depths and emotional core of the narrative, fostering a deeper comprehension of the characters' journeys toward redemption, tranquility, or liberation. At the same time, the metaphORIZATION of concepts serves as a way of representation of evaluativeness. The use of metaphors not only helps to represent and understand abstract ideas but also serves as an effective tool for expressing evaluativeness. Metaphors have strong connotations and emotional undertones, allowing authors to

indirectly convey their subjective opinions and assessments. By employing metaphorization, the writer imbues descriptions and narratives with positive or negative connotations, influencing the audience's perception and interpretation of the presented concepts. Metaphors allow the author to express his attitudes, beliefs, and values implicitly, without directly stating them. Through the selection and use of metaphors, the writer subtly shapes readers' understanding and evaluation of different aspects of the story, characters, and concepts. Furthermore, the evaluative nature of conceptual metaphors extends beyond individual instances.

The use of conceptual metaphors allows the author to convey evaluative meanings through figurative language. Metaphors provide a means for the author to express his opinions indirectly, influencing the reader's perception of the concepts and themes presented in the work. The conceptual metaphors in Khaled Hosseini's novels have similarities and differences, and their use reflects the unique themes and context of each story. The category of evaluativeness manifests itself through the linguistic surroundings in the contexts of those linguistic units that verbalize linguistic concepts, collectively forming the conceptosphere of the work.

Литература

1. Анализ книги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <url> <https://bookanalysis.com/khaled-hosseini/best-books/>
2. Барт Р. Изображение – Музыка – Текст / Р. Барт. – Хилл и Ван, 1977. – 220 с.
3. Блум Х. Боязнь влияния: теория поэзии / Х. Блум. – Издательство Оксфордского университета, 1973. – 208 с.
4. Гиббс Р. У. Воплощение и когнитивная наука / Р. У. Гиббс. – Издательство Кембриджского университета, 2006. – 348 с.
5. Джекендофф Р. Значение и лексикон: Параллельная архитектура / Р. Джекендофф. – Издательство Оксфордского университета, 2010. – 375 с.
6. Лакофф Г., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Г. Лакофф, М. Джонсон. – Издательство Чикагского университета, 2003. – 256 с.

7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – Basic Books, 1963. – 410 с.
8. Миллер Дж. Х. Критик как ведущий: исследование метода, смысла и безумия литературной критики / Дж. Х. Миллер. – Издательство университета Индианы, 1978. – 216 с.
9. О Халеле Хоссейни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khaledhosseini.com/#:~:text=Khaled%20Hosseini%20was%20born%20in,to%20the%20people%20of%20Afghanistan>
10. Рош Э. Когнитивные представления семантических категорий / Э. Рош // Журнал экспериментальной психологии. – №104 (3). – 1975. – 192-233 с.
11. Семино Э. Метафора в дискурсе: контекст, культура и познание / Э. Семино. – Издательство Кембриджского университета, 2016.
12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – Издательство Колумбийского университета, 2011. – 236 с.
13. Тернер М. Литературный склад ума / М. Тернер. – Издательство Оксфордского университета, 2006. – 196 с.
14. Хоссейни К. Бегущий за ветром / К. Хоссейни. – Риверхед Букс, 2003. – 372 с.
15. Хоссейни К. Тысяча сияющих солнц / К. Хоссейни. – Риверхед Букс, 2007. – 354 с.
16. Хоссейни К. И эхо летит по горам / К. Хоссейни. – Риверхед Букс, 2013. – 404 с.
17. Хоссейни К. Молитва морю / К. Хоссейни. – Riverhead Books, 2018. – 48 стр.
18. Эко У. Теория семиотики / У. Эко. – Издательство университета Индианы, 1976. – 368 с.

References

- Barthes, R. (1977). *Image – Music – Text*. Hill and Wang.
- Bloom, H. (1973). *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*. Oxford University Press.
- Book Analysis. (n.d.). *Top 3 Best Khaled Hosseini Books*. Retrieved from <https://bookanalysis.com/khaled-hosseini/best-books/>
- Eco, U. (1976). *A Theory of Semiotics*. Indiana University Press.

- Gibbs, R. W. (2006). *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge University Press.
- Hosseini, K. (2003). *The Kite Runner*. Riverhead Books.
- Hosseini, K. (2007). *A Thousand Splendid Suns*. Riverhead Books.
- Hosseini, K. (2013). *And the Mountains Echoed*. Riverhead Books.
- Hosseini, K. (2018). *Sea Prayer*. Riverhead Books.
- Hosseini, K. (n.d.). *About Khaled Hosseini* [Electronic resource]. Retrieved from <https://khaledhosseini.com/#:~:text=Khaled%20Hosseini%20was%20born%20in,to%20the%20people%20of%20Afghanistan>
- Jackendoff, R. (2010). *Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975-2010*. Oxford University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
- Lévi-Strauss, C. (1963). *Structural Anthropology*. Basic Books.
- Miller, J. H. (1978). *The Critic as Host: A Study in the Method, Meaning, and Madness of Literary Criticism*. Indiana University Press.
- Rosch, E. (1975). Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology: General*, 104(3), 192-233.
- Saussure, F. (2011). *Course in General Linguistics*. Columbia University Press.
- Semino, E. (2016). *Metaphor in Discourse: Context, Culture, and Cognition*. Cambridge University Press.
- Turner, M. (2006). *The Literary Mind*. Oxford University Press.